

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ГОО «ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Б. ГАФУРОВА»
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

На правах рукописи

АБДУСАТТОРИ НИГОРА ИНОМ

**ИСТОРИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ АНГЛИИ И РОССИИ В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 70-80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности
5.6.2 – Всеобщая история (соответствующий период)

Научный руководитель: доктор
исторических наук, профессор
Олимов Музаффар Абдуваккосович

Худжанд - 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-24
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ АНГЛО-РУССКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (60–70-е годы XIX века)	
1.1. Политика английских колонизаторов накануне присоединения Средней Азии к России.....	25-48
1.2. Англо-русские отношения и российское завоевание Средней Азии в 60–70-е годы XIX века.....	49-67
ГЛАВА II. БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ АФГАНИСТАНА И БУХАРЫ В 70–80-е ГОДЫ XIX ВЕКА	
2.1. Дипломатическое противостояние Великобритании и России в период установления границ Афганистана и Бухары в 1872–1873 годах.....	68-80
2.2. Формирование британской колониальной политики в Афганистане в 70–80-х годах XIX в.....	80-106
2.3. Провал английских агрессивных планов в Средней Азии в период русско-афганского разграничения в 80-х годах XIX в	106-120
ГЛАВА III. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ДЕЛИМИТАЦИИ И ДЕМАРКАЦИИ ГРАНИЦ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АНГЛИЕЙ	
3.1. Начало процесса определения границ Российской империи на Памире.....	121-140
3.2. Установление государственной границы между Россией и Афганистаном в 1887 году.....	140-161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	162-169
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	170-186

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется тем, что динамика и современное состояние международных отношений, а также политико-экономическая нестабильность в условиях конкуренции за влияние в Центральной Азии побуждают исследователей всё чаще обращаться к истории «Большой игры» в данном регионе. Всесторонний анализ важнейших политических, экономических и социальных событий, произошедших более ста пятидесяти лет назад, позволяет не только глубже осмыслить исторические процессы, но и сделать объективные выводы из современных международных отношений в регионе, избегая повторения ошибок прошлого.

Актуальность обусловлена необходимостью всестороннего анализа важнейших политических, экономических и социальных событий, произошедших сто пятьдесят лет назад. Извлечение объективных выводов из имперского периода позволяет глубже понять современные международные отношения в регионе и избежать повторения допущенных в прошлом ошибок.

Научная значимость темы заключается также в том, что обращение к историческим прецедентам позволяет выявить истоки пограничных и территориальных споров между государствами Центральной Азии, зародившихся в период экспансии Российской империи. Данный процесс начал приобретать масштабный характер в 1840-х годах, по мере активизации проникновения британских агентов на Ближний Восток, в Центральную Азию и Западный Китай. Правящие круги Великобритании стремились использовать свои позиции в Иране, Афганистане, а также в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах не только в качестве рынков сбыта и источников сырья, но и как военно-политический плацдарм для давления на юго-восточные рубежи России.

Актуальность темы определяется тем, что на историческом материале представляется возможным выявить истоки современных приграничных и

территориальных споров в сопредельных государствах Центральной Азии, восходящих к периоду интеграции региона в состав Российской империи. Особую остроту данная проблема приобрела в 1840-х годах, когда британские агенты начали активно проникать в Центральную Азию и Западный Китай, преследуя геостратегические цели. Если для Великобритании Индия выступала ключевым колониальным активом («жемчужиной британской короны»),¹ то продвижение России в Центральную Азию во многом диктовалось соображениями геополитического престижа и необходимостью защиты своих юго-восточных рубежей перед лицом экспансии западных держав.

XIX век ознаменовал собой качественно новую веху в истории Великобритании, определив её индустриальное и колониальное развитие. Именно экспансионистский курс Лондона стал ключевым фактором эскалации англо-русских отношений. Колониальное соперничество в этот период непрерывно нарастало, вовлекая в свою орбиту ведущие мировые державы и расширяясь как вглубь, так и вширь. Стремление промышленно-финансовых кругов к экономическому доминированию обуславливало захват новых территорий в Азии и Африке, что сопровождалось локальными войнами, дипломатическими кризисами и подчинением коренных народов. Мировые империи, формировавшие систему международных отношений, неизменно стремились к наращиванию военной мощи как важнейшего инструмента обеспечения собственной безопасности, поскольку от их внешнеполитического курса зависели не только глобальные геополитические процессы, но и судьбы целых регионов.

Данная историческая закономерность предопределяет актуальность темы исследования. В течение XIX и в начале XX века колониальное соперничество изменило конфигурацию международных отношений, начертив контуры глобальной современности. Кардинальные изменения в

¹ Маркс К. Британское владычество в Индии /К. Маркс, Ф. Энгельс //Сочинения. – 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 9. – С. 130–136.

Европе, повлиявшие на баланс сил в мировой системе, где столкнулись интересы великих держав — прежде всего России и Великобритании, — требовали от правительств гибких стратегий и практических решений. Динамика трансформации политической карты мира в результате колониальных завоеваний к 70-м годам XIX века внесла существенные коррективы в международную повестку в условиях нового этапа колониального раздела мира, и усилила дисбаланс сил. В этот период основными геополитическими узлами стали Балканы, Ближний и Дальний Восток, а также Центральная Азия, превратившаяся в один из главных очагов имперских конфликтов.

Принимая во внимание значимость избранной темы, следует отметить, что колониальные столкновения XIX — начала XX века заложили основу многих современных международных проблем Евразии. Во-первых, решающим фактором в становлении конфигурации имперского фронта (пограничья) в Центральной Азии выступало геополитическое соперничество России и Великобритании. Во-вторых, именно в эпоху имперского господства в регионе были заложены основы национального строительства, трансформировавшиеся впоследствии в сложные этнополитические процессы внутри полиэтнических государств. Данная трансформация развивалась в рамках жестких категорий «граница» и «нация» исключительно в интересах имперских держав, практически игнорируя специфику традиционного общества. Искусственные барьеры, созданные противоборствующими империями, привели к расчленению крупных этносов (таджиков, пуштунов, узбеков и др.). В-третьих, парадоксальным образом именно англо-русское противостояние способствовало оформлению буферного Афганского государства. Укоренившиеся проблемы, уходящие корнями в XIX век, трансформировались в серьезные вызовы XXI века, генерируя международно-политическую нестабильность в современной Центральной Азии.

Военная история и история дипломатии Великобритании и России на Ближнем Востоке и в Центральной Азии традиционно привлекают

повышенное внимание исследователей. На протяжении прошлых столетий стратегические интересы Великобритании и Российской империи сталкивались в азиатском регионе, при этом действия Лондона неизменно камуфлировались лозунгом защиты Британской Индии от «русской угрозы» (вторжения).

Британская колониальная экспансия на Среднем Востоке достигла своей кульминации в 70–80-е годы XIX века, когда геополитические проекты Великобритании и Российской империи столкнулись непосредственно. Это положило начало разделу сфер влияния в Центральной Азии и оказало определяющее влияние на историческую судьбу Афганистана. Следствием данного противостояния стали стратегический дисбаланс и общая дестабилизация политической обстановки в регионе. Оценивая критический накал англо-русских противоречий в этот период, В. И. Ленин отмечал: «...В 1885 году Россия была на волосок от войны с Англией потому, что обе делили (грабили) Среднюю Азию».¹

Ряд исследователей, опираясь преимущественно на тезисы британской историографии, склонны к односторонней оценке колониальной политики Российской империи и ключевых событий «Большой игры» в Центральной Азии. В этой связи комплексный и объективный анализ эволюции англо-русского соперничества в регионе представляется одной из наиболее актуальных задач современной исторической науки.

Степень изученности проблемы. В обширном массиве историографических проблем второй половины XIX — начала XX века ключевое место занимает геополитическое соперничество ведущих мировых держав в Центральной Азии. От исхода этой масштабной геостратегической конкуренции, к которой было приковано внимание крупнейших европейских государств, во многом зависела судьба всего региона. Данное многолетнее противостояние прочно вошло в историографию под названием «Большая

¹ Ленин В.И. Тетради по империализму // Полн. собр. соч. – Т. 28. – С. 493.

игра».¹ Данная концепция выступала ключевым инструментом реализации геостратегических целей великих держав, направленных на колониальную экспансию и превращение зависимых территорий в сырьевые придатки, что в конечном итоге предопределило контуры политической карты не только Азиатского континента, но и мира в целом. Безусловно, историография рассматриваемой темы обладает значительным исследовательским потенциалом. На первый взгляд может показаться, что в ней практически не осталось существенных лакун, однако детальный анализ источниковой базы указывает на наличие множества дискуссионных и малоизученных аспектов. Более того, введение в научный оборот вновь обнаруживаемых архивных материалов свидетельствует о существовании широкого спектра неисследованных вопросов, требующих дальнейшего осмысления.

Как правило, указанная проблема неизменно находилась в фокусе внимания историков, политологов и публицистов, ввиду чего фрагментарный анализ и общее описание англо-русского противостояния представлены во многих научных трудах. Тем не менее до сих пор вне рамок комплексного переосмысления остаётся политика Великобритании в 70–80-х годах XIX века в контексте соперничества великих держав в Средней Азии. Ограниченный объем введения не позволяет провести исчерпывающий историографический анализ всей существующей литературы и источников. По этой причине автор ограничивается трудами, наиболее близкими к предмету исследования, с целью обосновать необходимость проведения самостоятельного диссертационного исследования по выбранному направлению.

Дореволюционные исследователи А.Е. Снесарев,² М.А. Терентьев,³ А.И. Макшеев⁴ и др. подробно анализировали ключевые причины, предпосылки и ход противостояния великих держав в Центральной Азии.

¹ Гаджиев К.С. Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. – 2003. - №1. - С. 17-25.

² Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. – СПб., 1906. – 162 с.

³ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии / М. А. Терентьев. – Санкт-Петербург: Типография П. П. Меркулева, 1875. – 372 с.; Он же: Завоевание Средней Азии. – СПб., 1906. – 372 с.

⁴ Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских /А.И. Макшеев. – Санкт-Петербург: Военная типография, 1890. – 375 с.

Британская историография XIX века, представленная трудами Г. Роулинсона,¹ Ч. Мак Грегора,² Э. ди Ласи,³ Дж. Макнелла,⁴ Д. Уркварта,⁵ Д. Боуглера,⁶ Дж. Курзона⁷ детально рассматривает исследуемую проблему и обладает высокой значимостью в фактологическом отношении, отражая официальные и общественные взгляды Лондона на «русскую угрозу».

В советской историографии, в частности в работах А.Е. Снесарева,⁸ В.В. Бартольда,⁹ Ф. Юлдашбаева,¹⁰ Е.Л. Штейнберга,¹¹ Н.А. Халфина,¹² Г.А. Хидоятова,¹³ С.З. Мартиросова¹⁴ была существенно расширена источниковедческая и материальная база исследования крупных исторических событий в Центральноазиатском регионе, прежде всего – различных аспектов английской и российской политики во второй половине XIX – начале XX века.

Особо следует остановиться на современной российской историографии по изучению исследуемой проблемы, в которой привлекают труды таких исследователей как О.И. Жигалина,¹⁵ Л.Н. Харюков,¹⁶ Н.В. Терентьева,¹⁷ К.Г.

¹ Rawlinson H. England and Russia in the East. – London, 1875. – 368 p.

² MacGregor C.M. The Defence of India. – Simla, 1884. – 274 p.

³ Lacy E.G. The Designs of Russia. – London, 1828 – 312 p.; Он же: On the Practicability of an Invasion of British India. – London, 1829. – 248 p.

⁴ McNeill Progress and Present Position of Russia in the East. – London, 1836. – 312 p.

⁵ Urquhart D. England, France, Russia and Turkey. – London, 1834. – 356 p.; Он же: England and Russia. – London, 1835. – 298 p.

⁶ Bougler D. Central Asian Question. Essays on Afghanistan, China and Central Asia. - L., 1885. – 412 p.

⁷ Curzon. G. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. – L.-NY., 1889. – 490 p.

⁸ Снесарев А.Е. Афганистан. – М., 1921. – 288 с.

⁹ Бартольд В.А. История изучения Востока в Европе и в России. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1925. – 72 с.

¹⁰ Юлдашбаева Ф.Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70-80-е годы XIX в.). – Ташкент, 1963. – 152 с.

¹¹ Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 312 с.

¹² Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). - Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. - 356 с.; Он же: Присоединение Средней Азии к России (60-90-е гг. XIX в.). – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1965. – 420 с.

¹³ Хидоятов Г.А Из истории англо-русских отношений в средней Азии в конце XIX века. –Ташкент, 1969. – 248 с.

¹⁴ Мартиросов С.З. Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе. – Ашхабад, 1962. – 198 с.

¹⁵ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке. (XIX - начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. – Москва, 1990. – 312 с.

¹⁶ Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и Исламизм. - М.: «Изд-во Моск. ун-та», 1995. - 240 с.

¹⁷ Терентьева Н.В. Советская историография англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.09/ Н.В.Терентьева. – Нижневартовск, 2003. – 24 с.

Кубанов,¹ А.К. Данков,² А.В. Сальникова,³ Л.М. Смирнова,⁴ Е.Г. Гарбузарова.⁵

В третьей главе своего исследования К.Г. Кубанов рассматривает английскую колониальную политику в контексте защиты Индии от предполагаемых российских завоевательных планов, включая политику Великобритании в Средней Азии. В монографии Л.Н. Харюкова объясняется, что политическое значение этой страны в делах Центральной Азии определяется её географическим положением. Касательно договора России и Англии 1873 года автор пишет: «Трезво мыслящие английские государственные и общественные деятели прекрасно понимали, что царское правительство ставило перед собой в Средней Азии только реально выполнимые, ограниченные задачи, что Россия была далека от планов вторжения в Индию, а любые утверждения об опасности русского наступления в направлении Индии были чрезмерно преувеличены».⁶

Автор справедливо отмечает, что миф о внешней угрозе для британского господства на Индостанском субконтиненте оказывал значительное влияние на формирование общественного мнения в метрополии, способствовал искусственному нагнетанию атмосферы подозрительности и недоверия к России, а также стимулировал британскую наступательную политику в Центральной Азии. Творцы этой экспансионистской политики – Г. Роулинсон, министр по делам Индии Р. Солсбери, Д. Литтон и другие – призывали под предлогом обороны Индии к вмешательству в дела Афганистана, Персии и

¹ Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII - начала XX вв.: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.03/ К. Г. Кубанов – 2007. – 28 с.

² Данков А.К. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX - начало XXI вв.: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.09/ А. К. Данков. – Томск, 2008. – 28 с.

³ Сальникова А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX – начале XX века: автореф. дис. ... кан. ист. наук: А. В. Сальникова. – Иваново, 2009. – 24 с.

⁴ Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70-90-е годы XIX века: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.03/ А. В. Смирнова. – Санкт-Петербург, 2004. – 32 с.

⁵ Гарбузарова Е.Г. Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.09/ Е. Г. Гарбузарова. – Бишкек, 2010. – 24 с.

⁶ Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и Исламизм. - М.: «Изд-во Моск. ун-та», 1995. – С. 32.

других стран с целью укрепления британского влияния и могущества. В действительности ими руководили преимущественно экспансионистские интересы.¹

В отличие от России, продвижение Великобритании в Центральной Азии являлось планомерным и системным. Она умело использовала комплекс средств, обусловленных значительными финансовыми ресурсами, геополитической осведомлённостью, а также внешнеполитическими ошибками Российской империи.

Историографическое исследование А.К. Данкова, посвящённое соперничеству Англии и России в Средней Азии, обобщает развитие изучения данной проблемы в российской и британской историографии. Автор выделяет три этапа изучения и характеризует их отдельно, а также предпринимает попытку сопоставления новых подходов и концепций в исследованиях России и Великобритании по проблеме англо-русского противостояния в Центральной Азии. В заключении А.К. Данков пишет: «Наступательная политика Англии конца 70 – начала 80-х гг. XIX века, в свою очередь, привела к развязыванию второй англо-афганской войны, поражению британской армии и падению её военного престижа».²

Англо-русское противостояние в центральноазиатском регионе являлось объектом исследования А.В. Сальниковой. В её работе, охватывающей период с 70-х годов XIX – начала XX века, рассматриваются последствия соперничества России и Англии, в том числе влияние данного противостояния на ухудшение англо-российских отношений в Центральной Азии. Автор отмечает: «Британская дипломатия использовала все возможные средства для достижения намеченных целей. В частности, она развернула обширную шпионскую сеть в Центральной Азии, вела переговоры, предлагала

¹ Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и Исламизм. - М.: «Изд-во Моск. ун-та», 1995. – С. 33.

² Данков А.К. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX - начало XXI вв.: автореф. дис. ... кан. истор. наук: 07.00.09. 2008.

финансовую помощь эмирам, привлекала на свою сторону некоторых правителей ханств и государств посредством подкупа».¹

Особое внимание необходимо уделить анализу рассматриваемой проблематики в отечественной историографии, где исследуется степень изученности англо-русского соперничества в Средней Азии в XIX веке. Вопросы противостояния Великобритании и России так или иначе затрагиваются во многих трудах исследователей Таджикистана, посвященных политической истории таджикского народа дореволюционного периода. Тем не менее отсутствие обобщающего историографического исследования затрудняет выявление ключевых достижений и лакунов в работах таджикских историков по данной теме.

Многие работы таджикских исследователей проливают свет на общую сущность колониальной политики Российской и Британской империй в рамках «Большой игры». Историографический анализ позволяет автору прийти к заключению, что значительная часть таджикских учёных, исследуя англо-русские противоречия в Центральной Азии, фокусировала внимание на драматической судьбе таджикского народа, прошедшего через масштабные имперские пертурбации. Как в советскую эпоху, так и после обретения Республикой Таджикистан государственной независимости, отечественные историки неизменно уделяли этому аспекту особое внимание. Например, труды Б.И. Искандарова,² Х. Пирумшоева,³ В.В. Дубовицкого,⁴ коллективный

¹ Сальникова А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX – начале XX века. Автореферат дисс. на соискание к.и.н. 2009. – 27 с.

² Искандаров Б. И. Англо-русское разграничение 1872 - 1873 гг. // Вопросы истории Таджикистана. - Душанбе, 1961. – С.85-112.

³ Пирумшоев, Х. Российско-среднеазиатские отношения с XVI до середины XIX в. в русской историографии: автореф. дис. ... док.истор. наук: 07.00.09 / Х. Пирумшоев. – Душанбе, 1996. – 51 с.; Он же: Пирумшоев Х. Памир в первой половине XIX начале XX вв. // История Горно-Бадахшанской автономной области. Т.1. – Душанбе: Пайванд, 2005. – С. 282-378.

⁴ Дубовицкий В.В. Россия и Бухарское ханство: история стратегического партнерства // Россия в исторических судьбах таджикского народа. – Душанбе: Шарки Озод. 1998. – С. 89.; Он же: История формирования системы геополитических взаимоотношений России и Средней Азии в период 1700-2002 гг. дисс. ... док. ист. наук. – Душанбе, 2004. – 274 с; Он же: Мотивы присоединения Средней Азии к России // История и современность. №2, 2010. С.86-111.

академический труд «История таджикского народа»,¹ И.А. Мамадалиева,² Хамеди Мохаммадриза,³ М.М. Алимшоева,⁴ Л.Н. Харюкова,⁵ и А.В. Постникова,⁶ Р. Масова,⁷ М. Пирумшоева⁸ и др.

В статье Б.И. Искандарова⁹ наблюдается более детальное освещение англо-русского разграничения 1872–1873 гг. между Афганистаном и Средней Азией, в ходе которого ключевые и наиболее острые вопросы взаимоотношений между империями в регионе решались преимущественно исходя из имперских интересов великих держав.

В своем исследовании Х. Пирумшоеву¹⁰ удалось выявить проблемы и пробелы в изучении соперничества великих держав в Центральной Азии в трудах русских дореволюционных исследователей, однако, к сожалению, основная цель исследования не позволила провести более глубокий анализ данного вопроса.

¹ История таджикского народа. Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.) /Под общей редакцией академика Р.М. Масова. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 640 с.

² Мамадалиев И.А. Россия и Средняя Азия: особенности колониально-административной системы управления во второй половине XIX – начало XX века Монография. – Худжанд: Ношир, 2013. - 400 с.; Он же. Памир – между империями: в контексте большой игры //Вестник УГУ, РФ. – 2013; Он же. Средняя Азия в орбите Российской империи (историографический аспект) //Материалы межд. конф.- Душанбе. 2017; Он же. Памир – между империями: в контексте большой игры // Вестник УГУ, РФ. – 2013; Он же. Средняя Азия в геополитических интересах России (XVIII-XIX) // Материалы межд. конф. Худжанд. ТГУ ПБП, 2016; Он же. Средняя Азия в составе Российской империи (историографический аспект) // Международная конференция, Ташкент, Узбекистан, Институт Востоковедения. 30-31.10.2019; Он же. Факторы завоевания: к вопросу англо-русского соперничества в Средней Азии (вторая половина XIX вв.). //Материалы межд. конф. – Кемерово, 2011. Мамадалиев И.А. Памир – между империями: в контексте большой игры //Вестник УРФУ, РФ. – 2013. С. 85-90.

³ Хамеди Мохаммадриза Политические, экономические и культурные преобразования в Средней Азии в XIX - начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. – Душанбе, 2013. -154 с.

⁴ Алимшоев М.М. История взаимоотношений Российской пограничной службы на Памире с местным населением в конце XIX – начале XX вв. – Душанбе, 2003. – 26 с.

⁵ Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 240 с.

⁶ Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / Общ. ред. и пред. академика В.С. Мясникова. М.: Рипол-классик, 2005. – 512 с.

⁷ Масов Р. Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе. 2005. – 288 с.

⁸ Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX - начала XX вв. Диссертация к.и.н. 2011. -167 с.; Он же: Памир в русской историографии второй половины XIX - начало XX вв. / М. Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 198 с.

⁹ Искандаров Б. И. Англо-русское разграничение 1872 - 1873 гг. //Вопросы истории Таджикистана. - Душанбе, 1961. – С. 85-112.

¹⁰ Пирумшоев, Х. Российско-среднеазиатские отношения с XVI до середины XIX в. в русской историографии: автореф. дис. ... док.истор. наук: 07.00.09 / Х. Пирумшоев. – Душанбе, 1996. – 51 с.; Он же: Пирумшоев Х. Памир в первой половине XIX начале XX вв. //История Горно-Бадахшанской автономной области. Т.1. – Душанбе: Пайванд, 2005. – С. 282-378.

Во второй главе своей докторской диссертации В.В. Дубовицкий¹ предпринял попытку краткого анализа, наряду с другими проблемами, экспансии Англии на Среднем Востоке и усиления англо-русских противоречий в Центральной Азии в 30-х – начале 60-х годов XIX века.

Экономические мотивы России и Англии в противостоянии в Средней Азии, а именно природные богатства и потенциальный рынок региона и др. исследованы в работе Хамеди Мохаммадриза.²

Краткий анализ политического противостояния великих держав: России и Англии проведён в трудах М.М. Алимшоева,³ Л.Н. Харюкова и А.В. Постникова, Р. Масова.⁴

Внутренняя политическая обстановка Памира в 60-80 годы XIX в. в условиях разгара англо-русского соперничества анализируется в исследовании М. Пирумшоева.⁵ Он обращает внимание на использование Англией афганских сил против Российской империи в Средней Азии, в частности на Памире.

И. Мамадалиев в своих исследованиях проливает свет на вопросы геополитического и геостратегического укрепления России в Центральной Азии, на борьбу великих держав за данный регион и окончательное присоединение этой территории к Российской империи.⁶

¹ Дубовицкий В.В. Россия и Бухарское ханство: история стратегического партнерства // Россия в исторических судьбах таджикского народа. – Душанбе: Шарки Озод. 1998. – С. 89.

² Хамеди Мохаммадриза Политические, экономические и культурные преобразования в Средней Азии в XIX - начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. – Душанбе, 2013. -154 с.

³ Алимшоев М.М. История взаимоотношений Российской пограничной службы на Памире с местным населением в конце XIX – начале XX вв. – Душанбе, 2003. – 26 с.

⁴ Масов Р. Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе. 2005. – 288 с.

⁵ Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX - начала XX вв. Диссертация к.и.н. 2011. -167 с.: Он же: Памир в русской историографии второй половине XIX - начало XX вв. / М. Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 198 с.

⁶ Мамадалиев И.А. Россия и Средняя Азия: особенности колониально-административной системы управления во второй половине XIX – начало XX века Монография. – Худжанд: Ношир, 2013. - 400 с.; Он же. Памир – между империями: в контексте большой игры // Вестник УГУ, РФ. – 2013; Он же. Средняя Азия в орбите Российской империи (историографический аспект) // Материалы межд. конф.- Душанбе. 2017; Он же. Памир – между империями: в контексте большой игры // Вестник УГУ, РФ. – 2013; Он же. Средняя Азия в геополитических интересах России (XVIII-XIX) // Материалы межд. конф. Худжанд. ТГУ ПБП, 2016; Он же. Средняя Азия в составе Российской империи (историографический аспект) // Международная конференция, Ташкент, Узбекистан, Институт Востоковедения. 30-31.10.2019; Он же. Факторы завоевания: к вопросу англо-русского соперничества в Средней Азии (вторая половина XIX вв.). // Материалы межд. конф. – Кемерово, 2011. Мамадалиев И.А. Памир – между империями: в контексте большой игры // Вестник УРФУ, РФ. – 2013. С. 85-90.

Вопрос имперских противостояний в определённой степени рассматривается и в работах Э. Ходжибекова,¹ А. Ёрова,² А. Валиева³ и др. Указанные авторы, как правило, изучают лишь те аспекты, которые непосредственно связаны с их исследовательскими задачами. В последнее время также появились солидные диссертационные исследования, близкие к данной работе, в частности труды М. Исмоиловой⁴ и Ш. Абдураззокова.⁵ Однако, несмотря на определённую близость проблематики, данные исследования имеют существенные различия, прежде всего в периодических рамках и поставленных исследовательских задачах.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса даётся подробная характеристика английской колониальной политики не только в Индии, но и на Среднем Востоке, где британские колонизаторы преследовали далеко идущие цели. Английские власти не случайно направляли правителей Герата против Ирана и Афганистана, оказывая им материальную и военную поддержку. Как писал Ф. Энгельс: «Герат является местом, которое в руках сильной державы может стать командным пунктом как над Ираном, так и над Туркестаном».¹

При изучении международных отношений и исторических процессов на Среднем Востоке в 70–80-е гг. XIX века особое значение имеет обращение к ленинской теории империализма. «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, начался раздел мира международными трестами...» - указывал В.И. Ленин.⁶

¹Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники (пиры) и их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана: Вторая половина XIX - 30-е годы XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. – Душанбе, 2002 – 167 с.

²Ёров А.Ш. Бухарский эмират на мировом рынке: Вторая половина XIX - начало XX столетия: автореф. дис. ...канд. истор. наук. – Душанбе, 2005. – 153 с.

³Валиев А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Душанбе: РТСУ, 2013. – 229 с.

⁴Исмоилова М.Б. История англо-русских противостояний в Средней Азии (1810-1896 гг.), автореф. дис. ... кан. ист. наук: 5.6.2. – Душанбе, 2025. – 26 с.

⁵Абдураззоков Ш.Р. Средняя Азия в условиях англо-русского торгово-экономического соперничества (вторая половина XIX – начале XX вв.). автореф. дис. ... кан. ист. наук: 5.6.1. – Душанбе, 2025. – 24 с.

¹Маркс К. и Энгельс Ф., Соч, т XI, ч. I, - Москва: Государственное издательство политической литературы, 1935. - С. 134 (640 с.).

Анализируя процесс формирования империалистической стадии капитализма в Англии, В.И. Ленин отмечал, что «...две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на мировом рынке».¹

В результате историографического анализа можно заключить, что соперничество Англии и России освещено в значительном числе исследований. Однако, несмотря на это, в указанных работах проблема Центральной Азии не получила комплексного и всестороннего рассмотрения в контексте внешней политики России и Великобритании в 70–80-е годы XIX века.

Источниковедческую базу исследования составляют, прежде всего, архивные материалы как наиболее значимая группа источников. В работе использованы фонды Российского государственного военно-исторического архива и Национального архива Республики Узбекистан. Указанные материалы и документы позволили раскрыть особенности колониальной политики, имперских дипломатических отношений со странами Ближнего Востока, а также выявить основные направления политики России и Великобритании в Центральной Азии.

В исследовании также использован фонд № 715 Национального архива Республики Узбекистан. Значительная часть данного фонда представлена «Материалами для истории завоевания Туркестанского края», подготовленными А.Г. Серебренниковым на основе многочисленных документов архивов Петербурга, Москвы, Омска, Оренбурга и Тифлиса — городов, в которых находились государственные и военные учреждения, связанные с политикой царского правительства в Средней Азии.

Изучение архивных источников, включённых в данное издание, позволило более глубоко раскрыть сущность колониальной политики

² Ленин В.И. Соч, т. 22. - Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962. – С. 253 (640 с.).

³ Там же: - С. 270.

царского самодержавия в Средней Азии, а также выявить методы британской колониальной политики в Афганистане и сопредельных регионах. В частности, в период борьбы афганского народа за независимость против британской интервенции британское правительство, согласно документам, отдавало приказание вице-королю Индии о необходимости применения жестких мер против населения Афганистана, включая разрушение Кабула».¹

Автором использованы опубликованные в виде сборников документы, касающиеся русско-афганского разграничения 70–80-х годов XIX века. Они были изданы в 1886 году Министерством иностранных дел России под названием «Русско-афганское разграничение». Также использован уникальный «Туркестанский сборник», в котором сосредоточено большое количество журнальных и газетных статей, освещающих исторические события, происходившие на территории Средней Азии, а также деятельность английских колониальных кругов в Афганистане, Иране, Кашгаре и среднеазиатских ханствах.

Ценные материалы получены из «Сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии», а также из ряда изданий дореволюционной исторической и мемуарной литературы, воспоминаний участников дипломатических миссий и сообщений участников военных походов.

Нами также использованы статьи А.Л. Попова «Борьба за среднеазиатский плацдарм» и «Из истории завоевания Средней Азии»,² раскрывающие сущность англо-русских противоречий в этом районе. К числу серьёзных трудов, освещающих рассматриваемую проблему, следует отнести работу М.К.Рожковской: «Экономическая политика царского

¹ НАУз., фонд Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ф. КТГГ), оп. 3 д.424

² Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. - 1940. - Т. 7. - С. 182–235.; Он же: Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. - 1940. - Т. 9. - С. 198–242.

правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия».¹

Одним из важнейших афганских источников является «Автобиография Абдурахман-хана».² Существенное значение имеет также хроника «Сирадж ат-таварих»³ («Светильник истории»), составленная Файз Мухаммедом по поручению и при участии эмира Афганистана Хабибуллы-хана. Следует отметить, что в данном источнике освещается преимущественно история правящей династии, военные кампании и политические события. Вместе с тем он содержит ценные сведения, раскрывающие особенности британской политики в Афганистане в период русско-афганского разграничения и свидетельствующие о попытках англо-индийских властей вовлечь Афганистан в конфликт с Россией.

Работа Саида Касима Риштия «Афганистан в XIX веке»,⁴ имеет важное значение для изучения истории Афганистана.

Проблемам положения Афганистана и Средней Азии в рассматриваемый период посвящены многочисленные работы английских авторов. Среди них можно выделить труды А. Конолли и И. Вольфа, написанные участниками разведывательной деятельности, действовавшими по поручению британского правительства на территории Афганистана, Ирана, Кашгара и среднеазиатских ханств.

Работы А. Бернса и А. Конолли достаточно хорошо известны. Менее известной является работа И. Вольфа, которая, однако, представляет значительный интерес для изучения английской колониальной политики в Средней Азии. В ней подробно описывается поездка Вольфа в Бухару в 1843–1845 гг., предпринятая под предлогом выяснения судьбы британских

¹ Рожков М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.; Л., 1949. – 242 с.

² Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана : в 2 т. / пер. с англ. СПб., 1901. Т. 1. С. 145.

³ Файз Мухаммад. Книга о таджиках Афганистана / Файз Мухаммад ; подг. текста, пер. со звукового начертания, предисл. и примеч. А. А. Правосудовой. – Москва : Наука, 1989. – 232 с.; Fayz Muḥammad Kātib Hazārah. The History of Afghanistan (Sirāj al-tawāriḫ). Vol. 3. Part 1. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 412.

⁴ Риштия, С. К. Афганистан в XIX веке / С. К. Риштия ; перевод с персидского Л. Н. Дорофеевой ; редактор И. М. Рейснер ; Академия наук СССР, Институт востоковедения. – Москва : Издательство восточной литературы, 1958. – 487 с.

разведчиков — полковника Стоддарта и капитана Конолли. Характерно, что И. Вольф прибыл в Среднюю Азию через Константинополь, где получил инструкции от британского посланника Стратфорда Каннинга, а также необходимые документы, включая фирман турецкого султана к эмиру Бухары с требованием освободить британских подданных.

Вольф приводит сведения о попытках британской агентуры оказать влияние на правящие круги Бухарского ханства, а также склонить эмиров Бухары, Хивы и Коканда к союзу против России с целью укрепления британского влияния в регионе и сдерживания российского продвижения в Среднюю Азию.

Бальфур опубликовала переписку лорда Литтона с Б. Дизраэли и другими британскими министрами, а также директивы британского кабинета вице-королю Индии. В опубликованных материалах представлены также дипломатическая переписка Литтона с представителями англо-индийской администрации и афганским эмиром, а также выдержки из его дневников.

В западной историографии встречаются отдельные публикации (фальсификации – А.Н.). Одной из таких работ является статья в журнале «Central Asian Review» («Центральноазиатское обозрение»), опубликованная в 1958 году в «Journal of the Royal Central Asian Society», представляющая рецензию на статью Ф.Х. Юлдашбаевой «Русско-афганская граница и усиление английской агрессии в Центральной Азии и Афганистане (1872–1880)».¹ Автором рецензии является Олаф Каро – представитель британской колониальной администрации в Индии, автор работы «Russia and Her Empire».²

Редакция журнала отмечала ценность критических замечаний Каро. Он занимал должности в системе британской колониальной администрации

¹ Юлдашбаева, Ф. Х. Русско-афганские разграничения и усиление английской агрессии в Средней Азии и Афганистане (1872-1880) / Ф. Х. Юлдашбаева // Труды Среднеазиатского государственного университета. Исторические науки. – Ташкент : Издательство САГУ, 1955. – Вып. 68, кн. 9. – С. 73-105.

² Caroe O. Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism. London, 1953. P. 145.

и был хорошо знаком с проблемами региона, что, по мнению редакции, придавало его оценкам особую значимость. В своей работе Каро утверждал, что при ослаблении британского сопротивления российскому продвижению в Центральную Азию в 1865–1886 гг. Турция, Персия, Афганистан и, возможно, Индия могли бы оказаться под влиянием России.

Подобные оценки представляются односторонними и не соответствуют исторической реальности XIX века. Российская политика в регионе не носила характера глобальной экспансии подобного масштаба, что подтверждается как отечественными, так и зарубежными источниками. Следует также учитывать замечания Ф. Энгельса о том, что подобные процессы могли стимулировать освободительные движения народов Востока».¹

Цель исследования заключается в освещении зарождения и реализации имперских проектов экспансии в Центральной Азии, приведших к сложному комплексу противоречий между Россией и Великобританией.

Для достижения поставленной цели предусмотрено решение следующих задач:

- осветить степень и характер отражения проблемы англо-русского противостояния в Центральной Азии в историографии;
- провести сравнительный анализ имперских амбиций России и Великобритании в Центральной Азии;
- проанализировать афганский вектор как фактор англо-русской конфронтации;
- исследовать процесс установления русско-афганской границы как начальный этап имперской делимитации и демаркации в Центральной Азии;
- раскрыть геостратегические цели Великобритании в Азии;
- охарактеризовать геостратегию Российской империи в Центральной Азии.

¹ Маркс К., Энгельс Э. Соч, т. XVI, ч. II. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1936. – С. 34 (720 с.).

Научная новизна диссертационного исследования. Изучение истории противоречий между Великобританией и Российской империей в Центральной Азии в 70–80-е годы XIX века — периода, известного в историографии как «Большая игра», — имеет давнюю исследовательскую традицию. Однако, несмотря на наличие обширной литературы, многие аспектные направления данного противостояния остаются недостаточно изученными или требуют комплексного переосмысления в свете современных методологических подходов и новых архивных данных.

Традиционные труды по указанной проблематике, как правило, сфокусированы на военно-политической составляющей соперничества, рассматривая его исключительно как плоскость противостояния двух империй за стратегическое доминирование в регионе. При этом зачастую вне исследовательского фокуса остаются экономические, культурные и локальные факторы, оказывавшие существенное влияние на формирование геополитической архитектуры региона. Кроме того, в большинстве существующих работ роль центральноазиатских государственных образований сводится к пассивному объекту внешней политики великих держав, что нивелирует реальную многовекторность и сложность исторических процессов.

Научная новизна диссертации обусловлена системным подходом к анализу заявленной темы и заключается в следующем:

- уточнены хронологические и проблемные рамки истории «Большой игры» в рамках конкретно заданного хронологического сегмента (70–80-е гг. XIX в.) как самостоятельного этапа межгосударственных отношений;
- углублен анализ политико-дипломатического диалога империй, исследованы скрытые механизмы принятия решений в имперских аналитических центрах;
- акцентируется научное внимание на специфике первого этапа процесса межгосударственного разграничения в Центральной Азии;

- детально реконструирован и периодизирован целостный процесс делимитации и демаркации русско-афганской границы;
- выявлены ключевые факторы, сущность и причины краха масштабных военно-политических проектов обеих держав в регионе;
- привлечены и систематизированы материалы зарубежной и постсоветской историографии, позволяющие преодолеть односторонность прежних оценок.

Таким образом, научная новизна исследования заключается в деконструкции устоявшихся евроцентричных взглядов на «Большую игру», существенном расширении источниковой базы, комплексном анализе локальных факторов, а также в определении долгосрочных геополитических последствий этих противоречий для Центральной Азии.

Методологические основы исследования. Теоретико-методологическую основу работы формируют фундаментальные принципы историзма и научной объективности. Применение принципа историзма позволило рассмотреть предмет исследования в неразрывной связи с объективными глобальными и региональными процессами и систематически проследить эволюцию англо-русской конкуренции в контексте внутривосточного развития обеих империй. Принцип научной объективности послужил базисом для всестороннего критического анализа источников и верификации использованных исторических материалов.

В качестве методической основы диссертационного исследования применен комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Использование системно-исторического метода позволило эксплицировать концептуальные позиции исследователей и выявить идеологическую детерминацию их трудов. Применение историко-сравнительного и историко-генетического методов дало возможность проследить динамику развития геополитической ситуации в Центральной Азии в её причинно-следственных связях.

Хронологические рамки исследования охватывают 70–80-е годы XIX века – период наивысшего накала и последующей стабилизации англо-русских противоречий. Для обеспечения принципа историзма в работе также привлекаются материалы 1860-х годов, выступающие в качестве отправной точки эскалации имперского соперничества в регионе.

Территориальные рамки исследования включают в себя пространство Центральной Азии (историко-географический регион Средней Азии), а также сопредельные территории Афганистана, Индии и административные центры Российской империи, выступавшие пространствами формирования и реализации внешнеполитических доктрин России и Великобритании.

Объект исследования – процесс формирования, развития и трансформации системы международных отношений и геополитической стратегии Российской и Британской империй в центральноазиатском регионе в 70–80-е годы XIX века.

Предмет исследования – причины, движущие факторы, основные этапы и специфические черты дипломатических, военно-политических и экономических противоречий между Великобританией и Россией в Центральной Азии в указанный период, а также их непосредственное влияние на историческую судьбу и геополитический статус народов региона.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Дипломатические инициативы Бухарского эмирата, направленные на осуществление совместных с Россией военных действий против Афганистана, не получили поддержки в Санкт-Петербурге, стремившемся избежать преждевременного конфликта с Лондоном. В то же время внешнеполитический курс Российской империи на Ближнем и Среднем Востоке находился в прямой зависимости от прочности её позиций в среднеазиатских ханствах.

2. 70–80-е годы XIX века являлись кульминационным и детерминирующим периодом «Большой игры», в течение которого произошёл

переход от открытой экспансии к дипломатическому оформлению фиксированных зон имперского влияния и стабилизации региональных границ.

3. Процесс территориально-политического продвижения России в Центральной Азии осуществлялся в условиях постоянного зондирования позиции Великобритании и сдерживался рамками негласных двусторонних компромиссов («рамок допустимого»).

4. Инициирование Лондоном создания британской демаркационной комиссии, укомплектованной исключительно офицерами англо-индийской армии и снабженной многочисленным военным конвоем, свидетельствовало о стремлении британской колониальной администрации жестко зафиксировать границы Афганистана как подконтрольного буферного государства для защиты рубежей Британской Индии.

5. Военно-дипломатическая миссия Н. Г. Столетова в Кабуле и действия туркестанской администрации демонстрируют эволюцию политики России: от заверений афганского эмира в готовности оказать прямую военную поддержку до фактического отказа от выполнения этих обязательств в связи с изменением общеевропейской геополитической конъюнктуры после Берлинского конгресса.

Личный вклад соискателя. Диссертационное исследование выполнено автором самостоятельно. Диссертантом осуществлен репрезентативный сбор и глубокий критический анализ архивных материалов и научной литературы. Под научным руководством были концептуализированы цель и задачи работы; автор лично разработал структуру исследования, провел верификацию источников и сформулировал итоговые научно-теоретические выводы.

Практическая ценность исследования. Диссертация формирует обновленную теоретическую базу для изучения этнополитических и геополитических процессов в Центральной Азии, способствуя более глубокому пониманию и прогнозированию современных международных отношений в регионе. Материалы исследования могут быть интегрированы в

учебный процесс при разработке общих лекционных курсов по отечественной истории, истории международных отношений и зарубежного востоковедения, а также при подготовке профильных спецкурсов для студентов исторических факультетов и факультетов международных отношений.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные теоретические положения и практические результаты исследования нашли свое отражение в публикациях автора. По теме диссертации опубликовано 10 научных статей, в том числе 6 работ в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Президенте Республики Таджикистан. Ключевые результаты исследования были представлены в форме докладов на международных, республиканских и областных научно-практических конференциях.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав (включающих семь параграфов), заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ АНГЛО-РУССКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (60–70-е годы XIX века)

1.1. Политика английских колонизаторов накануне присоединения Средней Азии к России.

Вторая половина XIX века ознаменовалась интенсивным развитием британской промышленной индустрии. В период 1850–1870-х годов экономика Великобритании достигла пика своего доминирования на мировом рынке. Масштабный рост фабрично-заводского производства в метрополии требовал непрерывного расширения рынков сбыта, источников дешевого сырья и, как следствие, новых колониальных приобретений.

Окончательно подчинив себе значительную часть полуострова Индостан, Лондон превратил Индию в ключевую сырьевую базу и стратегический плацдарм для дальнейшей экспансии в Азии и Африке. В фокусе геополитических и экономических интересов британских промышленных и финансовых кругов оказались обширные районы Среднего Востока и Центральной Азии. Данные территории рассматривались британской стороной не только как перспективные рынки, но и как буферная зона на южных и юго-восточных рубежах Российской империи.

Великобритания существенно активизировала свою наступательную политику на Среднем Востоке после подавления восстания сипаев (1857–1859 гг.). Стабилизировав внутреннее положение в Индии и консолидировав связи с местной феодальной элитой, английские правящие круги приступили к реализации масштабных геостратегических проектов в регионе. При этом собственная экспансионистская политика Лондона традиционно камуфлировалась концепцией «русской угрозы» и тезисами о неизбежности вторжения войск Санкт-Петербурга в Индию. Апеллируя к необходимости «обороны Индии» (изначально от французского, а затем от российского влияния) и установив контроль над её северо-западными окраинами, Великобритания стремилась утвердить свое преобладающее влияние в

Афганистане с последующим проникновением в Иран и среднеазиатские ханства.

Однако в Центральной Азии устремления британского капитала столкнулись с торгово-экономическими и политическими интересами Российской империи. Межгосударственное соперничество двух держав в регионе выражалось не только в идеологическом противоборстве и взаимных дипломатических обвинениях. В целях защиты зон своего влияния стороны нередко прибегали к методам прямой демонстрации силы и балансировали на грани открытого военного столкновения.¹

Значительное место во внешнеэкономической стратегии Санкт-Петербурга занимали торговые операции с Ираном и ханствами Средней Азии. Если в начале XIX века из России в среднеазиатский регион ежегодно вывозилось товаров на сумму 988 тыс. рублей, то к концу первой четверти века этот показатель увеличился до 4390 тыс. рублей.² Таким образом, уже в первой четверти XIX века Российская империя обеспечила себе прочные торгово-экономические позиции на среднеазиатском рынке.

Английские промышленные круги в поисках новых рынков сбыта стали уделять значительное внимание Ирану, Афганистану и ханствам Средней Азии.³ Главные стратегические задачи Лондона в регионе заключались в том, чтобы существенно снизить себестоимость и цену транзита собственных товаров, вытеснить со среднеазиатских рынков российских купцов, а также укрепить британское влияние в сопредельном Иране, Афганистане и на северо-западных рубежах Индии. С этой целью англо-индийское правительство систематически направляло в регион своих военно-политических эмиссаров и секретных агентов под видом коммерческих и исследовательских миссий.

¹ История таджикского народа. Т. 4. /Под общей редакции академика Р. Масова. Душанбе: Дониш. 2010. – С. 461 (1124 с.).

² История народов Узбекистана : в 2 т. / Институт истории и археологии АН УзССР ; под редакцией С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина, В. А. Шишкина. – Ташкент : Издательство АН УзССР, 1947. – Т. 2 : От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 215 (511 с.).

³ Там же: С. 215.

В период между 1810 и 1833 годами в Афганистан под видом коммерсантов и исследователей, направлявшихся за Амударью, англо-индийскими властями был направлен ряд военно-политических эмиссаров. В их число входили У. Муркрофт (погибший за Гиндукушем), Э. Стирлинг, И. Вольф, капитан А. Конолли, А. Бёрнс, Ч. Массон, Д. Фрейзер и другие.¹

Ранее, в 1821–1822 годах, Д. Фрейзер совершил экспедицию в северо-восточный Иран, собрав важные сведения о гератском направлении, а капитан А. Конолли в ходе своего масштабного путешествия подробно изучил военно-политическую обстановку в Тегеране и Кандагаре. Примечательно, что британские эмиссары координировали свои действия в регионе: известный англиканский миссионер И. Вольф, находясь в Мешхеде в 1831 году, встретил там А. Конолли. В дальнейшем, следуя по маршруту через Герат и Кандагар, И. Вольф двигался непосредственно по следам своего, как он отмечал в мемуарах, «превосходного и благочестивого» друга.²

В 1831–1833 годах лейтенант Александр Бёрнс по поручению британского правительства совершил экспедицию из Индии в Кабул, Бухару и северные районы Ирана. По возвращении им был подготовлен фундаментальный трехтомный труд «Путешествие в Бухару». Материалы этого исследования позволяют реконструировать основные направления деятельности А. Бёрнса и выявить ключевые военно-политические и разведывательные задачи, поставленные перед ним англо-индийской администрацией. В каждом томе содержится не только детальное историко-географическое описание региона, но и системный анализ государственного устройства, внутривосточного положения, экономического потенциала и военных сил изученных стран.

¹ Сеид Касема Риштия Афганистан в XIX веке. – М., 1958. – С. 135.

² Бёрнс А. Путешествие в Бухару: рассказы о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, совершенном в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Борнсом. – М.: Унив. тип., 1848. – Ч. 3. – С. 112.

Характеризуя геополитическую роль Бухарского эмирата, А. Бёрнс констатировал следующее: «Бухара служит центром обширной торговли... Ее положение в военном и политическом отношении весьма важно и выгодно... Она первенствует между окружающими ее владениями, которые смотрят на нее как на свою столицу и хотя, однако, не добровольно, признают власть ее правителя».¹

Британский эмиссар активно использовал открытость и доверчивость местных жителей для ведения скрытого сбора информации. «Местное население, — писал он, — просты в обращении и, хотя они не знали, кто я такой, но это не препятствовало им откровенно говорить с нами обо всем, начиная от политики их государей до состояния базаров. Простаки думают, что лазутчикам необходимо только вымерить их крепости и стены, и того не понимают, как важные разговоры, подобные нашим, обнаруживают характер и чувства народа».²

А. Бёрнс собрал детальные сведения о внутривластной ситуации, экономическом потенциале и структуре вооруженных сил Бухарского эмирата. Анализируя военную организацию государства, он указывал: «Бухарские войска набираются из разных округов государства: в количестве 20 тысяч конницы и 400 пехоты при 41 орудии. Кроме того, эльджары, или милиция, составляют 50 тысяч, из которых 10 тысяч набирают в Балхе, в странах на юге Оксуса (Амударьи) и у туркмен. В войсках совершенно отсутствует дисциплина, они не обучены никаким правильным движениям и, несмотря на личную храбрость узбеков, не могут составить сильного сопротивления европейской армии»³ и т. д.

Параллельно со сбором информации об Афганистане британский эмиссар установил тесные контакты с правителем Сикхского государства в Пенджабе Ранджитом Сингхом. Официальным поводом для

¹ Бёрнс А. Путешествие в Бухару: рассказы о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, совершенном в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Борнсом. - М.: Унив. тип., 1848. - Ч. 3. - С. 421

² Бёрнс А. Путешествие в Бухару. М., 1848, стр. 421

³ Бёрнс А. Путешествие в Бухару. М., 1848, стр. 421.

дипломатического взаимодействия послужило обсуждение перспектив открытия регулярного судоходства по реке Инд. Однако истинная геополитическая цель этой миссии заключалась в обеспечении транзитных преференций и получении права на прокладку прямой сухопутной магистрали вглубь Афганистана и среднеазиатских ханств.

В 1836–1838 годах Ост-Индская компания и правительство Великобритании инициировали повторную торгово-дипломатическую экспедицию во главе с А. Бёрнсом (так называемая «кабульская миссия»). Перед ней стояла комплексная задача: детально исследовать фарватер Инда и локализовать оптимальный пункт для учреждения масштабной международной ярмарки. По замыслу Лондона, данный торговый хаб, спроектированный по образцу Нижегородской ярмарки, должен был консолидировать потоки азиатских купцов. Конечной целью этого масштабного экономического проекта являлось ослабление позиций Нижегородского «всероссийского торжища», международное значение которого вызывало серьезную озабоченность у британской политической элиты.¹

В 1836 году Дост Мухаммед-хан после многолетней междоусобной борьбы утвердился в качестве эмира Афганистана. Главной целью его внутренней и внешней политики стало преодоление политической раздробленности страны, а также реинтеграция утраченных восточных областей, ранее аннексированных правителем Пенджаба махараджей Ранджитом Сингхом. Принимая во внимание, что Афганистан на тот момент не располагал достаточными военно-экономическими ресурсами для полномасштабной войны против Сикхского государства, Дост Мухаммед-хан, подталкиваемый центростремительными настроениями афганской элиты, всё же пошел на обострение конфликта.

¹ Кушева Е.Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в. Исторический сборник т. 3, Л., 1934. - С. 140-145

В феврале 1836 года афганские силы выступили из Кабула. Одновременно с развертыванием военных действий эмир предпринял зондаж позиции Ост-Индской компании, направив два официальных послания: британскому политическому агенту в Лудхиане капитану К. Уэйду и генерал-губернатору Индии. Апеллируя к традициям англо-афганского политического диалога эпохи династии Садозаев, Дост Мухаммед-хан просил у британской стороны дипломатической и военной поддержки в противостоянии с сикхами за возвращение Пешавара. 23 августа 1836 года генерал-губернатор Индии лорд Окленд направил афганскому правителю дипломатическую ноту, в которой подчеркнул, что «махараджу Ранджита Сингха Британия считает своим искренним другом, а потому желает, чтобы оба её друга разрешили свой спор дружеским путем».¹ Британская администрация уклонилась от прямой помощи, официально мотивируя отказ принципом невмешательства в дела суверенных государств.

В условиях дипломатического дистанцирования со стороны Калькутты кабульский эмир прибег к традиционной тактике лавирования между региональными центрами силы, попытавшись использовать англо-российские и англо-иранские противоречия. Дост Мухаммед-хан обратился с призывом о поддержке к каджарскому шаху Ирана и российскому императору Николаю I. В послании к Санкт-Петербургу эмир декларировал свои намерения развивать дружественные связи с Россией, детально описывал конфликт с Пенджабом и указывал на скрытое покровительство британцев сикхскому махарадже. В качестве прагматического аргумента кабульский правитель подчеркивал, что гипотетическое поражение Афганистана приведет к дестабилизации региона и полной блокировке торговых путей с Бухарским эмиратом.²

Российское и иранское правительства в своих ответных посланиях выразили дипломатическую поддержку Кабулу. При этом каджарский шах обязался развернуть военную кампанию против Герата, что встретило

¹ Correspondence relating to Persia and Affghanistan. - London: J. Harrison and Son, 1839. - P. 4. (Документ №4: «Extract of a Letter from the Governor-General of India to Ameer Dost Mahomed Khan»).

² Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке, М., 1958, стр. 137

одобрение со стороны Санкт-Петербурга.¹ В сложившейся ситуации британская дипломатическая миссия активизировала попытки склонить эмира к стратегическому союзу с Великобританией, рассчитывая тем самым заблокировать продвижение конкурентов и укрепить свое влияние в Кабуле и Герате. Важнейшим шагом в этом направлении стала секретная директива Тайного комитета Ост-Индской компании, направленная генерал-губернатору лорду Окленду в 1837 году, которая предписывала решительно противодействовать росту российского влияния в регионе.

В свою очередь, Дост Мухаммед-хан в качестве императивного условия заключения союза с англо-индийской администрацией потребовал оказать Афганистану военную помощь в возвращении Пешавара и ликвидации угрозы со стороны Сикхского государства. Однако Калькутта не решилась пойти на разрыв отношений с махараджей Ранджитом Сингхом. Для реализации долгосрочной геополитической стратегии на Среднем Востоке британские власти нуждались в лояльных правителях в Кабуле, готовых безоговорочно следовать в фарватере внешнеполитического курса Лондона. С целью легитимации последующей военной интервенции генерал-губернатор Индии 1 октября 1838 года опубликовал Симкульскую прокламацию. В данном манифесте утверждалось, что целью британского вмешательства является исключительно реставрация на афганском престоле «законного монарха» Ших-Шуджи и устранение от власти Дост Мухаммед-хана, чьи контакты с Россией и Ираном якобы создавали прямую угрозу безопасности Британской Индии.²

Параллельно британская дипломатия предприняла шаги по привлечению на свою сторону правителя Келатского ханства Мехраб-хана, поскольку через его белуджистанские владения пролегали стратегические коммуникации к южным районам Афганистана, Сейстану, Хорасану и далее к границам Средней Азии. Констатируя значение этого плацдарма, британская

¹ Современный Афганистан / [отв. ред. Р. Т. Ахрамович]. - М.: Изд-во восточной литературы, 1960. - С. 241.

² Там же: С.243.

пресса того периода (в частности, газета «*The Times of India*») подчеркивала: «Белуджистан должен послужить нам ближайшей базой для действий в Кандагаре, Сейстане, Хорасане».¹

Таким образом, британская администрация, реализуя свои экспансионистские планы на Среднем Востоке, стремилась установить полный контроль над Афганистаном, превратив его в плацдарм для дальнейшего политического давления на Иран и среднеазиатские ханства. Однако английская военная интервенция натолкнулась на ожесточенное вооруженное сопротивление местного населения. Первая англо-афганская война (1838–1842 гг.) завершилась тяжелым поражением экспедиционного корпуса и полным изгнанием британских войск из страны.

Образным свидетельством катастрофического для Ост-Индской компании финала этой кампании служат строки из «Хронологических выписок по истории Индии» К. Маркса: «13 января 1842 года... часовые на стенах Джалалабада увидели человека в английском мундире, висевшем ключьями, верхом на заморенной лошади. И конь, и всадник были жестоко изранены; это был доктор Брайден, единственный уцелевший из 15000 человек, за три недели до того выступивших из Кабула. Он умирал с голоду».²

Масштаб неудачи в Афганистане заставил британское руководство временно скорректировать свои планы в отношении среднеазиатского направления и сосредоточиться на консолидации сил в северо-западной части Индостана. В течение 1842–1843 годов Ост-Индской компанией был аннексирован Синд, а в 1849 году под прямой контроль британской короны перешел Пенджаб. Ликвидация буферных индийских государств и выход британских владений непосредственно к границам Афганистана создавали для Кабула перманентную военную угрозу. Стремясь не допустить новой интервенции, Дост Мухаммед-хан заключил оборонительный союз с сикхами, направив в их распоряжение 10-тысячный воинский контингент. Тем не менее

¹ Пикулин М. Г. Афганистан : экономика и внешняя торговля / М. Г. Пикулин. - Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1956. - С. 3.

² Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (1664–1858 гг.). - М. : Госполитиздат, 1947. - С. 141.

афганская поддержка не смогла предотвратить падение независимого Пенджаба. После аннексии сикхских территорий Дост Мухаммед-хан был вынужден отозвать войска из Пешавара и инициировать поиск новых внешнеполитических союзников. В 1850 году афганский эмир обратился с официальным предложением о стратегическом союзе к Санкт-Петербургу. Однако российское правительство, руководствуясь стремлением избежать эскалации межгосударственных противоречий с Великобританией, уклонилось от заключения данного соглашения.¹

Британский промышленный капитал продолжал интенсивный поиск новых рынков сбыта и источников сырья, в сферу детерминации которых неизбежно попадали регионы Среднего Востока и среднеазиатские ханства. В данном контексте Трапезундский транзитный маршрут приобрел первостепенное геополитическое и экономическое значение, став ареной острого соперничества между российскими и британскими интересами в глубинных районах Азии.²

Активное проникновение более дешевой фабричной продукции Великобритании по Трапезундскому пути существенно потеснило российские промышленные товары на персидских рынках. Неспособность отечественной мануфактуры выдержать прямую ценовую конкуренцию с английским импортом в Иране вынудила Министерство финансов Российской империи переориентировать вектор внешнеэкономической активности на рынки Средней Азии. Данная стратегия принесла ощутимые результаты: если в 1829 году объем российского экспорта в среднеазиатский регион составлял 6 млн 323 тыс. рублей, то к 1840 году этот показатель увеличился до 8 млн 211 тыс. рублей. При этом среднеазиатский рынок стал ключевым для отечественного текстильного производства – в 1840 году сюда направлялось до 73% всех экспортируемых из России хлопчатобумажных изделий.³

¹ Современный Афганистан / [отв. ред. Р. Т. Ахрамович]. - М.: Изд-во восточной литературы, 1960. - С. 245.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. - 2-е изд. - М.: Госполитиздат, 1957. - Т. 9. - С. 382–383.

³ Рожкова М. К. Экономическая политика российского правительства на Среднем Востоке в первой трети XIX века и развитие русско-иранской торговли / М. К. Рожкова. - М.: Изд-во АН СССР, 1949. - С. 180–185.

Вследствие британской торговой экспансии на южном направлении география российской внешней торговли на Востоке сузилась и сосредоточилась преимущественно в границах среднеазиатского региона. Характеризуя эту тенденцию, современники отмечали, что если ранее российская торговля «доходила на Востоке до границы английских владений», то к началу 1840-х годов она вынужденно «ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области».¹

Оценивая потенциал текстильного противостояния, А. Бёрнс констатировал: «Хотя продажа английских товаров не поощряется в России и затруднена огромными пошлинами, они всё-таки достигают Бухары и продаются с выгодой. Английские ситцы продаются лучше, чем русские, но в России вырабатываются такие сорта, которые шире и ярче цветами, требуемые в Бухаре и Афганистане. Если бы наши купцы имели образцы таких ситцев, то они могли бы захватить и эту отрасль торговли в свои руки».² Стремительно возрастающая экспансия британского импорта вызывала серьезную обеспокоенность в правительственных и деловых кругах Российской империи, обоснованно опасавшихся утраты ключевых позиций на среднеазиатских рынках.

Свидетельством обострения этой конкуренции служит официальное донесение Оренбургского военного губернатора на имя военного министра от 13 июля 1848 года. Транслируя жалобы отечественных промышленников, губернатор констатировал, что «русские товары продавались в Бухаре за бесценок, ибо туда навезено много английских товаров, привезенных через Мешхед, поэтому прибыли русских торговцев очень незначительны».³

Рассмотренные документы наглядно свидетельствуют о том, что англо-русское торговое соперничество на Среднем Востоке и в особенности в Центральной Азии существенно обострилось после аннексии

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. - 2-е изд. - М. : Госполитиздат, 1957. - Т. 9. - С. 383–384.

² Цит. по: Рожкова М. К. Экономическая политика российского правительства на Среднем Востоке в первой трети XIX века и развитие русско-иранской торговли. - М. : Изд-во АН СССР, 1949. - С. 182.

³ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края / сост. А. Г. Серебренников. - Ташкент : Типо-лит. Штаба Туркест. воен. окр., 1915. - Вып. 7 : 1848–1850 гг. - С. 119.

Великобританией Синда и Пенджаба. Характеризуя этот процесс, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «Можно смело утверждать, что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе... Настоятельная необходимость непрерывного расширения торговли, это рок, преследующий современную Англию... эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Индии и с моря. И, хотя мы знаем очень мало про русский экспорт в эту часть света, мы все же из факта возрастания английского экспорта в эти области можем смело заключить, что русская торговля там, вероятно, заметно уменьшилась».¹

При этом экономическая активность Ост-Индской компании в регионе шла параллельно с дипломатическими усилиями Лондона, направленными на вовлечение среднеазиатских государств в сферу своего политического влияния. Так, 14 сентября 1838 года Оренбургский военный губернатор доносил, что, по свидетельству посланца бухарского эмира, агенты британского правительства предлагали правителю Бухары «войти в дружественные сношения с Лондонским кабинетом, с правом иметь своего консула». Британские представители обещали эмиру «неисчислимы выгоды от этого сближения, каких будто бы Бухара не может ожидать от союза с Россией, тем более что бухарцы все европейские товары получают через посредничество англичан из Герата».²

Несмотря на то, что бухарский эмир уклонился от данных предложений, британская дипломатия активизировала попытки установить контроль над Хивинским ханством с целью создания геополитического противовеса России на её среднеазиатских рубежах. Хиву последовательно посетил ряд английских политических агентов. Кроме того, в среднеазиатские ханства направлялись османские дипломатические миссии, задачей которых являлось

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. - 2-е изд. - М.: Госполитиздат, 1957. - Т. 9. - С. 383–384.

² Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края / сост. А. Г. Серебренников. - Ташкент : Типо-лит. Штаба Туркест. воен. окр., 1915. - Вып. 7 : 1848–1850 гг. - С. 137.

склонение местных правителей к союзу с Портой, что полностью соответствовало долгосрочной ближневосточной стратегии Великобритании.

В 1839 году Россия направила в Хиву военную экспедицию под командованием В. А. Перовского. Британское правительство немедленно откомандировало туда капитана Дж. Аббота, которому было поручено установить личный контакт с ханом, оказать максимальное противодействие экспедиции Перовского, а также заключить союз и оказать содействие Хиве в её противостоянии с Россией. Министр иностранных дел Великобритании лорд Пальмерстон уведомил хана, что его правительство готово [вступить] за Хиву, и заверил, что завоевание ханских владений русскими послужит поводом для объявления Англией войны против России. Узнав о миссии Аббота, российское правительство потребовало от Лондона немедленно отозвать своего агента, расценив его пребывание в Хиве как вмешательство во внутренние дела ханства.

Британское правительство официально ответило, что «Абботу отнюдь не было поручено противодействовать русской экспедиции. Капитану Абботу было поручено только склонить Хивинского хана к скорейшему выполнению требований русского правительства относительно выдачи русских пленных, находящихся в Хиве, и воспрепятствовать хивинцам грабить русские караваны».¹

Это заявление опровергается свидетельствами британского миссионера Дж. Вольфа, посетившего Центральную Азию в 1843–1845 годах. Он отмечал: «Аббот посоветовал Хивинскому хану, наоборот, не отдавать русских пленных до тех пор, пока не будет заключено перемирие с русским императором... Хивинский хан очень стремился заключить союз с Англией».²

Данные факты служат наглядным свидетельством стремления Великобритании спровоцировать конфликт между Хивой и Россией. Для достижения этих целей британская сторона активно использовала широкий

¹ Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. 105. Оп. 1. Д. 2. Док. 106.

² Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara, in the Years 1843–1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. - New York : Harper & Brothers, 1845. - P. 341–345.

арсенал средств: разведывательную деятельность среди местного населения, подкуп элиты, дипломатический шантаж и политические провокации.¹

В свою очередь, Российская империя в первой половине XIX в., укрепляя пограничную линию в Казахстане, начала подготовку к продвижению вглубь территории среднеазиатских ханств. В 1839 году В. А. Перовский разработал план военной экспедиции против Хивы, получивший полную поддержку императора Николая I. По замыслу царя, поход [призван] был «восстановить и утвердить значение России в Средней Азии, ослабленное ненаказанностью хивинцев, в особенности тем постоянством, с которым английское правительство стремится к распространению своего влияния в тех краях».²

Однако из-за суровых климатических условий и просчетов в организации поход В. А. Перовского завершился неудачей. Спустя два с половиной месяца генерал был вынужден повернуть отряд назад, понеся значительные потери в личном составе.

Активность британской дипломатии не ограничивалась хивинским направлением. В начале 1840-х годов в Бухару был направлен полковник Ч. Стоддарт, а в Коканд – капитан А. Конолли. В Коканде Конолли вначале встретили благопрятно, однако вскоре он вызвал подозрения у местных властей и был арестован. После освобождения он отправился в Бухару.

Описывая эти события, Дж. Вольф указывает: «Полковник Стоддарт направился от правительства в Бухару, капитан Конолли был послан от индийского правительства в Хиву и Коканд; в дальнейшем ему было предписано оказать содействие полковнику Стоддарту в Бухаре, так как полковник имел на это право в рамках своего политического задания».³

Находясь в Бухаре, британские эмиссары вели активную работу среди высокопоставленных эмирских чиновников, рассчитывая с их помощью

¹ История дипломатии : [в 3 т.] / под ред. В. П. Потемкина. - М. : ОГИЗ, 1945. - Т. 2. - С. 26.

² Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края / сост. А. Г. Серебренников. - Ташкент : Типо-лит. Штаба Туркест. воен. окр., 1915. - Вып. 7. - С. 137.

³ Wolff J. Op. cit. - P. 51–86.

вовлечь Насруллу-хана в орбиту политического влияния Лондона и инспирировать в эмирате антироссийские настроения. Параллельно они собирали разведывательные данные военно-стратегического характера и стремились углубить противоречия между Бухарой и соседними ханствами. После того как правителю Бухары стали известны подлинные масштабы скрытой деятельности Ч. Стоддарта и А. Конолли, офицеры были заключены в темницу (зиндан) и впоследствии казнены.

Причины этой казни в англо-американской историографии нередко трактуются тенденциозно. Ряд зарубежных исследователей сводит мотивы жесткого решения эмира к «нарушению придворного этикета» британскими офицерами. Однако анализ источников показывает, что они были казнены как лица, уличенные в разведывательно-подрывной деятельности против Бухарского государства.

Дж. Вольф, посетивший Бухару в 1844–1845 годах с целью выяснения судьбы Ч. Стоддарта и А. Конолли, приводил в своих записках показания влиятельного эмирского сановника наиба Абдул-Самат-хана. Последний сообщал: «Стоддарт обещал запросить у английского правительства полномочия аккредитованного представителя Великобритании при дворе эмира, который, в свою очередь, должен был получить признание со стороны Лондона в качестве верховного правителя Туркестана. Ответ ожидался от британского кабинета... Однако спустя 14 месяцев никаких известий не поступило. В это же время капитан Конолли прибыл сначала в Ургенч, а затем в Коканд, настраивая местную элиту против Бухары. После этого он явился в Бухару как английский агент, не имея при себе официальных писем от британского правительства. Более того, он продолжал вести секретную переписку. Всё это вызвало резкое недовольство эмира, и он отдал приказ об их казни». Как резюмировал Дж. Вольф, эмир в гневе утверждал: «Они шпионы, и как шпионы должны умереть».¹

¹ Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara, in the Years 1843–1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. - New York: Harper & Brothers, 1845. - P. 238–239.

Репрессивные меры эмира Насруллы затронули не только иностранных эмиссаров, но и представителей местной правящей элиты, подозреваемых в симпатиях к Великобритании. В частности, был казнен верховный кушбеги (визирь) Мухаммед Хаким-бий, предпринимавший попытки склонить правителя к заключению внешнеполитического союза с Лондоном. Жесткие действия бухарских властей вызвали серьезную озабоченность в Калькутте и Лондоне, поскольку ликвидация офицеров означала фактический крах британских планов по созданию антироссийского блока в регионе. Свидетельством возникшего геополитического напряжения служит донесение Оренбургского военного губернатора от 12 июня 1842 года, в котором фиксировались региональные политические слухи: «В Хиве носились слухи, будто прибыли в Бухару два английских миссионера для установления достоверности: точно ли убиты Стоддарт и Конолли или содержатся под стражей? Если же действительно они убиты, то англичане намерены объявить войну Бухарскому эмиру, употребив [для] чего кабульские войска, и все издержки по войне приняты будут английским правительством».¹

С целью преодоления информационного вакуума и прощупывания позиций бухарского двора в Великобритании был учрежден специальный общественный комитет («Stoddart and Conolly Committee»). Под эгидой данной организации в Центральную Азию с официальной гуманитарной миссией был направлен известный проповедник и путешественник Дж. Вольф. Несмотря на выраженный религиозно-исследовательский статус миссии, её материалы активно использовались британскими дипломатическими структурами для верификации оперативной обстановки. Сам Дж. Вольф вполне отчетливо указывал на специфику своих возможностей в регионе: «Мое священное звание ученого, я не сомневаюсь, вызовет почтение, так же как внушит ко мне доброе расположение благотворительный характер путешествия. Мое знание

¹ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края / сост. А. Г. Серебренников. - Ташкент : Типо-лит. Штаба Туркест. воен. окр., 1914. - Вып. 5 : 1839–1840 гг. - С. 17.

языков даст возможность иметь секретные отношения с различными партиями».¹

В ноябре 1843 года Дж. Вольф прибыл в Константинополь, где был принят британским чрезвычайным посланником Стратфордом Каннингом. В ходе конфиденциальной беседы дипломат передал Вольфу пакет документов, необходимых для беспрепятственного транзита по территории центральноазиатских государств. В их число входили официальные фирманы (разрешения) на въезд в Бухару, Коканд и Хиву, а также многочисленные рекомендательные и дипломатические письма от османского султана и высших духовных лиц к эмиру Бухары и ханам соседних государств. Столь тщательная дипломатическая подготовка свидетельствует о том, что Форин-офис рассматривал миссию Вольфа как важный канал для восстановления информационных и политических связей в регионе.

Прибыв в Бухару в апреле 1844 года, Дж. Вольф, пользовавшийся покровительством османского двора и выступавший в статусе ученого и христианского миссионера, сумел организовать сбор стратегически значимых сведений. В условиях изоляции Бухарского эмирата от прямых контактов с Западом, Вольф фиксировал особенности внутривосточной обстановки, степень устойчивости государственной системы и военно-стратегический потенциал эмирата. Ему удалось наладить каналы коммуникации с представителями местной правящей элиты, через которых осуществлялась связь с внешним миром — в частности, с британским посланником в Тегеране полковником Дж. Шейлом.

Свидетельства самого Вольфа указывают на то, что его информированность позволяла оказывать косвенное влияние на ход региональных военных конфликтов. Так, накануне похода эмира Насруллы против Коканда и Шахрисабза, Вольф через своих доверенных лиц сумел передать предупреждение шахрисабзскому беку. Описывая данный эпизод, он

¹ Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara, in the Years 1843–1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. - New York: Harper & Brothers, 1845. - P. 72.

отмечал: «Я направил своего человека в Шахрисабз, чтобы известить его правителя о намерении [эмира] совершить внезапное нападение на бекство, до сих пор сохранявшее независимость от Бухары. Хотя эмирская армия состояла из превосходных кавалеристов, они не имели возможности доставить туда артиллерию. Когда эмир подошел к Шахрисабзу, владения бека уже были приведены в полную боевую готовность, в результате чего эмир был вынужден повернуть свое войско в другом направлении — к Самарканду».¹

Военные неудачи бухарской армии в кампаниях против Коканда и Шахрисабза усилили подозрения эмира в отношении иностранного подданного. Летом 1844 года за Дж. Вольфом был установлен строгий негласный надзор, переросший в фактический домашний арест. В июле 1844 года он сообщал: «Вот уже два месяца, как я нахожусь в величайшей опасности и не имею возможности покинуть дом без сопровождения трех охранников».² Несмотря на изоляцию, Вольф продолжал сбор данных, зафиксировав, в частности, наличие у наиба Абдул-Самат-хана секретного военно-топографического «журнала с описанием крепостей от Коканда до Бухары», ознакомиться с которым, однако, британскому эmissару не удалось.³

Параллельно Вольф предпринял попытку интернационализации центральноазиатского вопроса с целью дипломатического давления на Бухару со стороны европейских держав и Персии: «Я писал монархам Европы о том, что в Бухаре находится до 20 тысяч персидских рабов и пленников, и настаивал на необходимости их выкупа».⁴

Англо-индийское правительство, сознавая угрозу очередного громкого дипломатического скандала и гибели своего подданного, предприняло экстренные меры. Генерал-губернатор Индии направил эмиру Насрулле официальное требование обеспечить безопасность миссионера. Одновременно, по настоянию британского резидента в Тегеране полковника

¹ Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara, in the Years 1843–1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. - New York: Harper & Brothers, 1845. - P. 291.

² Там же: С. 331.

³ Там же: С.333.

⁴ Там же: С. 335.

Дж. Шейла, в Бухару было доставлено послание персидского Мухаммед-шаха Каджара. В тексте жестко подчеркивалось: «Между Англией и Персией существует тесная дружба, и если [Вольф] не будет возвращен обратно вместе с Аббас-Кули-ханом (персидским посланником), это вызовет мой крайний гнев». Опасаясь открытого военного столкновения с Персией и обострения отношений с Великобританией, эмир Насрулла был вынужден отпустить Вольфа. Передавая его персидскому дипломату, эмир заявил: «Я делаю вам подарок в лице Иосифа Вольфа, он может следовать с вами».¹

Таким образом, британскому эмиссару удалось избежать казни. После возвращения Дж. Вольфа в Тегеран полковник Дж. Шейл официально уведомил его о том, что британское правительство в знак признания заслуг наградило его именными часами.

Разработанный Вольфом по итогам экспедиции геополитический проект предполагал прямую англо-персидскую военную интервенцию в Центральную Азию с целью ликвидации независимости Бухарского эмирата. Обосновывая необходимость жестких мер, он писал: «...В таком случае прецеденты гибели английских офицеров более не повторится ни в Бухаре, ни в сопредельных государствах, а европейские исследователи смогут беспрепятственно осуществлять свои изыскания в этих стратегически важных регионах... Это позволит распространить христианское влияние на Бухару, Коканд и Хиву... Если же Англия не отомстит за это жестокое убийство, наша держава утратит свое морально-политическое влияние, которым она ныне обладает во всех регионах Востока, включая Хиву и Коканд. Там, где подобные инциденты еще не имели места, местные правители могут последовать примеру эмира Бухарского, убедившись в его полной безнаказанности, что в итоге подорвет позиции Великобритании в Персии».²

¹ Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara, in the Years 1843–1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. - New York: Harper & Brothers, 1845. - P. 340.

² Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara, in the Years 1843–1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. - New York: Harper & Brothers, 1845. - P. 340.

В качестве операционного плана Вольф рекомендовал организовать наступление англо-индийских войск из Синда через Кандагар и Маймане по направлению к Бухаре, мотивируя выбор маршрута обилием водных ресурсов и провианта. Прогнозируя возможное противодействие со стороны афганских племен, память которых хранила итоги недавней первой англо-афганской войны, автор проекта предлагал прагматичный компромисс: для нейтрализации кандагарских властей передать под их управление левобережное узбекское ханство Андхой, являвшееся данником Бухары. Согласно замыслу, кабульский эмир должен был выдвинуть войска к Хульму и Балху, в то время как британские силы форсировали бы Оксус (Амударью) в районе Керки с помощью плавучих мостов. Вольф полагал, что массированное применение артиллерии деморализует бухарские отряды. Итогом кампании должно было стать расчленение эмирата между Персией и Афганистаном и возведение на бухарский престол лояльного Лондону наследника. Дополнительный внешнеполитический эффект ожидался от освобождения персидских пленников, что, по мнению Вольфа, должно было укрепить популярность Великобритании в Персии, Коканде, Ташкенте и Яркенде.¹

Параллельно с британской дипломатической активностью фиксировались попытки вовлечения региональных правителей в орбиту влияния Османской империи. В этот период из Коканда в Санкт-Петербург поступали сведения о том, что кокандский хан обратился к турецкому султану с просьбой о военной помощи против России, а в Бухаре появились османские представители. Возвратившийся из Стамбула хивинский посланник доставил султанскую грамоту, содержащую призыв прекратить междоусобную войну за Мерв и консолидировать усилия Хивы, Коканда и Бухары для выступления единым фронтом против Российской империи.²

Османская и британская активность в регионе затрагивала интересы не только России, но и Персии, что побудило Тегеран зондировать почву на

¹ Там же: С.342-345.

² Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. - 1940. - № 9. - С. 201.

предмет совместных с Санкт-Петербургом действий против Турции. Однако жесткое дипломатическое вмешательство Лондона нарушило эти планы. В результате в 1854 году, в условиях начавшейся Крымской войны, Персия была вынуждена объявить о своем нейтралитете. В том же году под прямым давлением британской дипломатии между Лондоном и Тегераном было подписано соглашение о невмешательстве Персии в гератские дела. По его условиям шахскому правительству запрещалось чеканить монету для Герата, содержать там постоянного дипломатического агента и направлять туда вооруженные силы. Тем не менее данное соглашение свидетельствовало не об отказе Великобритании от экспансионистских планов, а лишь о стремлении временно зафиксировать статус-кво на иранском направлении.¹

Особое значение британская агентурная сеть придавала координации действий среднеазиатских правителей в преддверии планируемого наступления на север. 23 января 1855 года генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду поступило донесение о том, что «в конце 1854 г. к Бухарскому эмиру приехал английский представитель. Он потребовал пропуска британских войск из Афганистана через Бухару на север, к русской границе. Эмир сначала отверг их требование, но тогда английский посланник показал ему фирман турецкого султана».²

Несмотря на это давление, Бухарский эмират, будучи наиболее крупным и экономически развитым государством региона, оставался глубоко заинтересованным в сохранении и расширении традиционных торгово-экономических связей с Россией, приносивших существенную выгоду обеим сторонам и выступавших стабилизирующим фактором в условиях британского экспансионизма.³

В этих обстоятельствах Ост-Индская компания предприняла попытку превратить Афганистан в стратегический плацдарм для давления на Персию.

¹ Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. - 3-е изд. - М.: Госполитиздат, 1955. - Т. 1. - С.411-413.

² НАУз. - Ф. 715. - Оп.1. - Д. 16. - Л. 12-15.

³ Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). - М. : Изд-во вост. лит., 1960. - С. 52.

Британская дипломатия использовала стремление эмира Дост Мухаммед-хана присоединить Кандагар к своим владениям, одновременно форсируя решение вопроса о Белуджистане. Еще до официального запроса кабульского правителя о санкционировании интеграции Кандагара, британские власти под угрозой применения силы принудили хана Келата признать протекторат Великобритании. В то же время Дост Мухаммед-хан направил наследного принца Гулям Хайдар-хана в Пешавар для проведения переговоров и выяснения официальной позиции Лондона относительно кандагарского наследства.

Британская администрация выразила готовность удовлетворить запросы кабульского двора, однако обусловила предоставление субсидий заключением двустороннего соглашения, на что Дост Мухаммед-хан ответил согласием. 30 марта 1855 года в Джамруде между Великобританией и Афганистаном был подписан договор, состоявший из трех ключевых статей:

1. Установление постоянного мира и дружественных отношений между договаривающимися сторонами;
2. Взаимное обязательство уважать существующие территориальные границы: со стороны британских властей — Афганистана, со стороны афганского эмира — владений Ост-Индской компании;
3. Обязательство эмира признавать друзей Великобритании своими друзьями, а её врагов — своими врагами.

Как подчеркивает афганский историк С. К. Риштия, данный трактат де-факто лишал эмира юридического права претендовать на ранее отторгнутые англичанами восточноафганские земли, существенно ограничивал внешнеполитическую независимость Кабула и имел отчетливую антироссийскую и антииранскую направленность.¹ Характерно, что статс-секретарь Великобритании по делам Индии герцог Аргайл впоследствии дал весьма прагматичную оценку этому документу: «Это был трактат,

¹ Риштия, С. К. Афганистан в XIX веке / С. К. Риштия ; пер. с перс. Л. Н. Дорофеевой. - М. : Изд-во инстр. лит., 1958. - С. 244.

заставлявший афганского эмира вступать в неприязненные отношения со всеми, кому мы объявляли войну, но не возлагавший на нас ничего подобного такому же обязательству. Со стороны Дост Мухаммеда это был, в полном смысле слова, наступательный и оборонительный союз, но с нашей стороны он не имел этого значения. Он клонился, следовательно, исключительно в нашу пользу».¹

Джамрудский договор вызвал серьезную тревогу в Тегеране, где данный шаг расценили как подготовку к превращению Гератского стратегического района в плацдарм для давления на Персию. Надеясь на дипломатическую поддержку со стороны Санкт-Петербурга, Насреддин-шах Каджар предпринял попытку восстановить суверенитет над Гератом, нарушив прежние договоренности, и двинул туда войска. В ответ Дост Мухаммед-хан обратился к Ост-Индской компании, получив от нее крупные денежные субсидии и современные вооружения. Более того, под предлогом защиты афганских интересов в декабре 1856 года Великобритания начала прямые военные действия против Ирана, принудив его к быстрой капитуляции. Согласно Парижскому мирному договору, подписанному в марте 1857 года, персидское правительство обязывалось эвакуировать войска из Герата и официально отказывалось от территориальных притязаний на этот регион.

Одновременно, стремясь минимизировать реваншистские настроения Кабула в отношении Пешаварской области, британские представители поощряли экспансию Дост Мухаммед-хана на север — за Гиндукуш, где к середине XIX века сохраняли автономию узбекские и таджикские бекства (княжества) левобережья Амударьи.² Этот вектор экспансии привлекал и афганскую феодальную элиту, стремившуюся получить контроль над богатыми аграрными ресурсами региона, транзитными торговыми путями, а также обширными пастбищами Бадхыза и Балха, где традиционно выпасались крупные стада кочевых племен.

¹ Внешняя политика Англии и Среднеазиатский вопрос // Вестник Европы. - 1875. - Т. 4, № 7. - С. 262.

² Пикулин, М. Г. Афганистан: экономика и история (краткий очерк) / М. Г. Пикулин. - Ташкент : Госиздат УзССР, 1956. - С. 36.

Уже в 1856 году Дост Мухаммед-хан подчинил Хульмское бекство, а в следующем году установил контроль над Андхоем.¹ Британская дипломатия стремилась окончательно закрепить за Кабулом и Гератский регион, однако не считала возможным отправлять туда собственные контингенты, поскольку вспыхнувшее в 1857 году крупное национальное восстание в Индии (Сипайское восстание) поставило под угрозу само британское колониальное господство на субконтиненте. Кроме того, в Калькутте сохранялось недоверие и к самому Дост Мухаммед-хану.² Вследствие этого Лондон делал ставку на использование Афганистана в качестве буфера против Ирана, не оставлявшего попыток вернуть влияние на левом берегу Амударьи.

Региональная конъюнктура благоприятствовала афганскому продвижению на север: Бухарский эмир Насрулла был поглощен затяжными междоусобными распрями и войной с Кокандом, что лишало его возможности оказать своевременную военную помощь приамударьинским владениям.³ Первые успехи за Гиндукушем активизировали наступательные планы кабульской верхушки. Тем не менее, столкнувшись с прямой угрозой своим южным границам, бухарский двор отверг ультимативные требования афганских посланников и начал мобилизацию сил. 19 марта 1860 года Оренбургский генерал-губернатор извещал военного министра о сосредоточении на южных рубежах эмирата 24-тысячного регулярного бухарского корпуса.⁴

Военные приготовления Бухары вызвали обеспокоенность афганской администрации в Балхе. Наместник Мухаммед Афзал-хан, опасаясь, что демонстрация бухарской силы спровоцирует масштабные антиафганские восстания в Катагане и Бадахшане, приказал своему сыну Абдуррахман-хану стянуть силы обратно к Балху. В ходе последовавшего боевого столкновения

¹ НАУз. - Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 3. - Д. 151. - Л. 63.

² Риштия, С. К. Афганистан в XIX веке / С. К. Риштия ; пер. с перс. Л. Н. Дорофеевой. - М.: Изд-во инстр. лит., 1958. - С. 244.

³ НАУз. - Ф. И-1. - Оп. 3. - Д. 22. - Л. 305.

⁴ Там же. - Д. 23. - Л. 12–14 (Донесение Оренбургского генерал-губернатора военному министру, март 1860 г.).

бухарские отряды потерпели поражение. Одновременно кокандский хан, воспользовавшись отвлечением сил эмира на юг, предпринял попытку захватить Ура-Тюбе. В донесении Оренбургского генерал-губернатора от 29 марта 1860 года отмечалось, что гарнизон Ура-Тюбе отразил натиск кокандцев артиллерийским огнем. Тем не менее, эмир Насрулла, сознавая нестабильность тыла и острату внутридинастической борьбы, принял решение свернуть южную кампанию и вернулся в столицу. Зондаж бухарских дипломатов на предмет заключения союза с Российской империей для совместного противодействия афганской экспансии не нашел поддержки в Санкт-Петербурге, так как российское правительство в этот период формировало собственную стратегию закрепления в среднеазиатских ханствах, рассматривая их сквозь призму своих общих позиций на Ближнем и Среднем Востоке.

Таким образом, комплексный анализ документов и дипломатической переписки позволяет детально реконструировать механизмы британской ближневосточной политики середины XIX века. Обширный массив источников наглядно демонстрирует, что в условиях обострения англо-русского соперничества Лондон активно использовал методы регионального давления, прагматичного использования межгосударственных противоречий и стимулирования локальных конфликтов. Балансируя между интересами Персии, Афганистана и среднеазиатских ханств, британские геополитические проектировщики стремились создать устойчивый антироссийский барьер, задействуя в том числе и авторитет османского султана во время Крымской войны (1853–1856 гг.), что существенно дестабилизировало этнополитическую ситуацию в Центральной Азии.

1.2. Англо-русские отношения и российское завоевание Средней Азии в 60–70-е годы XIX века.

Характеризуя остроту англо-русских геополитических противоречий середины XIX века, исследователи традиционно подчеркивали, что официальный Лондон выступал последовательным оппонентом региональной политики Санкт-Петербурга, усматривая в продвижении России на юг прямую угрозу своему доминированию над сопредельными азиатскими народами.¹ После завершения Крымской войны британские правящие круги стремились не только к консолидации позиций в Черноморском бассейне, но и к вытеснению России с Кавказа, блокированию её выходов к среднеазиатским рынкам и продвижению собственного торгового и стратегического влияния к побережью Каспийского моря.

Российское правительство, чьи основные военные ресурсы в этот период были поглощены завершением Кавказской войны, первоначально избегало форсирования полномасштабной экспансии вглубь региона. На данном этапе внешнеполитические усилия Санкт-Петербурга концентрировались на предотвращении консолидации Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств и нейтрализации их возможных враждебных акций на пограничных линиях посредством заключения сепаратных торгово-дипломатических соглашений.²

Динамика международных отношений диктовала необходимость смены векторов экспансии. Как отмечалось в аналитических обзорах того времени, в условиях, когда для Российской империи каналы активного политического давления в Северо-Западной Европе временно сузились, стратегическое значение приобрели Южное и Юго-Восточное направления — Персия, Афганистан и среднеазиатские государства.³

¹ Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. - 5-е изд. - М. : Политиздат, 1969. - Т. 30 : Июль 1916 - февраль 1917. - С. 3–5.

² История дипломатии : [в 3 т.] / под ред. В. П. Потемкина. - М. : Соцэкгиз, 1941. - Т. 1. - С. 472.

³ Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. - 2-е изд. - М. : Политиздат, 1957. - Т. 9. - С. 412.

Важнейшим стимулом для активизации среднеазиатского вектора выступала потребность развивающейся российской промышленности в надежных рынках сбыта и сырьевых источниках. Весной 1858 года император Александр II вызвал в Санкт-Петербург бывшего военного агента в Лондоне полковника Н.П. Игнатьева. В своем докладе Игнатьев детально обосновал необходимость перехвата инициативы у британских эmissаров в Центральной Азии и Афганистане.¹ Ему было поручено возглавить специальную дипломатическую миссию в Хиву и Бухару. В разработанной аналитической записке Н.П. Игнатьев указывал, что по комплексу политических, военных и экономических причин России необходимо прочно закрепиться на Амударье. В случае невозможности немедленной реализации этого сценария предлагалось заключить с хивинским ханом и бухарским эмиром соглашения, гарантирующие русским судам право беспрепятственного судоходства по Амударье. Императорское правительство утвердило данный план, приняв решение о параллельной отправке двух экспедиций: научной миссии Н.В. Ханыкова через Персию в Герат и дипломатической миссии Н.П. Игнатьева непосредственно в Хиву и Бухару.²

Ключевой целью миссии Н. П. Игнатьева являлось определение степени британского политико-экономического влияния в регионе, выработка мер по его нейтрализации и установление устойчивых связей с местными правителями. Важной практической задачей стало комплексное гидрографическое и стратегическое изучение Амударьи, включая составление точных топографических карт её русла и прилегающих коммуникаций, что должно было заблокировать аналогичные планы Ост-Индской компании. 15 мая 1858 года миссия выступила из Оренбурга, 19 июля достигла Амударьи в районе Кунграда, после чего направилась в Хиву.

¹ Халфин, Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868) / Н. А. Халфин. - М. : Изд-во вост. лит., 1960. - С. 85.

² Игнатьев, Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году полковника Н. П. Игнатьева / Н. П. Игнатьев. - СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1897. - С. 4.

Появление российской делегации вызвало серьезные опасения у хивинской правящей верхушки, находившейся в состоянии перманентной междоусобной борьбы. В сложившихся обстоятельствах переговоры зашли в тупик: Н.П. Игнатьев отверг неприемлемые требования Мухаммад Амин-хана и в сентябре 1858 года прервал контакты, направив миссию в Бухару. Оценивая итоги хивинского раунда, он извещал директора Азиатского департамента МИД, что для обеспечения стабильного судоходства России рано или поздно придется установить контроль над устьем Амударьи и возвести там военные укрепления.¹

В Бухаре российская миссия добилась существенных результатов. Эмир Насрулла, находившийся в состоянии затяжного конфликта с Кокандом, искал сближения с Санкт-Петербургом и принял ключевые предложения российской стороны. Были достигнуты договоренности о свободе плавания русских судов по Амударье, снижении ввозных пошлин для российских купцов до 5%, а также о предоставлении им права беспрепятственной торговли и создания факторий на территории эмирата. В свою очередь, Н. П. Игнатьев, превысив официальные инструкции, пообещал эмиру косвенную поддержку в противостоянии с Кокандом и Хивой. Бухарский правитель рассчитывал с помощью России осуществить раздел Хивинского ханства, однако российская дипломатия предпочла уклониться от прямых обязательств такого рода.²

Тем не менее визит Игнатьева ускорил переход России к решительным действиям. 6 июля 1858 года Оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин настаивал в конфиденциальном письме в Санкт-Петербург: «Оставаться и дальше в таком положении мы не можем, надо решительно действовать. Заняться Туркестаном и Ташкентом есть такая необходимость, от которой зависит как утверждение нашего влияния, так и самое

¹ Игнатьев, Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году полковника Н. П. Игнатьева / Н. П. Игнатьев. - СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1897. - С.174.

² Попов, А. Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. - 1940. - № 9. - С. 203.

существование Сыр-Дарьинской линии...».¹ Процесс капиталистического развития России, набиравший силу в середине XIX столетия, объективно требовал форсированного освоения новых экономических пространств.² Интеграция среднеазиатских рынков рассматривалась правительственными и промышленными кругами как действенный инструмент снижения внутренней социально-экономической напряженности и преодоления пережитков крепостничества.³ В рамках этой стратегии А.А. Катенин подготовил также проект по развертыванию широких торгово-дипломатических контактов с Кашгаром, что должно было укрепить позиции империи во всем макрорегионе.

Необходимость ускорения действий диктовалась и поступающей информацией об активности конкурентов. В марте 1858 года Оренбургское генерал-губернаторство зафиксировало решение британского парламента о создании специального комитета для поиска путей расширения торговой экспансии в Центральной Азии. Уже в 1859 году британские торговые структуры через афганских посредников развернули масштабные операции по закупке шелка и опиума на среднеазиатских рынках, осуществляя расчеты наличной монетой. Подобная динамика заставляла Санкт-Петербург форсировать реализацию своих военно-политических планов.

После проведения крестьянской реформы 1861 года темпы модернизации российской экономики существенно возросли. Интенсивно развивавшаяся текстильная индустрия испытывала острую потребность в стабильной сырьевой базе. Ситуация приобрела критический характер в связи с началом Гражданской войны в США, в результате которой поставки американского хлопка в Россию в течение 1861 года сократились в шесть раз.⁴ Это вызвало резкий рост спроса на среднеазиатский сырец, объемы

¹ Попов, А. Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. - 1940. - № 9. - С. 204-205.

² Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. - 5-е изд. - М. : Политиздат, 1967. - Т. 3 : Развитие капитализма в России. - С. 519.

³ Штейнберг, Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке (от Франко-русского соглашения в Тильзите до Англо-русской конвенции 1907 г.) / Е. Л. Штейнберг. - М. : Воениздат, 1951. - С. 110.

⁴ Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. - Т. 3. - С. 520.

ввоза которого в том же году увеличились втрое, спровоцировав скачок цен на Нижегородской ярмарке: если в 1860 году пуд хлопка оценивался в 4–5 рублей, то в 1861 году цена поднялась до 7 рублей 50 копеек, в 1862 году — до 12–13 рублей, а к 1864 году достигла пиковых значений в 22–24 рубля.¹

Сырьевой дефицит спровоцировал локальный кризис в хлопчатобумажном секторе, закрытие ряда мануфактур и рост безработицы. В этих условиях правительственные круги утвердились во мнении, что безальтернативным выходом из кризиса является установление прямого военно-политического контроля над среднеазиатскими ханствами с последующей трансформацией их аграрного сектора в специализированную хлопковую плантационную базу. Завершение активных военных действий на Кавказе в 1864 году позволило высвободить необходимые воинские контингенты для осуществления этих планов.

20 декабря 1863 года император направил военному министру Д.А. Милютину директиву: «Следует с 1864 года приступить к соединению Оренбургской и Сибирской передовых линий от Джулека на Сыр-Дарье через Сузак на Аулие-Ату и далее по хребту Каратауских гор, чтобы впоследствии перевести границу на Арысь, проведя ее от Аулие-Ата через Чимкент в Ташкент».²

Реализация этого курса натолкнулась на внутриведомственные разногласия: если руководство Военного министерства настаивало на немедленном наступлении, то Министерство иностранных дел во главе с А.М. Горчаковым предупреждало о неизбежном международном обострении отношений с Великобританией. Позицию военных кругов лаконично сформулировал Д.А. Милютин, отметив в переписке с главой МИД: «...Не надобно просить извинения перед английскими министрами за всякое наше движение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоевывая целые царства,

¹ Попов, А. Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. - 1940. - № 9. - С. 209.

² Там же: С.211.

занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они это делают».¹

В конечном итоге возобладала наступательная концепция. В течение 1864 года Оренбургская и Сибирская укрепленные линии были успешно соединены. В сентябре 1864 года на занятых территориях была сформирована Новококандская передовая линия под общим руководством Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского, а непосредственным командующим войсками на линии был назначен полковник М. Г. Черняев. 22 сентября 1864 года российские отряды штурмом овладели Чимкентом, после чего Черняев развернул наступление на крупнейший экономический и логистический центр региона — Ташкент, который капитулировал 17 мая 1865 года.

Развивая успех и столкнувшись с противодействием Бухары, российские войска под командованием генерала Д. И. Романовского в мае 1866 года нанесли сокрушительное поражение бухарской армии в Ирджарском сражении, после чего двинулись к Ходженту — стратегическому пункту на Сырдарье, незадолго до этого отторгнутому Бухарой у Коканда. 24 мая 1866 года Ходжент был взят, а осенью того же года пала бухарская крепость Ура-Тюбе. Указом от 11 июля 1867 года было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство, главой которого со специальными военно-дипломатическими полномочиями стал генерал-адъютант К. П. фон Кауфман.

В отношении Кокандского ханства Кауфман временно избрал стратегию сдерживания, заключив в начале 1868 года коммерческий договор с Худояр-ханом, что позволило изолировать Коканд и сконцентрировать основные силы против Бухарского эмирата. Потерявший Ташкент, Ходжент и Ура-Тюбе кокандский правитель был вынужден принять российские условия,² предоставившие подданным империи широкие права свободной

¹ Милютин, Д. А. Дневник Д. А. Милютина, 1873–1875 / Д. А. Милютин ; под ред. П. А. Зайончковского. - М. : Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1947. - Т. 1. - С. 35.

² НАУз. - Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 34. - Д. 346. - Л. 91–92.

торговли, транзита в Восточный Туркестан (Китай) и равный с местным населением пошлинный режим.

Обезопасив фланг, К.П. фон Кауфман тем не менее учитывал риски внутренней нестабильности. В ноябре 1867 года он констатировал в донесении в Санкт-Петербург наличие глубокой латентной оппозиции новой администрации среди местной мусульманской элиты, что побуждало российские власти действовать с известной осторожностью, опираясь на прагматические круги местного купечества. 1 мая 1868 года российские войска начали осаду Самарканда, и уже утром 2 мая городская делегация на Чупанатинских высотах заявила о сдаче города.¹

Военное поражение заставило эмира Музаффара пойти на переговоры, однако условия предложенного Кауфманом проекта мира – включавшие выплату крупной контрибуции, признание экстерриториальности российских подданных и передачу Санкт-Петербургу контроля над внешнеполитическими связями Бухары – были первоначально отвергнуты бухарским двором. Антироссийские настроения высшего духовенства активно подогревались присутствовавшими в Бухаре британскими агентами, стремившимися заблокировать окончательное закрепление России в регионе. В эмирате вспыхнуло масштабное восстание, которое возглавил старший сын эмира - Абдумалик-тура (Катта-тюря), заключивший союз с шахрисабзскими беками и укрепившийся в Гиссаре. Тем не менее это выступление лишь ускорило развязку: регулярные отряды эмира потерпели окончательное поражение, восстание Абдумалика было жестко подавлено, а сам он бежал в Британскую Индию. Англо-индийское правительство предоставило ему политическое убежище в Бомбее, где он содержался на государственном обеспечении до конца своих дней. Таким образом, к началу 1870-х годов Российская империя добилась решающих успехов в Центральной Азии, что

¹ История народов Узбекистана : в 2 т. - Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1947. - Т. 2 : От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. - С. 236-237.

поставило на повестку дня выработку принципиально новой модели административного управления краем.

Аналитические донесения генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана легли в основу стратегического решения руководства Российской империи о номинальном сохранении государственности Бухарского эмирата. Данный шаг преследовал важные внешнеполитические цели: официальный Санкт-Петербург стремился продемонстрировать международному сообществу, и в первую очередь Великобритании, отсутствие намерений тотальной ликвидации автохтонных государственных образований. Декларируя патронат над правящими династиями и защиту их от внешних угроз, имперская администрация предпочла отказаться от прямой аннексии Бухарского ханства, интегрировав его в состав империи на правах вассального протектората.¹

23 июня 1868 года эмир Музаффар подписал мирный договор, условия которого были выработаны российской стороной. Бухарский эмират официально признал протекторат Российской империи, обязался выплатить военную контрибуцию в размере 500 тысяч рублей, а также признал переход под российскую юрисдикцию Самарканда и Каттакурганского округа, вошедших в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Важнейшим политическим ограничением стал полный отказ Бухары от права ведения самостоятельных дипломатических сношений с иностранными государствами.²

Следующим этапом укрепления позиций России в регионе стало подчинение Хивинского ханства. В мае 1873 года, преодолевая локальное сопротивление, отряды российских войск подошли к Хиве. Попытка хивинских формирований остановить продвижение экспедиционных сил у переправы через Амударью была нейтрализована плотным артиллерийским огнем. Убедившись в бесперспективности дальнейшего вооруженного сопротивления, хан Мухаммад Рахим II направил парламентаров в ставку

¹ НАУз. Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 3. - Д. 146. - Л. 25.

² История народов Узбекистана : в 2 т. - Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1947. - Т. 2 : От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. - С. 239.

генерала К. П. фон Кауфмана. Показательно, что одновременно в российскую ставку прибыл и чрезвычайный посланник бухарского эмира с поздравлениями по случаю военной победы.

12 августа 1873 года был подписан Гандемианский договор, зафиксировавший вассальную зависимость Хивинского ханства от Российской империи. В соответствии с его статьями, хивинский правитель лишался права ведения независимой внешней политики. Все земли ханства по правому берегу Амударьи (Амударьинский отдел) отходили к России. Российские подданные и купечество получили исключительные торгово-экономические преференции и освобождение от большинства внутренних сборов. На Хиву накладывалась контрибуция в размере 2,2 миллиона рублей с рассрочкой выплаты на 20 лет — до августа 1893 года. Принципиальное цивилизационное значение имела статья договора, обязывавшая хана полностью ликвидировать на территории государства институты рабства и работорговлю.¹

Процесс территориально-политического оформления среднеазиатских владений империи завершился в 1880-е годы. 4 января 1884 года под влиянием дипломатических и военных факторов Мервский совет старейшин принял решение о добровольном вхождении туркменских племен оазиса Мерв в состав России. Вслед за этим в российское подданство перешли туркменские племена Палатана и Пендинского оазиса. Таким образом, обширные пространства Центральной Азии были окончательно включены в геополитическую орбиту Российской империи.

Исторический анализ показывает, что относительное спокойствие и пассивность основной массы местного населения в ходе ликвидации суверенитета ханств обуславливались не отсутствием потенциала к сопротивлению, а глубоким системным кризисом автохтонных обществ. Жесткая фискальная политика местных правителей, непрекращающиеся

¹ История народов Узбекистана: в 2 т. - Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1947. - Т. 2 : От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. - С. 241.

междоусобные столкновения, феодальная эксплуатация и правовой произвол элиты лишали широкие слои населения мотивации выступать на защиту институтов средневекового деспотизма, что объективно ускорило падение традиционных режимов под ударами регулярных российских войск.

Безусловно, инкорпорация Средней Азии являлась классическим примером имперской колониальной экспансии, инициированной в интересах динамично развивавшегося российского капитала и правящих дворянско-бюрократических кругов. Вместе с тем, стремясь избежать прямого масштабного столкновения со своим главным геополитическим соперником — Великобританией, Санкт-Петербург сохранил формальный статус автономии и протектората над Бухарой и Хивой. Подобный прагматизм имперской власти имел и обратную сторону: консервация традиционных институтов управления и феодально-абсолютистских порядков в протекторатах зачастую консервировала архаичные социальные структуры и ограничивала модернизационный потенциал региона.¹

Тем не менее, не игнорируя колониальный характер политики царизма, невозможно согласиться с тезисами ряда зарубежных исследователей, полностью отрицающих созидательные аспекты этого процесса и фальсифицирующих историческую реальность. Комплекс архивных документов свидетельствует, что, вопреки узкокорыстным намерениям имперской администрации, включение Средней Азии в общероссийское пространство имело глубокое объективно-прогрессивное значение. Были ликвидированы наиболее одиозные и архаичные социальные явления, прежде всего рабство и развитая сеть работорговли, запрет на которые стал обязательным пунктом всех соглашений с Кокандом, Бухарой и Хивой. Установление прочного административного контроля остановило многовековые разорительные междоусобные войны в пограничных и

¹ Раджабов, С. К вопросу о присоединении Средней Азии к России // Материалы Объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. - Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. - С. 33.

внутренних районах, что создало условия для стабилизации мирной жизни, развития внутренней инфраструктуры и безопасности торговых путей.

Решающую роль в трансформации патриархально-феодалного уклада региона сыграла экономическая интеграция с промышленными центрами России. Строительство Закаспийской и Ташкентской железных дорог прочно связало среднеазиатские окраины со всероссийским рынком, стимулируя форсированное развитие товарно-денежных отношений. Регион интенсивно превращался в ключевую сырьевую базу российской текстильной индустрии (поставщика хлопка-сырца, шелка, кож и шерсти) и одновременно — в емкий рынок сбыта для продукции российской фабрично-заводской промышленности.

В условиях резкого падения объемов импорта американского хлопка в 1860-е годы правительство империи сделало ставку на превращение региона в автономный внутри имперский хлопководческий кластер. Начиная с 1880-х годов в Туркестане развернулось массовое внедрение высокоурожайных сортов американского хлопчатника, сопровождавшееся стремительным ростом посевных площадей:

Год	Площадь посевов американского хлопчатника в Туркестанском крае (в десятинах)
1884 г.	300 десятин
1888 г.	37 228 десятин
1890 г.	58 859 десятин ¹

Анализ динамики аграрного сектора в разрезе отдельных административно-территориальных единиц Туркестанского края наглядно демонстрирует масштабы и темпы структурной перестройки экономики региона. Если на начальном этапе форсированного внедрения американского хлопчатника (в конце 1880-х годов) площади под данной культурой исчислялись тысячами десятин, то к началу Первой мировой войны

¹ Масальский, В. И. Туркестанский край / В. И. Масальский. - СПб. : Тип. А. Ф. Девриена, 1913. - С. 458.

хлопководство заняло доминирующее положение в структуре посевных площадей ключевых областей генерал-губернаторства.

Область Туркестанского края	1888 г.	1915 г.	Прирост (в раз)
Ферганская область	~35,0	337,0	~9,6 раза
Сырдарьинская область	~26,0	74,0	~2,8 раза
Самаркандская область	~8,0	55,0	~6,8 раза ¹

Приведенные статистические данные убедительно свидетельствуют, что стремительное расширение хлопкового клина происходило в первую очередь за счет вытеснения традиционных продовольственных и зерновых культур: пшеницы, ячменя, риса, джугары (кукурузы), а также бобовых и масличных насаждений. Вместе с тем, глубокая интеграция Туркестана в экономическую систему Российской империи и развитие товарно-рыночных институтов постепенно вовлекали в орбиту общероссийского рынка и сопутствующие отрасли сельского хозяйства. Бесспорно, хлопководство приносило местному населению существенный доход, однако характер распределения этой прибыли был глубоко дифференцированным. Основная часть прибавочного продукта аккумулировалась в руках крупных землевладельцев из числа местной элиты, а также переселенцев-предпринимателей, в то время как непосредственные производители – дехкане – получали лишь незначительную долю доходов, оставаясь в экономической зависимости от скупщиков и заготовителей.

Параллельно с аграрной трансформацией разворачивался процесс модернизации торгово-промышленной сферы, сопровождавшийся болезненным разрушением архаичной ремесленно-цеховой структуры. Прямая конкуренция со стороны более дешевой и качественной продукции фабрично-заводской промышленности центральных губерний России привела к масштабному свертыванию местных кустарных промыслов. Характерным примером деградации традиционного ремесленного производства в условиях имперского разделения труда является кожевенная отрасль: так, если в

¹ Справочная книжка по хлопководству в СССР / под ред. Л. Н. Найденова. - М.: ЦУП ВСНХ, 1925. - С. 123–124.

Ташкенте в 1871 году функционировало 341 кустарное предприятие по выделке кож, то к 1892 году их число сократилось до 66.¹

В советской и марксистской историографии данный феномен традиционно рассматривался через призму ленинской концепции развития капитализма «вглубь», согласно которой проникновение промышленного капитала на окраины неизбежно вело к вытеснению вековых кустарных промыслов (производства оружия, железа, меди, текстиля) привозными фабричными изделиями, одновременно втягивая регион в мировое товарное обращение и формируя емкий рынок сбыта для метрополии.²

Важнейшим следствием активизации торгово-финансового капитала стал бурный рост хлопкового рынка и формирование развитой урбанистической инфраструктуры. В крупных городах Средней Азии (Андижане, Намангане, Маргилане, Коканде, Ташкенте, Самарканде, а также в Новой Бухаре (Кагане) и Ургенче) возникла разветвленная сеть специализированных торгово-закупочных и кредитно-финансовых учреждений. Рост объемов экспорта сырья способствовал институционализации хлопкового бизнеса через систему представительств и транспортных контор. По состоянию на 1910 год в Коканде успешно функционировали 7 специализированных крупных торговых контор по закупке хлопка, в Маргилане и Скобелеве (Новом Маргилане) — 7, а в Андижане их число достигало 13.³

Вместе с тем, специфика интеграционных процессов заключалась в том, что российский капитализм, вовлекая Туркестан в общероссийский и мировой оборот, во многом консервировал полуфеодальные по своей сути поземельные отношения в кишлаке. В хлопкосеющих и шелководческих районах капиталистические формы эксплуатации накладывались на традиционные

¹ Вахобов, М. Г. Формирование узбекской социалистической нации / М. Г. Вахобов. - Ташкент : Госиздат УзССР, 1961. - С. 92.

² См.: Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. - 5-е изд. - М. : Политиздат, 1967. - Т. 3 : Развитие капитализма в России. - С. 521.

³ Конопка, С. Р. Туркестанский край : (сельскохозяйственный, торгово-промышленный адрес-справочник, календарь на 1910 год) / С. Р. Конопка. - Ташкент : Тип. при Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, 1910. - С. 492.

институты зависимости (например, долговое рабство и издольщину). Данные процессы катализировали глубокую классовую и имущественную дифференциацию среднеазиатского крестьянства, ускоряя обезземеливание беднейшего дехканства и одновременно формируя прослойку крупной сельской буржуазии.

Ключевой социальной опорой имперской администрации на местах становились крупные автохтонные землевладельцы и коммерсанты, концентрировавшие в своих руках значительные земельные фонды. Ярким примером масштабов концентрации земельной собственности в эпоху «хлопковой лихорадки» служит фигура известного ферганского миллионера Миркамила Муминбаева (Миркамил-бая) в Андижанском уезде: его личные владения превышали 7 тысяч десятин земли, в то время как на долю 9 тысяч мелких дехканских хозяйств уезда приходилось в совокупности лишь около 3 тысяч десятин.¹

Российская администрация, фабриканты, банкиры, а также местные землевладельцы и ростовщики использовали широкий спектр инструментов экономического и внеэкономического принуждения дехканства (включая систему фьючерсных контрактов — авансирования под будущий урожай). Это позволяет характеризовать политику царизма в Туркестанском крае как классическую модель отношений между метрополией и колониальной окраиной, основанную на принципах политического господства и экономической эксплуатации. В то же время, как подчеркивалось в классических трудах исследователей советского периода, социокультурные и межличностные связи между переселенческим русским населением (крестьянством, рабочими, интеллигенцией) и коренными народами Средней Азии развивались обособленно от официального правительственного курса, демонстрируя примеры бесконфликтного общежития и взаимного культурного обогащения.²

¹ Иноятов, Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане / Х. Ш. Иноятов. - М. : Мысль, 1968. - С. 21.

² Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. - Т. 3. - С. 523.

Несмотря на выраженный колониальный вектор государственной политики, включение Средней Азии в состав Российской империи по своим объективным историческим последствиям имело важное модернизационное значение. Оно нанесло чувствительный удар по прежней феодальной раздробленности, замкнутости и национальной обособленности региона.

Ключевым инфраструктурным фактором трансформации патриархально-феодального уклада стало строительство Закаспийской и Ташкентской железных дорог. Развитие путей сообщения не только связало Туркестан с передовыми индустриальными центрами государства, но и дало мощный импульс местной промышленности, ориентированной на первичную переработку сырья. Близость сырьевой базы к транспортным узлам облегчала как вывоз хлопка-сырца на фабрики Центрального промышленного района, так и импорт готовой российской мануфактуры вглубь региона и далее — в сопредельные страны Востока.

Параллельно в крае закладывались основы индустриального производства. Еще в 1886 году в Маргилане местным предпринимателем был построен первый хлопкоочистительный завод, оснащенный шестью джинами и паровым двигателем мощностью в 25 лошадиных сил. В последующие десятилетия этот сектор продемонстрировал стремительный рост, при этом местный капитал удерживал сильные позиции в сфере первичной переработки сырья.

Региональный узел / Государство	Общее число хлопкоочистительных заводов	Принадлежало местным предпринимателям («баям»)	Доля местного капитала в секторе (%)
Ферганская область	157	109	69,4%
Самаркандский уезд	37	27	73,0%
Ташкентский уезд	15	3	20,0%
Бухарский эмират (протекторат)	90	8	8,9%

Всего по маслобойным заводам Туркестана	22	5	22,7% ¹
--	-----------	----------	---------------------------

Приведенные данные свидетельствуют об избирательной активности национального капитала: если в коренных хлопкосеющих центрах (Фергана, Самарканд) местные предприниматели доминировали в сфере первичной очистки хлопка, то в индустриальном Ташкенте, протекторате Бухары и в более технологичной маслобойной промышленности безусловное лидерство принадлежало крупным общероссийским компаниям и торговым домам.

Параллельно с развитием местной промышленной и торговой буржуазии в Туркестанском крае развернулся объективный процесс формирования фабрично-заводского пролетариата. Пополнение рядов индустриальных рабочих происходило преимущественно за счет разорившихся местных кустарей и безземельных дехкан. Процесс формирования рабочих кадров носил ярко выраженный полиэтнический характер.

Национальная принадлежность рабочих	Численность (чел.)	Доля в общем составе (%)
Таджики	1 142	5,45%
Русские	4 744	22,63%
Киргизы	1 343	6,41%
Узбеки	12 792	61,02%
Казахи	944	4,50%
Другие национальности	210	1,00%
Всего по краю	20 965	100,0% ²

Профильный анализ занятости показывает, что большая часть пролетариата края (12 731 человек, или более 60%) была сосредоточена в отраслях первичной переработки сельскохозяйственной продукции: на хлопкоочистительных, маслобойных, коконосушильных и гренажных (шелководческих) предприятиях.

¹ Гулишамбаров, С. И. Экономический обзор Туркестанского района, прилегающего к Закаспийской железной дороге / С. И. Гулишамбаров. - Асхабад : Тип. К. М. Федорова, 1911. - Ч. 2. - С. 254–270.

² Заорская, В. В. Промышленные заведения Туркестанского края / В. В. Заорская, К. А. Александер. - Петроград : Отдел земельных улучшений ГУЗиЗ, 1916. - С. 24.

Интеграция Средней Азии в общероссийскую капиталистическую систему значительно ускорила деструкцию патриархально-феодалных институтов и стимулировала модернизацию производительных сил региона. Объективно-прогрессивный, цивилизующий характер этого процесса, выразившийся в вовлечении окраин в орбиту индустриального развития и международной торговли, признавался даже европейской философско-экономической мыслью второй половины XIX столетия.¹

Разумеется, в основе имперской политики лежали прагматические геополитические и торгово-промышленные интересы Санкт-Петербурга. Однако макроэкономические сдвиги закономерно повлекли за собой глубокие социокультурные изменения. Вопреки консервативным устремлениям колониальной бюрократии и традиционной клерикальной элиты, включение края в состав империи открыло каналы для проникновения в Среднюю Азию элементов светского образования, европейской науки и передовой общественно-политической мысли. Этот процесс катализировал генезис национальной интеллигенции и просветительского движения.

Изучение наследия выдающихся мыслителей региона – казахских просветителей Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, А. Кунанбаева, узбекских поэтов и публицистов Муками и З. Хурката, а также представителей реформаторского и просветительского направлений рубежа веков – А. Дониша, А. Соми, Аваза Отара, Х. Х. Ниязи, С. Айни и др. – свидетельствует о глубоком понимании ими модернизационного потенциала сближения с Россией.²

В региональной общественной мысли этого периода происходило сложное идейное размежевание. Наряду с умеренно-демократическим и светским направлениями развивалось джадидское движение, выступавшее идеологом формирующейся национальной буржуазии. Несмотря на то, что

¹ См. подробнее: Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. - 2-е изд. - М. : Госполитиздат, 1962. - Т. 27 : Письма. 1850–1851. - С. 211.

² Раджабов, С. К вопросу о присоединении Средней Азии к России / С. Раджабов // Материалы Объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. - Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. - С. 28.

советская историография традиционно оценивала джадидизм как реакционное и буржуазно-националистическое течение, современный научный анализ позволяет рассматривать его как важнейший этап реформации традиционного общества, направленный на модернизацию образования, преодоление религиозного догматизма и адаптацию местного населения к новым экономическим реалиям. В то же время наиболее жесткую оппозицию любым светским и культурным инновациям составляли консервативные круги традиционного духовенства, отстаивавшие неприкосновенность средневековых религиозно-правовых институтов.

Для ведущих мыслителей коренных народов Средней Азии (Мукими, Фурката, С. Айни) было характерно четкое разделение колониального аппарата царизма и созидательного потенциала российской культуры и науки. В своих произведениях они активно призывали соотечественников к освоению русского языка, овладению светскими знаниями и интеграции в общероссийское интеллектуальное пространство. Стремление к приобщению к передовым достижениям эпохи ярко отражено в известном поэтическом творчестве Фурката, посвященном открытию гимназий и выставок в Ташкенте.¹

Важным фактором социокультурной трансформации региона стало изменение его демографической структуры за счет притока переселенцев из европейских губерний империи – квалифицированных рабочих, инженеров, железнодорожников, учителей и врачей.

Отчетный год	Численность населения (чел.)	Абсолютный прирост за период (чел.)	Прирост в процентах (%)
1885 г.	12 325	—	—
1904 г.	25 228	+12 903	+104,7% ²

Параллельно происходила постепенная синхронизация социальных процессов: протестные крестьянские и рабочие выступления в Туркестане со

¹ Фуркат. Избранные произведения / Фуркат ; сост. Х. Расул. - Ташкент : Госиздат УзССР, 1951. - С. 25.

² Обзор Сыр-Дарьинской области за 1904 год. - Ташкент : Типо-литография Ф. В. Ба Bazilevskago, 1905. - С. 325–326.

временем начали приобретать организационные формы, близкие к общероссийскому революционному движению, что в долгосрочной перспективе привело к радикальной смене политического режима и демонтажу колониальной системы управления.¹

Подводя итог, отметим, что инкорпорация Средней Азии дала мощный импульс институциональному развитию фундаментальной и прикладной науки в регионе. Уже в 1870 году была учреждена Ташкентская астрономическая обсерватория. Под эгидой созданных научных обществ (включая Туркестанский кружок любителей археологии и местное отделение ИРГО) началось системное изучение географических условий, картографии, топографии и геологического строения недр края.

Особое научно-практическое значение имела деятельность Туркестанского общества сельского хозяйства. Данная структура сфокусировала свои усилия на разработке научных основ агрономии, селекции высокоурожайных сортов американского хлопчатника, внедрении передовых ирригационных технологий, организации регулярного семенного фонда и модернизации шелководческой отрасли, что заложило прочный фундамент под индустриальное развитие аграрного сектора Средней Азии в XX веке.

¹ Пономарев, Б. Н. О задачах исторической науки и подготовке научно-педагогических кадров / Б. Н. Пономарев // Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. - М. : Политиздат, 1962. - С. 25.

ГЛАВА II. БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ АФГАНИСТАНА И БУХАРЫ В 70–80-е годы XIX века

2.1. Дипломатическое противостояние Великобритании и России в период установления границ Афганистана и Бухары в 1872–1873 годах.

Параллельно с развитием местной промышленной и торговой буржуазии в Туркестанском крае развернулся объективный процесс формирования фабрично-заводского пролетариата. Пополнение рядов индустриальных рабочих происходило преимущественно за счет разорившихся местных кустарей и безземельных дехкан. Процесс формирования рабочих кадров носил ярко выраженный полиэтнический характер.

Национальная принадлежность рабочих	Численность (чел.)	Доля в общем составе (%)
Таджики	1 142	5,45%
Русские	4 744	22,63%
Киргизы	1 343	6,41%
Узбеки	12 792	61,02%
Казахи	944	4,50%
Другие национальности	210	1,00%
Всего по краю	20 965	100,0% ¹

Профильный анализ занятости показывает, что большая часть пролетариата края (12 731 человек, или более 60%) была сосредоточена в отраслях первичной переработки сельскохозяйственной продукции: на хлопкоочистительных, маслобойных, коконосушильных и гренажных (шелководческих) предприятиях.

Интеграция Средней Азии в общероссийскую капиталистическую систему значительно ускорила деструкцию патриархально-феодальных институтов и стимулировала модернизацию производительных сил региона.

Объективно-прогрессивный, цивилизующий характер этого процесса, выразившийся в вовлечении окраин в орбиту индустриального развития и

¹ Заорская, В. В. Промышленные заведения Туркестанского края / В. В. Заорская, К. А. Александер. - Петрозаводск : Отдел земельных улучшений ГУЗиЗ, 1916. - С. 24.

международной торговли, признавался даже европейской философско-экономической мыслью второй половины XIX столетия.¹

Разумеется, в основе имперской политики лежали прагматические геополитические и торгово-промышленные интересы Санкт-Петербурга. Однако макроэкономические сдвиги закономерно повлекли за собой глубокие социокультурные изменения. Вопреки консервативным устремлениям колониальной бюрократии и традиционной клерикальной элиты, включение края в состав империи открыло каналы для проникновения в Среднюю Азию элементов светского образования, европейской науки и передовой общественно-политической мысли. Этот процесс катализировал генезис национальной интеллигенции и просветительского движения.

Изучение наследия выдающихся мыслителей региона – казахских просветителей Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, А. Кунанбаева, узбекских поэтов и публицистов Мукими и З. Хурката, а также представителей реформаторского и просветительского направлений рубежа веков – А. Дониша, А. Соми, Аваза Отара, Х. Х. Ниязи, С. Айни и др. – свидетельствует о глубоком понимании ими модернизационного потенциала сближения с Россией.²

В региональной общественной мысли этого периода происходило сложное идейное размежевание. Наряду с умеренно-демократическим и светским направлениями развивалось джадидское движение, выступавшее идеологом формирующейся национальной буржуазии. Несмотря на то, что советская историография традиционно оценивала джадидизм как реакционное и буржуазно-националистическое течение, современный научный анализ позволяет рассматривать его как важнейший этап реформации традиционного общества, направленный на модернизацию образования, преодоление религиозного догматизма и адаптацию местного населения к новым

¹ См. подробнее: Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. - 2-е изд. - М. : Госполитиздат, 1962. - Т. 27 : Письма. 1850–1851. - С. 211.

² Раджабов, С. К вопросу о присоединении Средней Азии к России / С. Раджабов // Материалы Объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. - Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. - С. 28.

экономическим реалиям. В то же время наиболее жесткую оппозицию любым светским и культурным инновациям составляли консервативные круги традиционного духовенства, отстаивавшие неприкосновенность средневековых религиозно-правовых институтов.

Для ведущих мыслителей коренных народов Средней Азии (Мукими, Фурката, С. Айни) было характерно четкое разделение колониального аппарата царизма и созидательного потенциала российской культуры и науки. В своих произведениях они активно призывали соотечественников к освоению русского языка, овладению светскими знаниями и интеграции в общероссийское интеллектуальное пространство. Стремление к приобщению к передовым достижениям эпохи ярко отражено в известном поэтическом творчестве Фурката, посвященном открытию гимназий и выставок в Ташкенте.¹

Важным фактором социокультурной трансформации региона стало изменение его демографической структуры за счет притока переселенцев из европейских губерний империи — квалифицированных рабочих, инженеров, железнодорожников, учителей и врачей.

Отчетный год	Численность населения (чел.)	Абсолютный прирост за период (чел.)	Прирост в процентах (%)
1885 г.	12 325	—	—
1904 г.	25 228	+12 903	+104,7% ²

Параллельно происходила постепенная синхронизация социальных процессов: протестные крестьянские и рабочие выступления в Туркестане со временем начали приобретать организационные формы, близкие к общероссийскому революционному движению, что в долгосрочной

¹ Фуркат. Избранные произведения / Фуркат ; сост. Х. Расул. - Ташкент : Госиздат УзССР, 1951. - С. 25.

² Обзор Сыр-Дарьинской области за 1904 год. - Ташкент: Типо-литография Ф. В. Ба Bazilevskago, 1905. - С. 325–326.

перспективе привело к радикальной смене политического режима и демонтажу колониальной системы управления.¹

Британский кабинет, в свою очередь, отклонил компромиссные предложения Санкт-Петербурга, стремясь использовать афгано-бухарские пограничные противоречия для ограничения российского влияния в регионе. Выступая в качестве гаранта внешнеполитических интересов Кабула, Лондон апеллировал к соглашениям 1859 года между Бухарским эмиратом и Афганистаном. Британская дипломатия утверждала, что в ходе тех переговоров бухарская сторона де-факто признала суверенитет эмира Дост Мухаммад-хана над территориями Южного Туркестана вплоть до русла Амударьи.²

Однако данная интерпретация игнорировала тот факт, что соглашение 1859 года не фиксировало отказ Бухары от её исторических прав на левобережные территории. Документы российских архивов опровергают тезис британской стороны о том, что со времен правления Дост Мухаммад-хана Амударья признавалась легитимной и бесспорной границей между Бухарой и Афганистаном. Источники свидетельствуют, что ключевые амударьинские переправы традиционно находились под контролем бухарской администрации. В узловых пунктах – Чарджуе, Керки и Ходжа-Сале – располагались бухарские пограничные посты и поселения.³ В этих пунктах регулярно взимались таможенные пошлины с караванов и плата за переправу. Более того, архивные материалы содержат сведения о фиксации обращений афганских властей к эмиру Бухары с просьбами о разрешении на размещение временных укреплений на левом берегу Амударьи, что де-факто означало признание афганской стороной бухарского суверенитета над этими районами.

Несмотря на аргументы, представленные российской дипломатией, 17 октября 1872 года министр иностранных дел Великобритании лорд Гренвилл

¹ Пономарев, Б. Н. О задачах исторической науки и подготовке научно-педагогических кадров / Б. Н. Пономарев // Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. - М. : Политиздат, 1962. - С. 25.

² НАУз. Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 1. - Д. 48. - Л. 330.

³ Там же. - Л. 332.

направил официальную ноту, в которой вновь изложил позицию Сент-Джеймского кабинета по вопросу северо-восточных рубежей Афганистана, настаивая на включении припамирских ханств Бадахшан и Вахан в сферу влияния Кабула.¹

Российское внешнеполитическое ведомство в своем ответе опиралось на экспертные материалы, подготовленные Туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом. Собранные им военно-статистические данные демонстрировали, что указанные в британской ноте границы не соответствовали реальной этнополитической карте региона. 29 ноября 1872 года К. П. фон Кауфман констатировал:

«Владения эмира Шир-Али-хана в строгом смысле простираются на востоке только до меридиана впадения реки Кокчи в Аму-Дарью. Эта линия отделяет владения бадахшанские и ваханские от Кундузской области, бесспорно подвластной Шир-Али-хану. Последняя была присоединена к владениям афганским в начале пятидесятых годов сыном Дост-Мухаммеда, Мухаммед-Афзал-ханом, управлявшим в то время Балхом...».²

Генерал-губернатор полагал, что если британское правительство искренне стремится к поддержанию стабильности в буферной зоне, разделяющей владения двух империй, оптимальным решением стало бы признание Бадахшана и Вахана независимыми территориями, равноудаленными как от Кабула, так и от Бухары.³

Приведенные факты показывают, что российское руководство изначально рассчитывало разрешить проблему разграничения посредством компромисса. В дипломатической переписке подчеркивалось стремление Санкт-Петербурга избежать любых шагов, способных нарушить баланс в

¹ Earl Granville to Lord Loftus. October 17, 1872 // Correspondence with Russia respecting Central Asia. - London: Harrison and Sons, 1873. - P. 1–2. - (Parliamentary Papers; Vol. LXXV).

² Сборник договоров и других документов по делам Средней Азии. Записка генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана о северной границе Афганистана от 29 ноября 1872 г. - СПб. : Тип. В. В. Комарова, 1885. - С. 16–17.

³ Там же. - С. 15–16.

двусторонних отношениях, установившийся в ходе предварительного обмена мнениями между имперским кабинетом и правительством Великобритании.¹

Тем не менее, Лондон занимал консолидированную позицию, жестко настаивая на признании афганского суверенитета над Бадахшаном, Ваханом и левобережными узбекскими ханствами. Подобная настойчивость объяснялась тем, что данный макрорегион представлял собой узел важнейших политических и торговых путей, непосредственно граничащих с Туркестанским краем.² Через Бадахшан и Вахан пролегали стратегические маршруты из Кундуза на Сарыпуль и далее вглубь Восточного Туркестана — к Яркенду и Кашгару. Переход этих областей под контроль Афганистана (союзника Великобритании) приводил к непосредственному соприкосновению британской сферы влияния с границами Бухарского протектората и резко сокращал дистанцию до Кокандского ханства.

Лондон стремился использовать любые аргументы для легитимации афганской экспансии на Памире, уверяя российскую сторону в том, что Бадахшан добровольно признал власть Кабула еще в 1863 году. В действительности же процесс инкорпорации Бадахшана афганскими войсками завершился лишь к августу 1874 года. Показательно, что весной 1874 года британские эмиссары Т. Гордон, Дж. Биддельф и Г. Троттер не смогли проникнуть в Бадахшан со стороны Вахана именно по причине продолжавшегося вооруженного сопротивления местного населения афганским отрядам.³

Несмотря на историческую уязвимость британских претензий, российское правительство в конечном счете проявило уступчивость. В условиях, когда администрация Туркестанского края была поглощена закреплением на новых территориях и подготовкой военной экспедиции

¹ Из письма К. П. фон Кауфмана канцлеру А. М. Горчакову от 29 ноября 1872 г. // *Correspondence with Russia respecting Central Asia*. - London: Harrison and Sons, 1873. - P. 89. - (Parliamentary Papers; Vol. LXXI).

² ЦГА РУз. - Ф. И-1. - Оп. 34. - Д. 151. - Л. 21.

³ Венюков, М. И. Россия и Восток : собрание географических и политических статей / М. И. Венюков. - СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1877. - С. 224–225.

против Хивинского ханства, Санкт-Петербург стремился минимизировать риски прямого политического конфликта с Великобританией.

7 (19) декабря 1872 года министр иностранных дел России князь А. М. Горчаков направил через посла в Лондоне графа Ф. И. Бруннова депешу британскому правительству. В ней обосновывалась необходимость создания между владениями двух держав «промежуточной (буферной) зоны». Российский проект разграничения сводился к трем ключевым пунктам:

- На севере естественной границей Афганистана признавалось русло Амударьи от устья реки Кокчи до пограничного пункта Ходжа-Сале;
- В отношении Бадахшана и Вахана указывалось на отсутствие там реальных атрибутов афганской власти и сохранение их фактической независимости;
- Резюмировалось, что искусственное включение этих памирских княжеств в состав Афганистана неизбежно спровоцирует вооруженные столкновения между Кабулом и Бухарой, ввиду чего предлагалось придать Бадахшану и Вахану статус нейтральной территории.¹

Кроме того, на северо-западном участке границы (к западу от Ходжа-Сале) российские военно-статистические ведомства ставили под сомнение прочность контроля Шир-Али-хана над левобережными узбекскими центрами: Ахчой, Сарыпулем, Маймане, Шибирганом и Андхоем. Однако, поскольку эти районы были изолированы от Бухары пустынными пространствами, их интеграция в состав Афганистана не вызывала у Санкт-Петербурга столь принципиальных геополитических возражений, как в случае с припамирским узлом.

Британский кабинет вновь отверг российские предложения. Одновременно в английской прессе была развернута кампания по обвинению России в перманентной экспансии по направлению к Индии. Данное информационное давление служило для Лондона внешнеполитическим

¹ Prince Gorchakov to Count Brunnow. December 7, 1872 // Correspondence with Russia respecting Central Asia. - London: Harrison and Sons, 1873. - P. 7. - (Parliamentary Papers; Vol. LXXV).

прикрытием для подготовки к вытеснению России из сфер её влияния в Центральной Азии.

С целью деэскалации напряженности и нормализации отношений с Великобританией император Александр II в январе 1873 года направил в Лондон со специальной миссией генерал-адъютанта графа П. А. Шувалова. В ходе конфиденциальных переговоров с британскими государственными деятелями П. А. Шувалов подчеркнул, что в Санкт-Петербурге обеспокоены чрезмерной реакцией английского общества на среднеазиатские дела.¹ В ответ министр иностранных дел лорд Гренвилл констатировал высокий уровень подозрительности в британских политических кругах ко всему, что потенциально затрагивает безопасность и стратегические подступы к Британской Индии.²

Несмотря на то, что в ходе визита П. А. Шувалова консенсус по Бадахшану и Вахану первоначально не был достигнут, его миссия заложила основу для скорого компромисса. 24 января 1873 года лорд Гренвилл в очередной ноте отклонил предложение о нейтралитете памирских ханств, аргументируя это тем, что афганский эмир, хотя и не осуществляет прямого административного управления Бадахшаном, считает его своей вассальной территорией. По мнению британской стороны, провозглашение независимости этих областей подтолкнуло бы Кабул к применению силы, что спровоцировало бы Бухарский эмират на ответные действия и дестабилизировало бы всю систему региональной безопасности.³ В конечном итоге, стремясь развязать себе руки для решения хивинского вопроса, российское правительство пошло на уступки, согласившись в рамках англо-русского соглашения 1873 года признать Бадахшан и Вахан частью владений афганского эмира по руслу Амударьи.

¹ Habberton, W. Anglo-Russian Relations Concerning Afghanistan, 1837–1907 / W. Habberton. - Urbana: University of Illinois, 1937. - P. 31–32.

² Earl Granville to Lord Loftus. January 8, 1873 // Correspondence with Russia respecting Central Asia. - London: Harrison and Sons, 1873. - P. 13. - (Parliamentary Papers; Vol. LXXV).

³ Переговоры по вопросу об афганском разграничении : в 3 ч. - СПб. : Военная типография, 1886. - Ч. 2 : Дипломатическая переписка. - С. 21–23.

Упорная дипломатическая борьба вокруг памирских княжеств наглядно продемонстрировала стремление Форин-офиса создать глубокий стратегический буфер на дальних подступах к Британской Индии, минимизируя риски возникновения антибританских выступлений в сопредельных регионах. Российское правительство, расценивая позицию Лондона как последовательно экспансионистскую, было вынуждено активизировать свои действия в Средней Азии, сочетая военные меры по укреплению позиций с гибким дипломатическим лавированием.

С целью деэскалации напряженности и стабилизации двусторонних отношений Санкт-Петербург пошел на серьезный компромисс. 19 (31) января 1873 года российское внешнеполитическое ведомство официально заявило о согласии признать предложенную Великобританией линию разграничения. При этом российская сторона выразила обоснованную надежду, что британский кабинет употребит свое политическое влияние на эмира Шир-Али-хана для сдерживания его наступательной активности на левобережье Амударьи.¹

С заключением англо-русского соглашения 1873 года завершился многолетний этап двусторонних переговоров, начатых еще в 1869 году. Данный документ зафиксировал три базовых международно-правовых принципа регионального баланса сил:

1. Включение спорных левобережных областей в состав консолидированной территории Афганского эмирата;
2. Признание русла Амударьи в качестве северной и северо-западной границы Афганистана (несмотря на то, что на ряде участков, особенно памирском, демаркация оставалась незавершенной и носила предварительный характер);

¹ Из депеши канцлера А. М. Горчакова российскому послу в Лондоне графу Ф. И. Бруннову // Переговоры по вопросу об афганском разграничении : в 3 ч. - СПб. : Военная типография, 1886. - Ч. 2 : Дипломатическая переписка. - С. 25.

3. Официальное подтверждение со стороны Российской империи тезиса о том, что Афганистан полностью находится вне сферы её политического и военного влияния.¹

Вместе с тем, соглашение 1873 года носило характер временного компромисса и не устранило глубинных англо-русских противоречий в Азии. В британских военно-политических кругах и прессе открыто высказывалось неудовлетворение уступками, на которые пошел кабинет Уильяма Гладстона. Скептики утверждали, что, ограничив собственную активность рубежами Кветты, Великобритания де-факто предоставила Санкт-Петербургу свободу действий в отношении среднеазиатских ханств вплоть до непосредственных границ Афганистана.²

В этих условиях британская администрация активизировала разведывательно-аналитическую деятельность в регионе, привлекая в качестве транзитных каналов Османскую империю и шахский Иран. Через прессу и дипломатические каналы в Тегеране британские эмиссары инспирировали антироссийские настроения, стремясь убедить Наср эд-Дин Шаха в том, что планируемый российский поход против Хивы является прелюдией к установлению контроля над Персией и выходу России к портам Персидского залива.³

Однако данные информационные акции не нашли широкой поддержки в Тегеране, поскольку персидское правительство было заинтересовано в сохранении стабильных и предсказуемых отношений с Санкт-Петербургом. В то же время активизация британских агентов на северных рубежах Ирана вызывала настороженность обеих империй. Согласно донесениям Министерства иностранных дел России Туркестанскому генерал-губернатору от 9 августа 1874 года, в Хорасан был направлен капитан Г. Напир (сын

¹ Prince Gorchakov to Count Brunnow. January 31, 1873 // Correspondence with Russia respecting Central Asia. - London: Harrison and Sons, 1873. - P. 15–16. - (Parliamentary Papers; Vol. LXXV).

² Внешняя политика Англии и Среднеазиатский вопрос // Вестник Европы. - 1875. - Кн. 10, № 10. - С. 867.

³ Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности / сост. В. И. Межов. - Ташкент : Изд. Управления Туркестанского генерал-губернатора, 1874. - Т. 75. - С. 148.

главнокомандующего англо-индийской армией лорда Напира Магдальского), координировавший сбор сведений под прикрытием частной поездки. Во время пребывания в Тегеране Г. Напир предпринял безрезультатную попытку легализовать свой визит в Туркестан, обратившись к российской миссии за рекомендательными письмами к К.П. фон Кауфману.¹

Дальнейший маршрут и агентурная активность капитана Г. Напира в приграничной зоне реконструируются по донесениям российских дипломатических представительств.

Дата и источник фиксации	Географический пункт	Содержание зафиксированной деятельности
Вторая половина мая 1874 г. (Донесение МИД России)	г. Тегеран	Сбор информации о территориальных приобретениях России в Туркестане; попытка получения официальных рекомендаций к российским властям.
9 февраля 1875 г. (Донесение консула в Астрабаде)	г. Мешхед (Хорасан)	Организация агентурной сети; направление эмиссаров в Герат и Мервский оазис; установление прямых контактов с Якуб-ханом. ²

Деятельность британских служб в Хорасане и Мерве имела выраженные геополитические последствия. Стимулируя сепаратистские устремления правителя Герата, Якуб-хана против его отца, эмира Шир-Али-хана, британские представители одновременно организовали каналы поставок современного стрелкового оружия туркменским племенам текинцев, оказывавшим вооруженное сопротивление российским отрядам в Закаспийском крае.³

Интересы Великобритании распространялись и на территории, находившиеся в зоне непосредственных военных операций России. В период подготовки и проведения Хивинского похода 1873 года британские офицеры

¹ НАУз. - Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 1. - Д. 61. - Док. 223. - Л. 12.

² Там же. - Д. 62. - Док. 29. - Л. 4.

³ Венюков, М. И. Россия и Восток : собрание географических и политических статей / М. И. Венюков. - СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1877. - С. 223.

стремились установить прямые контакты с Мухаммад Рахим-ханом II. Резонансным событием стало несанкционированное путешествие в Хиву капитана королевского конногвардейского полка Ф. Бёрнаби. Проникновение британского офицера в зону боевых действий вызвало резкий протест со стороны Санкт-Петербурга. Посредством жесткого дипломатического давления на Лондон российские власти добились от британского командования немедленного приказа о возвращении Ф. Бёрнаби.¹ Анализируя данный инцидент, британская военная пресса признавала обоснованность опасений России относительно появления английских военных специалистов на транзитных маршрутах, ведущих к её новым рубежам.²

Резюмируя итоги данного этапа «Большой игры», необходимо констатировать, что дипломатическое соглашение 1873 года не остановило, а, напротив, институционализировало соперничество империй в Центральной Азии. Благодаря более высокой мобильности и концентрации ресурсов российское правительство сумело опередить Великобританию, установив контроль над ключевыми среднеазиатскими ханствами. Российская политика в регионе носила прагматичный характер: Санкт-Петербург ставил перед собой ограниченные, подкрепленные ресурсами геополитические задачи, избегая чрезмерного перенапряжения сил.

В то же время соглашение 1873 года оставило открытым ряд пограничных споров, юридически закрепив при этом переход обширных территорий между Амударьей и Гиндукушем под прямую юрисдикцию Кабула. В результате бывшие независимые узбекские ханства левобережья Амударьи (Андхой, Шибирган, Сарыпуль, Маймане и др.) были окончательно трансформированы в афганские провинции.³

Таким образом, анализ переговорного процесса опровергает тезисы британской историографии об исключительно агрессивном векторе действий

¹ Туркестанский сборник / сост. В. И. Межов. - Ташкент, 1881. - Т. 196. - С. 98 ; См. также: Из английской военной печати // Русский мир. - 1876. - № 88.

² Из английской военной печати // Русский мир. - 1876. - № 88.

³ Народы Передней Азии / под ред. Н. А. Кислякова, А. И. Першица. - М. : Изд-во АН СССР, 1957. - С. 156.

России на Среднем Востоке, подтверждая готовность Санкт-Петербурга идти на серьезные территориальные уступки ради предотвращения глобального европейского конфликта. Соглашение 1873 года являлось классическим примером имперской политики «разграничения сфер интересов», в рамках которой судьба пограничных территорий и миллионов их жителей определялась военно-политическими соображениями двух великих держав без участия представителей местной политической элиты.

2.2. Формирование британской колониальной политики в Афганистане в 70–80-х годах XIX в.

Вектор развития британской политической мысли и историографии на протяжении более чем столетия определялся необходимостью концептуального обоснования колониального продвижения Великобритании в Азии. В рамках этой парадигмы центральное место занимала доктрина «русской угрозы» (*The Russian Menace*), выступавшая в качестве эффективного инструмента мобилизации общественного мнения и легитимации наступательных действий Ост-Индской компании, а затем и коронной администрации. Так, видный представитель колониальной бюрократии Британской Индии О. Кэро утверждал: «Англичане в Индии сочли своим долгом заняться вопросом защиты индийской северной границы. Они вынуждены были принять меры, какие представлялись им возможными для того, чтобы быть уверенным, что Персию и Афганистан не постигнет участь Коканда (Ферганы), Бухары, Хивы и Кавказа».¹

Подобные концептуальные построения, однако, игнорировали глобальные масштабы британской экспансии. Согласно статистическим расчетам, широко использовавшимся в марксистской исследовательской традиции со ссылкой на социально-экономические компендиумы конца XIX века, совокупная площадь колониальных владений Великобритании к последней четверти столетия достигла колоссальных масштабов (свыше 22,5

¹ Central Asian Review. - 1858. - Vol. 6, № 2. - P. 210.

млн. кв. км. с населением около 251,9 млн. человек), превратив Британскую Индию в ключевой стратегический плацдарм для расширения сфер влияния в сопредельных регионах: Китае, Иране, Афганистане и на Памире.¹

В рассматриваемый период (после подписания соглашения 1873 года и на фоне временной стабилизации положения на Балканах) Санкт-Петербург действительно сфокусировал внимание на инкорпорации и административно-хозяйственном освоении среднеазиатских территорий. Данное продвижение активно использовалось британскими правительственными кругами и военной публицистикой для нагнетания алармистских настроений. В 1870–1880-х годах европейский книжный рынок оказался насыщен специализированной литературой, авторы которой стремились доказать неизбежность экспансии России в направлении Индостана и призывали Кабинет министров к превентивным силовым действиям.

Особое научно-документальное значение для исследователей имеет труд леди Бетти Бальфур, дочери вице-короля Индии лорда Литтона. Опубликованные ею служебные материалы — официальная переписка Литтона с государственным секретарем по делам Индии, директивы Сент-Джеймского кабинета, донесения пограничных комиссаров и протоколы дипломатических контактов с эмиром Шир-Али-ханом — де-факто дезавуируют тезис об исключительно оборонительном характере действий Лондона. Представленные документы демонстрируют, что за риторикой о защите рубежей скрывалась системная подготовка к установлению британского протектората над Афганистаном.

При этом реальное экономическое и внутривнутриполитическое положение Российской империи после Крымской войны и в период реформ Александра II исключало возможность проведения столь масштабной операции, как поход в Индию. Проекты подобных экспедиций, периодически подававшиеся авантюристами на имя императора, оценивались Главным штабом в Санкт-

¹ См.: Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. - 5-е изд. - М. : Политиздат, 1969. - Т. 27 : Империализм, как высшая стадия капитализма. - С. 245.

Петербурге как абсолютно химерические и стратегически бесперспективные. Руководство военного и внешнеполитического ведомств России никогда не включало завоевание Индии в число реальных внешнеполитических целей.

Напротив, тезис о «русской опасности» целенаправленно использовался англо-индийской администрацией как предлог для силовой интеграции независимых племен северо-западной пограничной полосы и подчинения Афганистана. Как признавала Б. Бальфур, британское руководство осознавало геополитические риски и стремилось изолировать Афганистан от российских контактов, предлагая Кабулу союзнические отношения, но всегда держа в резерве возможность применения военной силы в случае отказа от «дружбы».¹ Изменение британской доктрины от «пассивного наблюдения» к открытому экспансионизму Б. Бальфур напрямую связывала с деятельностью своего отца, подчеркивая, что именно лорд Литтон заложил основы наступательного курса, которого преемники придерживались на протяжении последующих десятилетий.²

Идеологическое обоснование этого перехода формировалось задолго до назначения Литтона. Еще 29 июля 1868 года член Совета Индии сэр Генри Роулинсон представил правительству меморандум, в котором доказывал, что установление протектората России над Бухарой неизбежно превратит Кабул в плацдарм антибританской активности. Роулинсон ставил перед кабинетом вопрос о недопустимости пассивного созерцания того, как Россия формирует дружественный ей режим в Афганистане.³

В ответ на это вице-король Индии лорд Лоуренс в меморандуме от 25 ноября 1868 года, хотя и придерживался более умеренной концепции «блестящей изолированности» (*Masterly Inactivity*), признавал, что продвижение России в Центральной Азии глубоко затрагивает британские интересы. Лоуренс выражал опасение, что в случае реального масштабного

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London; New York; Bombay: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 7.

² Там же: С.8

³ Там же: С.8

кризиса афганское население консолидируется вокруг антибританских сил.¹ Его рецепт сводился к установлению жесткой «красной линии», пересечение которой Россией должно было повлечь за собой объявление войны в любой точке земного шара. Данная позиция, однако, во многом носила декларативный характер, поскольку Санкт-Петербург на данном этапе строго придерживался рамок соглашения об Афганистане как буферной зоне, что признавали и наиболее прагматичные британские политики.

Так, преемник Лоуренса, лорд Мэйо, в конфиденциальном письме государственному секретарю по делам Индии герцогу Аргайлу критиковал колониальную прессу за нагнетание подозрительности, указывая, что исступленные публикации о переходе эмира Шир-Али-хана под влияние России дезориентируют администрацию и порождают иррациональные страхи.² Герцог Аргайл полностью разделял эту сбалансированную оценку. Анализируя баланс сил, он указывал на колоссальные масштабы британских приобретений (присоединение Ауда с 11-миллионным населением, завоевание Синда и Пенджаба), констатируя, что по своей геополитической и экономической значимости успехи Великобритании на Среднем Востоке несопоставимы с российскими приобретениями в пустынных районах Туркестана.³

Тем не менее, прагматический курс уступил место стратегии жесткого подчинения Афганистана. После того как в 1868 году в результате затяжной междоусобицы власть в Кабуле закрепил эмир Шир-Али-хан, лорд Лоуренс попытался использовать финансовые и военные рычаги для ограничения его суверенитета. В отчетах Форин-офису Лоуренс прямо указывал, что условием предоставления субсидий Кабулу должно стать согласие эмира на размещение

¹ История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином // Русский вестник. - 1879. - Т. 142, № 7. - С. 266.

² Биографическая справка: Сэр Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895) - британский военный дипломат, археолог-ориенталист, в период Первой англо-афганской войны (1839–1842) являлся политическим агентом в Кандагаре, впоследствии - член Совета Индии и президент Королевского географического общества.

³ Россия и Англия в Афганистане : (историко-дипломатический очерк) // Русская старина. - 1902. - Т. 110, № 6. - С. 678.

британских политических агентов в Герате, Кандагаре и других ключевых приграничных пунктах.¹

Подобная поспешность и откровенное давление насторожили Шир-Али-хана, заставив его на время дистанцироваться от британских предложений. Программа дальнейшего дипломатического и военного давления на Кабул была детально сформулирована Г. Роулинсоном, чьи рекомендации Министерству по делам Индии легли в основу будущей Forward Policy. Данная программа включала комплекс взаимосвязанных шагов: обусловливание денежных субсидий обязательным приемом постоянной британской миссии в Кабуле для контроля над внешней политикой эмира, восстановление позиций Лондона при шахском дворе в Тегеране, форсированное строительство стратегических железных дорог к границам Афганистана и немедленная оккупация Кветты в Белуджистане в качестве передового операционного узла.²

Практическим воплощением внешнеполитических доктрин Кабинета и установок Совета Индии стали англо-афганские переговоры в Амбале (27–31 марта 1869 года), организованные преемником лорда Лоуренса на посту вице-короля – графом Мэйо. Встреча выявила глубокий кризис доверия между Кабулом и Калькуттой. Эмир Шир-Али-хан, уязвленный пассивной позицией Великобритании в период многолетней междоусобной войны в Афганистане, занял на переговорах жесткую позицию. Опираясь на данные официальной афганской хроники «Сирадж ат-таварих», можно реконструировать первоначальное заявление эмира, подчеркнувшего неэффективность прежнего англо-афганского договора 1855 года, статьи которого об обязательствах «разделять друзей и врагов» фактически игнорировались британской стороной в ущерб интересам Кабула.³

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 9.

² Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question: From the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878, and to the Second Afghan War / by the Duke of Argyll. - London: Strahan & Co., 1879. - Vol. 2. - P. 21–23.

³ Файз Мухаммад Хан Катиб Кохандани. Сирадж ат-таварих (Книга историй, освещающая политические события) : в 3 т. / Файз Мухаммад Хан. - Кабул : Государственная типография, 1331 г. х. [1913]. - Т. 2. - С. 316–317.

В ходе Амбальской конференции Шир-Али-хан предпринял попытку переформатировать двусторонние отношения на принципах равноправного союзничества и выдвинул пакет из пяти ключевых требований:

1. Регулярное и безусловное предоставление финансово-экономической помощи Афганистану со стороны правительства Великобритании;

2. Официальное признание легитимности правящей династии Баракзаев в лице Шир-Али-хана и закрепление статуса наследника престола за его младшим сыном Абдулла-ханом (в обход старшего Якуб-хана);

3. Юридическое закрепление принципа строгого стратегического паритета («Англия должна рассматривать врагов Афганистана как собственных врагов»);

4. Ограничение прав британских военных специалистов: инжиниринговое содействие в строительстве приграничных фортификаций допускалось, но размещение контингентов британских войск на афганской территории должно было регулироваться исключительно суверенной волей эмира;

5. Предоставление Калькуттой прямых военно-политических гарантий эмиру для подавления возможных внутренних восстаний и сепаратизма провинциальных ханов.

Данные инициативы, нацеленные на привлечение британских ресурсов при сохранении полного внутреннего суверенитета Афганистана, были отвергнуты лордом Мэйо.¹ Итоговый компромиссный документ, врученный эмиру перед завершением конференции, носил декларативный характер. Калькутта гарантировала невмешательство во внутренние дела эмирата, выражала готовность «время от времени» оказывать материальную поддержку для укрепления центральной власти и брала на себя обязательство не размещать европейских резидентов в афганских городах.²

¹ Внешняя политика Англии и Среднеазиатский вопрос // Русский вестник. - 1879. - Т. 142, № 7. - С. 262.

² Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question: From the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878, and to the Second Afghan War / by the Duke of Argyll. - London: Strahan & Co., 1879. - Vol. 2. - P. 45-46.

Консервативная британская пресса и более поздние аналитические записки, составленные в период администрации лорда Литтона, пытались представить Амбальскую встречу как дипломатический триумф Англии, что, однако, опровергается как афганскими источниками, так и свидетельствами либеральных оппонентов «наступательной политики».¹

В частности, герцог Аргайл аргументированно указывал на обоснованность претензий Шир-Али-хана к прежним соглашениям, подчеркивая, что попытки британских переговорщиков использовать фактор «русской экспансии» для давления на эмира не увенчались успехом: афганский правитель прагматично оценивал географические реалии и полагал, что гипотетический выход российских войск к рубежам Гиндукуша является вопросом отдаленной исторической перспективы.²

Действительно, тезис британской историографии о непосредственной подготовке России к броску на Афганистан в начале 1870-х годов противоречит архивному материалу. Показательным примером взвешенного курса Санкт-Петербурга является инцидент с сердаром Абдуррахман-ханом (племянником и главным соперником эмира Шир-Али-хана). Потерпев поражение в борьбе за престол, Абдуррахман-хан в 1870 году эмигрировал в пределы Русского Туркестана. Прибыв в Ташкент, он пытался склонить генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана к заключению военного союза против Кабула, обещая взамен трансформировать Афганистан в геополитический форпост Российской империи на границах Индии.³

Исполняя прямые предписания МИД России минимизировать поводы для конфликтов с Великобританией, К. П. фон Кауфман категорически отказал сердару в военной поддержке. Санкт-Петербург согласился предоставить Абдуррахман-хану статус политического эмигранта с резиденцией в Самарканде исключительно на условиях его полного нейтралитета и прекращения любых политических контактов с афганскими сторонниками.

¹ Внешняя политика Англии и Среднеазиатский вопрос // Русский вестник. - 1879. - Т. 142, № 7. - С. 267.

² Внешняя политика Англии и Среднеазиатский вопрос // Русский вестник. - 1879. - Т. 142, № 7. - С. 268.

³ НАУз. - Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 29. - Д. 40. - Док. 23. - Л. 4.

Более того, стремясь дезавуировать возможные алармистские слухи в Лондоне, К. П. фон Кауфман направил официальное письмо Шир-Али-хану, в котором напрямую информировал его об интернировании Абдуррахман-хана и гарантировал мирные намерения России. В ответном послании от 6 августа 1870 года эмир выразил признательность за этот шаг, отметив, что содержание данного письма незамедлительно транслировано им англо-индийским властям.¹

Аналогичной сдержанной тактики российская сторона придерживалась и после Хивинского похода 1873 года. Заключение Гендемианского мирного договора и установление протектората над Хивой сопровождались официальными разъяснениями со стороны Ташкента в адрес Кабула. В своем послании К. П. фон Кауфман выражал надежду, что стабильность в Центральной Азии будет лишь укрепляться в русле наметившегося династического и дипломатического сближения между Санкт-Петербургом и Лондоном.² Лояльность России обязательствам 1873 года верифицируется и воспоминаниями самого Абдуррахман-хана, констатировавшего, что в течение первых семи лет его самаркандской эмиграции российские власти жестко пресекали его попытки вмешательства в афганские дела, мотивируя это наличием строгих конвенций с Великобританией.³

Тем не менее, поступательное продвижение российских отрядов вглубь Закаспийской области объективно беспокоило афганскую элиту, побуждая её к возобновлению зондажа в Калькутте. Летом 1873 года новый вице-король Индии граф Нортбрук инициировал проведение двусторонней конференции в Симле. Разочарованный итогами Амбальской встречи, Шир-Али-хан отказался от личного визита, делегировав в Симлу полномочную делегацию во главе со своим главным визирем Сеидом Нур Мухаммад-шахом.⁴ Ход и

¹ НАУз. - Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 1. - Д. 65. - Л. 14.

² Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 12.

³ Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана : в 2 т. / пер. с англ. М. А. Пленкина. - СПб. : Изд. А. Суворина, 1901. - Т. 1. - С. 410.

⁴ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке / Сеид Касем Риштия ; пер. с дар. Л. Н. Дорофеевой. - М. : Изд-во восточной литературы, 1958. - С. 340.

результаты этого раунда переговоров отражены в таблице 2. (Таблица 2. Дипломатические позиции сторон на Симлской конференции (июль 1873 г.)

Субъект дипломатического процесса	Существо выдвинутой политической платформы / заявления
Вице-король Индии граф Нортбрук	Выразил готовность предоставить гарантии защиты границ Афганистана от внешней агрессии при условии полной передачи внешнеполитического суверенитета Кабула под контроль Великобритании и отказа от самостоятельного решения пограничных споров.
Главный визирь Сеид Нур Мухаммад-шах	Декларировал высокую степень тревоги афганского общества в связи с ликвидацией независимости Хивы Россией; настаивал на предоставлении немедленной, эффективной и безусловной военно-технической помощи без ущемления суверенитета.
Кабинет министров в Лондоне (<i>Герцог Аргайл</i>)	Отклонил компромиссный запрос Нортбрука о выдаче твердых гарантий Кабулу (включая посылку войск); предписал информировать эмира о достаточности заверений России и неуместности его опасений.

Резкий отказ государственного секретаря по делам Индии санкционировать предложение Нортбрука о твердых военных гарантиях Афганистану продемонстрировал, что Сент-Джеймский кабинет на данном этапе не желал брать на себя обременительные долгосрочные обязательства, предпочитая оперировать рамками соглашения 1873 года. Провал Симлской конференции стал важной точкой бифуркации: разочарование Шир-Али-хана в британской политике создало предпосылки для последующего геополитического лавирования Кабула, приведшего регион к новому витку открытого противостояния.

Заявление министра еще раз доказывает, что русское правительство не помышляло о нападении на Афганистан, а тем более на Индию. Оно было занято укреплением своих позиций в Средней Азии. Россия, будучи по сравнению с Англией более слабой в экономическом отношении, не

решалась бы начать военные действия против Англии из-за Афганистана, что было хорошо известно правительству Великобритании. Однако, несмотря на это, англичане усиливали антирусскую пропаганду.

Итоги Симлской конференции 1873 года продемонстрировал непреодолимые концептуальные расхождения между сторонами. Получив жесткие ограничительные директивы из Лондона, граф Нортбрук попытался перевести диалог в русло имперского диктата, указав афганской делегации, что односторонние гарантии безопасности со стороны Великобритании являются исключительной преференцией, требующей от Кабула полной политической лояльности. В ответ на это главный визирь Сеид Нур Мухаммад-шах констатировал утилитарный характер британской стратегии, подчеркнув, что предлагаемый формат взаимодействия автономен от реальных оборонительных нужд Афганистана и преследует лишь цели обеспечения безопасности рубежей Британской Индии.¹

В сложившемся дипломатическом тупике Калькутта открыла свои ключевые геополитические приоритеты, вновь потребовав от Кабула согласия на институционализацию британского военно-политического присутствия в виде постоянных миссий не только в столице, но и в стратегически важных провинциальных центрах – Мазари-Шарифе, Герате и Кандагаре. Глава афганской делегации решительно отклонил эти домогательства. Сеид Нур Мухаммад-шах подчеркнул, что не имеет полномочий на подписание соглашений, ущемляющих суверенитет эмирата, и конфиденциально рекомендовал англо-индийской администрации отказаться от подобных инициатив во избежание дестабилизации хрупкого двустороннего баланса.²

Последовавший за Симлским провалом выезд афганской миссии ознаменовал собой прогрессирующее охлаждение отношений между Кабулом и Калькуттой, создав условия для тектонических сдвигов в региональной

¹ Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX веке / Сеид Касем Риштия ; пер. с дари Л. Н. Дорофеевой. - М. : Изд-во восточной литературы, 1958. - С. 343.

² Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question: From the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878, and to the Second Afghan War / by the Duke of Argyll. - London: Strahan & Co., 1879. - Vol. 2. - P. 101.

геополитике.¹ Британские аналитики усматривали причину автономизации курса Шир-Али-хана в получении им прямых писем от Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана. В официальных записках колониальной администрации утверждалось, что факт установления прямой корреспонденции с Ташкентом деформировал дипломатический этикет: эмир впервые перестал подписывать послания к вице-королю лично, делегировав эту прерогативу своим министрам, что расценивалось в Калькутте как демонстративный жест.²

Дополнительным деструктивным фактором стал британский арбитраж в Систанском пограничном споре между Афганистаном и Персией (миссия генерала Ф. Голдсмида 1872 года). Вместо окончательной делимитации границ в бассейне реки Гильменд вынесенное англичанами решение зафиксировало искусственное разделение региона, что вызвало глубокое недовольство как в Кабуле, так и в Тегеране, и надолго завязало узел региональных противоречий.³

Внутренний кризис в Афганистане усугубился решением Шир-Али-хана по вопросу престолонаследия. Летом 1874 года эмир официально провозгласил своим преемником младшего сына Абдулла-хана, фактически отстранив от власти старшего – Мухаммад Якуб-хана, имевшего пробританскую ориентацию. Это спровоцировало вооруженный мятеж Якуб-хана в Герате, где он являлся правителем. Несмотря на скрытую дипломатическую поддержку сепаратистов со стороны Калькутты, центральное правительство в Кабуле сумело оперативно подавить восстание, а сам Якуб-хан был арестован и заключен в тюрьму.

Позиции Санкт-Петербурга и Лондона в отношении данного кризиса кардинально разошлись. Генерал-губернатор Русского Туркестана К. П. фон Кауфман направил Кабулу поздравительное письмо, выразив надежду, что

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 15.

² Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question... - Vol. 2. - P. 117.

³ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 12.

принц Абдулла-хан продолжит курс своего отца на поддержание добрососедских отношений с Российской империей.¹ В свою очередь, Сент-Джеймский кабинет воспринял нейтрализацию Якуб-хана как серьезный удар по собственному влиянию в Гератском оазисе, имевшем первостепенное военно-стратегическое и транзитно-экономическое значение для продвижения в Центральную Азию.

22 января 1875 года государственный секретарь по делам Индии лорд Солсбери в конфиденциальном предписании вице-королю лорду Нортбрук выразил крайнюю обеспокоенность дефицитом верифицируемой информации о процессах внутри Афганистана. Он констатировал: «Правительство Англии, чтобы знать о том, что происходит в Афганистане и на его границах, вынуждено полагаться главным образом на косвенную разведку... Необходимо, чтобы вице-король принял меры настолько быстро, насколько позволяют ему обстоятельства, и добился согласия эмира на учреждение британского агентства в Герате... [а затем] в Кандагаре».²

При этом Солсбери рекомендовал временно воздержаться от размещения европейских офицеров в Кабуле, мотивируя это высокими рисками всплеска религиозного и этнополитического радикализма местного населения.³ Очевидно, что за формулировками о «фанатизме» скрывался вполне рациональный страх британского руководства перед повторением катастрофического сценария Первой англо-афганской войны (1839–1842 гг.). Кабинет министров стремился навязать Афганистану классическую модель колониального резидентства, опробованную в индийских княжествах, где британские резиденты полностью контролировали ключевые административные функции, оставляя местным династиям лишь номинальный статус.

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 12.

² Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 19.

³ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 22.

Граф Нортбрук, понимая степень взрывоопасности таких шагов, в донесении от 7 июня 1875 года соглашался с целесообразностью мониторинга туркестанской границы, но указывал на неблагоприятный политический момент для прямого давления на Шир-Али-хана. В качестве альтернативы вице-король предлагал усилить сбор разведывательных данных через консульские каналы в Персии.¹ Схожую алармистскую линию проводил и сэр Генри Роулинсон в своей программной монографии «Англия и Россия на Востоке», где моделировал гипотетический поход 50-тысячной персидской армии под руководством российских инструкторов через Герат на Индостан, требуя от Кабинета превентивной оккупации Кандагара и Герата.²

Ввиду пассивности Нортбрука, лорд Солсбери 19 ноября 1875 года направил в Калькутту повторную жесткую директиву, требуя принудить эмира к приему резидентов под угрозой полной утраты им политической независимости. Несогласие Нортбрука с форсированием силовой Forward Policy привело к его отставке. 12 апреля 1876 года новым вице-королем Индии стал радикальный сторонник наступательных действий лорд Литтон. Уже через две недели он направил Шир-Али-хану ультимативное извещение о направлении в Кабул официальной британской миссии во главе со специальным уполномоченным сэром Льюисом Пелли (при участии доктора Х. Беллью и майора О. Сент-Джона) под формальным предлогом уведомления о смене главы колониальной администрации.³

Шир-Али-хан, сохраняя дипломатическую вежливость, категорически отказал миссии в праве на въезд, предложив в качестве альтернативы направить собственного доверенного переговорщика на нейтральную территорию.⁴ Соответствующие инструкции были переданы также

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 12.

² Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question... - Vol. 2. - P. 154.

³ Там же: С.154.

⁴ Раскольников, Ф. Ф. Россия и Афганистан / Ф. Ф. Раскольников // Новый Восток. - 1923. - № 4. - С. 30.

находившемся в Кабуле мусульманскому агенту-резиденту Великобритании (*Vakeel*) Атта Мухаммад-хану.¹

В октябре 1876 года в ходе личной аудиенции у вице-короля Атта Мухаммад-хан детально изложил комплекс причин, обусловивших жесткую позицию эмира и консолидацию афганской элиты на антибританской платформе:

- Систематическое проявление имперского диктата и игнорирование традиционного дипломатического этикета британскими представителями;
- Оккупация Белуджистана и ввод британских войск в Кветту, создавшие непосредственную угрозу южным рубежам Афганистана;
- Категорический отказ Калькутты зафиксировать в договоре равноправные оборонительные обязательства;
- Скрытая поддержка британской администрацией сепаратистского мятежа Якуб-хана в Герате.

Таким образом, к концу 1876 года англо-афганские отношения подошли к критической черте, за которой переход к открытому вооруженному столкновению становился неизбежным.

Новый вице-король Индии лорд Литтон перешел к открытому давлению на Кабул, используя инструментарий принудительной дипломатии (*coercive diplomacy*). Отказываясь от компромиссов, он прямо заявлял, что британская администрация обладает достаточными ресурсами для силовой ликвидации афганской государственности. В своей известной метафоре Литтон уподоблял Афганистан «глиняному горшку между двумя железными горшками [великими державами]», подчеркивая, что в случае лояльности эмира британская военная мощь станет для него «железным кольцом защиты», но при малейшем противодействии «сломит его, как тростник».²

¹ Россия и Англия в Афганистане : (историко-дипломатический очерк) // Русская старина. - 1902. - Т. 110, № 6. - С. 680.

² Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 30–32.

Стремясь институционализировать контроль над внешнеполитическим курсом эмирата, вице-король сочетал угрозы с предложениями военно-политических преференций. Через мусульманского агента-резидента (*вакиля*) Атта Мухаммад-хана эмиру Шир-Али-хану было передано компромиссное предложение: Калькутта выражала готовность заключить новый оборонительный союз, гарантировать субсидии и поставки вооружения, но исключительно в обмен на признание Кабулом права Великобритании разместить постоянные европейские миссии в Герате и других ключевых пунктах границы.¹

Параллельно с дипломатическим давлением англо-индийские власти приступили к форсированному созданию военных плацдармов на южных и северных подступах к Афганистану, де-факто реализуя стратегию его оперативного окружения. Основным вектором экспансии на юго-западе стало Калатское ханство (Белуджистан). Политический агент майор Р. Сандеман, умело используя междоусобные противоречия между ханом Мир Худодадом и белуджскими сардорами, навязал правителю подписание нового договора (декабрь 1876 г.). Согласно этому документу, стратегически важный пункт Кветта, запиравший Боланский проход и находившийся в непосредственной близости от афганского Кандагара, переходил под фактический протекторат и военный контроль Великобритании.

В донесении королеве Виктории от 15 октября 1876 года лорд Литтон с удовлетворением констатировал, что условия соглашения превращают британские власти в «действительных хозяев Калата».² Уже 2 ноября 1876 года британские экспедиционные силы заняли Кветту. Одновременно, путем учреждения в том же году Гилгитского агентства на севере Кашмира, англо-индийская администрация перекрыла горные проходы к Памиру, завершив оперативно-тактический охват афганских рубежей. Из соображений геополитической целесообразности вице-король предпочел временно

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 32.

² Там же: С.35

сохранить статьи Калатского договора в секрете, назначив майора Р. Сандемана руководителем новообразованного Агентства Белуджистан.¹

Агрессивное сужение буферной зоны и демонстративные военные приготовления Калькутты вынудили Шир-Али-хана созвать эмирский дурбан (высший совет афганской знати). Несмотря на консолидированное решение совета отвергнуть британские требования о размещении резидентов, эмир, стремясь избежать немедленного вооруженного столкновения, согласился на предложение Литтона начать двусторонние переговоры на нейтральной территории — в Пешаваре. Для ведения диалога в Индию был направлен первый министр Сеид Нур Мухаммад-шах.

Пешаварская конференция, открывшаяся 30 января 1877 года, изначально рассматривалась британской стороной как механизм фиксации капитуляции Кабула перед требованиями Forward Policy. Британскую делегацию возглавил специальный уполномоченный сэр Льюис Пелли.

• Позиция афганской стороны: В конфиденциальных беседах с секретарем британской миссии доктором Х. Беллью Сеид Нур Мухаммад-шах аргументированно доказывал, что требование о допуске европейских офицеров воспринимается афганским обществом и правящей элитой как прямая ликвидация независимости. Он констатировал: «Допустить пребывание британских офицеров в его стране — значит подорвать собственную власть... Британская нация велика и могущественна... но афганцы независимы и ценят свою честь выше жизни».² Посланник проявил дипломатическую стойкость, категорически отказавшись признать этот пункт предметом компромисса.

• Реакция Калькутты: Ввиду бескомпромиссности афганского дипломата лорд Литтон в письме от 8 марта 1877 года занял подчеркнуто индифферентную позицию, заявив, что если Шир-Али-хан отвергает

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 30–32.

² Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question: From the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878, and to the Second Afghan War / by the Duke of Argyll. - London: Strahan & Co., 1879. - Vol. 2. - P. 230.

британское покровительство, то Великобритания «не намерена навязывать свой союз тем, кто его не ищет и не ценит».¹

•Срыв переговоров (конец марта 1877 г.): Тяжелая болезнь и последующая кончина Сеид Нур Мухаммад-шаха (27 марта) были использованы Литтоном как юридический предлог для одностороннего прекращения конференции. Стремясь спасти диалог, Шир-Али-хан незамедлительно направил на границу новую делегацию во главе с кази Хабибуллой Ханом, наделенным, по свидетельству более поздних либеральных критиков кабинета (в частности, герцога Аргайла), широкими полномочиями для достижения компромисса.² Однако 30 марта Л. Пелли получил прямую телеграмму вице-короля с приказом не вступать в контакты с новым посланником и объявить конференцию закрытой, что было сделано в резкой форме, нарушавшей нормы дипломатического этикета.³

Дипломатическая гибкость Шир-Али-хана на финальном этапе Пешаварской встречи — от жесткого неприятия резидентов до попыток возобновить диалог — объяснялась резким изменением международной конъюнктуры весной 1877 года. Накануне Русско-турецкой войны эмир стремился выиграть время для интенсификации переписки с Туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом, рассчитывая обрести в лице Санкт-Петербурга геополитический противовес британскому давлению.

Ответственность за провал Пешаварского транзита целиком лежала на англо-индийской администрации, взявшей курс на силовое решение «афганского вопроса». Чтобы легитимизировать срыв переговоров в глазах британского парламента, лорд Литтон инициировал широкую пропагандистскую кампанию, обвинив Шир-Али-хана в тайной враждебности и подготовке джихада. В своих официальных отчетах вице-король утверждал, что эмир сознательно дезинформировал подданных о британской угрозе,

¹ Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question: From the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878, and to the Second Afghan War / by the Duke of Argyll. - London: Strahan & Co., 1879. - Vol. 2. - P. 230.

² См.: Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question... - Vol. 2. - P. 238–240.

³ Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question: From the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878, and to the Second Afghan War / by the Duke of Argyll. - London: Strahan & Co., 1879. - Vol. 2. - P. 230.

провоцировал приграничные племена на набеги и вел подрывную деятельность среди мусульманского населения самой Британской Индии, что делало войну, с точки зрения Форин-офиса, неизбежной.¹

Форсированное продвижение англо-индийской администрации к рубежам Калатского ханства и инкорпорация Кветты рассматривались в Кабуле как прямая экзистенциальная угроза. Лорд Литтон констатировал системный характер возникших противоречий, отмечая в официальной переписке, что «единственным предлогом, выдвинутым [эмиром] в оправдание своего поведения, является то, что его высочество считает недавнее размещение британского гарнизона в Кветте наносящим ущерб его отношениям с Келатским ханством и косвенной угрозой ему самому».² Фактически вице-король признавал, что триггером нового витка напряженности послужил переход Калькутты к активным трансграничным действиям.

Вслед за срывом Пешаварских переговоров Калькутта перешла к мерам экономического и военно-политического давления, введя эмбарго на транзит оружия в Афганистан через территорию Индии. Одновременно англо-индийские власти активизировали действия по зачистке и картографированию пограничной полосы. В марте 1877 года началась концентрация войск на афганском пограничье, а осенью была развернута масштабная карательная экспедиция против пуштунского клана джоваки (племенная группа афридиев). Данная операция, затянувшаяся на девять месяцев, завершилась полной оккупацией их земель, что позволило Литтону рапортовать в Лондон: «Теперь, по крайней мере, территория Джоваки находится под нашим надзором. Засняты на карту все пункты от края до края».³

Продвижение регулярных британских частей вызывало ожесточенное сопротивление независимых пуштунских племен («патанов»). В своих

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 42–43.

² Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 157.

³ Шеманский, А. В. Наша граница в Средней Азии. Кн. 1: Афганистан / А. В. Шеманский. - Ташкент : Тип. Штаба Туркест. воен. окр., 1911. - С. 36.

обращениях к эмиру вожди кланов указывали на перманентный захват их земель и возведение британских фортов, заявляя о непризнании юрисдикции колониальных чиновников и запрашивая у Кабула материальную и военную помощь.¹ Стремясь консолидировать антибританские силы, Шир-Али-хан апеллировал к идее религиозной солидарности (*джихада*), инициировав контакты с авторитетным суфийским лидером — ахундом Свата, а также с вождями приграничных кланов, формально получавших субсидии от Калькутты. В ответ англо-индийская администрация официально уведомила племенную элиту о жестких санкциях в случае любой формы содействия антибританским акциям.²

Вместе с тем руководство Калькутты было убеждено в стратегической слабости Кабула. В письме к заместителю комиссара в Пешаваре майору Л. Каваньяри вице-король подчеркивал: «Я думаю, что нескольких месяцев, а возможно и нескольких недель хватит на то, чтобы показать ему [Шир-Али-хану], что он недостаточно силен, чтобы успешно вести эту игру. Я уверен, что мы никогда не допустим, чтобы Афганистан попал в руки какой-нибудь другой державы. Мы можем обойтись без Шир-Али, но он не может обойтись без нас. В недалеком будущем он должен либо потерпеть полное крушение, либо вернуться к своим старым мертвым якорям в Пешаваре».³

Переход к открытым военным действиям против Афганистана в 1877 году был временно отложен Кабинетом министров Великобритании ввиду резкой эскалации Восточного кризиса на Балканах. Тем не менее в Калькутте продолжалась интенсивная концептуальная разработка планов реструктуризации Средневосточного региона. В письме от 8 апреля 1878 года к новому государственному секретарю по делам Индии лорду Крэнбруку лорд Литтон детально обосновывал необходимость ликвидации единого

¹ Шеманский, А. В. Наша граница в Средней Азии. Кн. 1: Афганистан / А. В. Шеманский. - Ташкент : Тип. Штаба Туркест. воен. окр., 1911. - С. 36.

² Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 159.

³ Там же: С.162.

афганского буфера, квалифицируя любые оборонительные меры эмира как «проявление враждебности».¹

Вице-король сформулировал циничную, но геополитически завершенную доктрину разделения Афганистана, зафиксированную в его личном архиве.

Литтон утверждал: «Политика создания в Афганистане сильного и независимого государства, над которым мы не можем осуществлять совершенно никакого контроля, является... ошибкой».² Параллельно велись успешные переговоры с магараджой Кашмира, результатом которых стало учреждение в 1877 году Гилгитского агентства во главе с майором Дж. Биддалфом и прокладка телеграфной линии Сринагар — Гилгит.³ Следующим шагом Литтон планировал аннексию или установление контроля над племенами Кафиристана, аргументируя это необходимостью превентивного закрытия перевалов Гиндукуша от гипотетического проникновения Российской или Китайской империй со стороны Кашгара.⁴

Планы Калькутты синхронизировались с глобальной антироссийской стратегией премьер-министра Б. Дизраэли (лорда Биконсфилда). Летом 1877 года, на фоне успехов русской армии на Балканах, Дизраэли представил королеве Виктории радикальный план перенесения театра военных действий в Азию с целью подрыва позиций Санкт-Петербурга в Туркестане: «Россия должна быть атакована в Азии, войска должны быть посланы через Персидский залив, и императрица Великобритании и Индии должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от москвитов и сбросить их в Каспийское море».⁵

В рамках этой стратегии англо-индийская армия развернула демонстративную концентрацию 30-тысячной группировки на афганской

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 243-245.

² Там же: С.255.

³ Там же: С.185.

⁴ Там же: С.185.

⁵ Внешняя политика Англии и Среднеазиатский вопрос // Русский вестник. - 1879. - Т. 142, № 7. - С. 290.; Seton-Watson, R. W. Britain in Europe, 1789-1914: A Survey of Foreign Policy / by R. W. Seton-Watson. - Cambridge: Cambridge University Press, 1937. - P. 527.

границе, о чем открыто сообщал полуофициальный орган администрации газета «Пайонир» (*The Pioneer*).¹ Данное военное давление на Среднем Востоке использовалось Лондоном как рычаг для принуждения России к уступкам при пересмотре Сан-Стефанского мирного договора.

Реакцией Санкт-Петербурга на британские угрозы стало выдвижение демонстративных отрядов к границам Бухары и отправка в Кабул военно-дипломатической миссии генерал-майора Н. Г. Столетова. Однако этот шаг потерял первоначальную остроту ввиду завершения работы Берлинского конгресса (13 июля 1878 года), где стороны достигли временного компромисса. Карл Маркс справедливо указывал на вынужденный характер последующих шагов российской дипломатии, оказавшейся в изоляции.²

В новых условиях Санкт-Петербург стремился не допустить прямой конфронтации. Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман направил Н. Г. Столетову оперативное предписание, предписывающее в ходе переговоров строго придерживаться решений Берлинского конгресса и избегать заключения обязывающих военных союзов с Кабулом.³ Данная директива была получена главой миссии незадолго до его торжественного въезда в афганскую столицу и официальной аудиенции у эмира Шир-Али-хана 10 (22) августа 1878 года.⁴ Тем не менее сам факт пребывания русской миссии в Кабуле был использован лордом Литтоном как долгожданный легитимный предлог для развязывания вооруженного вторжения с целью реализации планов по расчленению Афганистана.

Завершение Берлинского конгресса лишь временно снизило остроту англо-русских противоречий в Европе, переведя их в плоскость регионального противостояния на Среднем Востоке. Сам факт пребывания в Кабуле российской миссии генерал-майора Н.Г. Столетова был интерпретирован

¹ Внешняя политика Англии и Среднеазиатский вопрос // Русский вестник. - 1879. - Т. 142, № 7. - С. 178.

² См.: Маркс, К. Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. - 2-е изд. - М. : Политиздат, 1962. - Т. 22. - С. 502.

³ Россия и Англия в Афганистане : (историко-дипломатический очерк) // Русская старина. - 1902. - Т. 110, № 6. - С. 683.

⁴ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 246–247.

Калькуттой как нарушение статус-кво и послужил легитимным предлогом для перехода к силовой фазе *Forward Policy*.

В сентябре 1878 года англо-индийские власти сформировали чрезвычайную военно-дипломатическую миссию под руководством генерал-майора Н. Б. Чемберлена. В состав делегации вошли майор Л. Каваньяри, майор О. Сент-Джон, капитан С. Хэммик и кази Сейид Ахмад. Сопровождение миссии обеспечивал конный конвой из 250 сабель под командованием подполковника Ф. Дженкинса. Превентивно в Кабул был направлен мусульманский эmissар наваб Гулам Хусейн-хан, прибывший в афганскую столицу 10 сентября и принятый эмиром Шир-Али-ханом 12 сентября.¹

Гулам Хусейн-хан доставил эмиру официальный меморандум лорда Литтона, содержащий перечень дипломатических претензий Калькутты. Главным пунктом обвинения являлся асимметричный характер приема внешнеполитических миссий: комплиментарный характер контактов с Санкт-Петербургом противопоставлялся фактическому отказу Кабула в размещении британских офицеров. Эмиссару предписывалось занять бескомпромиссную позицию, дав понять афганской стороне, что в случае отказа удовлетворить требования Великобритании, англо-индийская армия оккупирует Курамскую долину и займет Кандагар.²

В это же время афганский правитель находился в состоянии глубокого психологического кризиса, вызванного кончиной его младшего сына и официального наследника престола Абдуллы Джана (август 1878 г.). В ответном заявлении, переданном через Гулам Хусейн-хана, Шир-Али-хан апеллировал к нормам дипломатического этикета и просил об отсрочке: «После кончины сына я пребываю в горе и печали. Вы должны соблюдать приличие во время траура... С моего разрешения сюда прибыл представитель России. В настоящее время сам посол, генерал Столетов, выехал обратно на

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880 : Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London : Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 157–158.

² Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876–1880: Compiled from Letters and Official Papers / by Lady Betty Balfour. - London: Longmans, Green, and Co., 1899. - P. 157–158.

родину, а остальные члены посольства также уедут, как только пройдут зимние холода... Поскольку Вы силой заставляете меня принять Вашего представителя, я не могу этого допустить. Пусть пройдет некоторое время, разрядится создавшаяся обстановка, тогда я сам приглашу его».¹

Не дожидаясь официальных результатов демарша своего эmissара, британские уполномоченные в Пешаваре 16 сентября выдвинули Кабулу ультимативное предупреждение, декларируя неизменность сроков отправки миссии Н. Чемберлена и квалифицируя любую попытку воспрепятствовать ее проезду как открытый враждебный акт.²

Получив известие о блокировании миссии в Али-Масджиде, лорд Литтон обратился к кабинету Б. Дизраэли с требованием санкционировать комплекс незамедлительных репрессивных мер: публикацию антиафганского меморандума, оккупацию Хайберского прохода до Дакки и постоянный ввод войск в Курамскую долину.³ Правительство в Лондоне, стремясь соблюсти международно-правовые формальности, настояло на отправке финального ультиматума, предоставив эмиру срок для ответа до 20 ноября 1878 года.⁴ Британский кабинет требовал официальных письменных извинений за Хайберский инцидент, безоговорочного согласия на постоянную британскую резиденцию и признания независимости приграничных племен, содействовавших англичанам.⁵

Считая требования Калькутты неприемлемыми, Шир-Али-хан сделал ставку на оборонительную войну и активизировал контакты с оставшейся в Кабуле частью российской миссии во главе с генерал-майором Л.Н. Разгоновым, выражая готовность вести затяжное партизанское сопротивление в горах в расчете на военную помощь Туркестанского генерал-

¹ Россия и Англия в Афганистане : (историко-дипломатический очерк) // Русская старина. - 1902. - Т. 110, № 6. - С. 685.

² Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 162.

³ Там же: С.165-167.

⁴ См.: Рэй, Х. Первая и Вторая англо-афганские войны и их влияние на пограничную политику Индии / Х. Рэй. - М. : Изд-во вост. лит., 1960. - С. 112.

⁵ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 170.

губернаторства.¹ Однако Санкт-Петербург, скованный решениями Берлинского конгресса, уклонился от прямой военной конвенции, ограничившись дипломатическими демаршами через графа П. А. Шувалова в Лондоне.² По прямому указанию императора Александра II генерал-губернатор К. П. фон Кауфман 22 октября 1878 года направил эмиру рекомендацию «дать англичанам ветвь мира» и согласиться на компромисс.³

Следуя данному совету, Кабул направил в Калькутту примирительное послание, в котором выражал готовность принять временное британское посольство ограниченной численности (по аналогии с российским).⁴ Тем не менее 5 ноября Литтон получил из Лондона директиву о начале военных действий, и в тот же день британские колонны получили приказ о переходе границы.⁵

21 ноября 1878 года 35-тысячная англо-индийская армия начала концентрическое наступление на Афганистан по трем стратегическим операционным направлениям: Хайберскому (на Джалалабад), Курамскому (на Газни) и Кандагарскому. Быстрое падение форта Али-Масджид и прорыв фронта вынудили Шир-Али-хана пойти на крайние меры: 28 ноября он объявил о передаче оперативного управления своему освобожденному из заключения сыну Мухаммеду Якуб-хану, а сам 1 декабря покинул столицу, направившись на север, в Мазари-Шариф, с целью последующего выезда в Санкт-Петербург для личной аудиенции у императора. Российское правительство, опасаясь масштабного дипломатического разрыва с Великобританией, предписало К. П. фон Кауфману остановить эмира на границе и убедить его вернуться к мирным переговорам.⁶ Находясь в Мазари-Шарифе и будучи тяжело больным, Шир-Али-хан воспринял отказ Санкт-Петербурга от прямой поддержки как геополитическую катастрофу. 9 февраля

¹Россия и Англия в Афганистане... // Русская старина. - 1902. - Т. 110, № 6. - С. 687.

² Милютин, Д. А. Дневник Д. А. Милютина, 1878–1880 / Д. А. Милютин ; под ред. П. А. Зайончковского. - М. : Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1950. - Т. 3. - С. 84. (

³ Россия и Англия в Афганистане... // Русская старина. - 1902. - Т. 110, № 6. - С. 690.

⁴ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 174.

⁵ Там же: -С. 176.

⁶ Россия и Англия в Афганистане... // Русская старина. - 1902. - Т. 110, № 6. - С. 693.

1879 года эмир скончался, что окончательно дезорганизовало вертикаль власти в Афганистане.

Основные статьи Гандамакского мирного договора (26 мая 1879 г.)
Утрата внешнеполитического суверенитета: Обязательство Кабула согласовывать все внешние контакты с вице-королем Индии.
Институциональный контроль: Безоговорочное размещение постоянного британского резидента (майора Л. Каваньяри) в Кабуле.
Территориальные уступки: Отторжение в пользу Британской Индии стратегических округов Пишин, Сиби, Курам, а также контроля над Хайберским и Пейвар-Котальским перевалами.

Подписание договора сердаром Якуб-ханом вызвало радикальное отторжение пуштунских племен и городской элиты. Считая Гандамакский мир актом национальной капитуляции, повстанцы и восставшие полки регулярной армии 3 сентября 1879 года штурмовали британскую резиденцию в Кабуле, ликвидировав майора Л. Каваньяри и весь его конвой.¹ Данный инцидент привел к краху Гандамакской системы и спровоцировал вторую фазу британской интервенции под руководством генерала Ф. Робертса, сопровождавшуюся жестким оккупационным террором и введением военного положения в Кабуле.²

К началу 1880 года затяжная партизанская война истощила ресурсы англо-индийских экспедиционных сил. В этих условиях Санкт-Петербург санкционировал возвращение из туркестанской эмиграции племянника Шир-Али-хана — сердара Абдуррахман-хана, который быстро консолидировал вокруг себя национально-освободительное движение в Бадахшане и двинулся на Кабул.³

Лорд Литтон, осознавая невозможность удержания контроля силами одной лишь военной группировки, форсировал вступление в переговоры с

¹ См.: Риштия, С. К. Афганистан в XIX веке : историко-дипломатический очерк / С. К. Риштия ; пер. с пушту. - М. : Изд-во вост. лит., 1958. - С. 214–216.

² Вторая англо-афганская война 1878–1880 гг. и карательная стратегия генерала Робертса // Военно-исторический сборник. - Ташкент, 1914. - Вып. 4. - С. 45.

³ См.: Халфин, Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX - начало XX в.) / Н. А. Халфин. - М. : Соцэкгиз, 1959. - С. 142.

Абдуррахманом через дипломатического агента Л. Гриффина с целью предложить ему кабульский престол на британских условиях до момента полной мобилизации его сил.¹ Проявив незаурядную дипломатическую гибкость, Абдуррахман-хан сумел возглавить страну, пойдя на вынужденный компромисс с Калькуттой. Он признал ключевые внешнеполитические ограничения Гандамакского договора (включая отказ от самостоятельной дипломатии), но добился вывода британских войск и отказа от размещения европейских резидентов во внутренних городах страны, что позволило ему приступить к жесткой централизации афганского государства.²

В заключение отметим, что комплексный анализ военно-дипломатического противостояния на Среднем Востоке во второй половине 1870-х годов, кульминацией которого стала Вторая англо-афганская война (1878–1881 гг.), позволяет сформулировать следующие научно-теоретические и фактологические выводы: смена кабинета министров в Лондоне и назначение лорда Литтона вице-королем Индии ознаменовали окончательный отказ Великобритании от консервативной стратегии «блестящей изоляции» и политики «непредоставления обязательств» (*Masterly Inactivity*). Ей на смену пришла наступательная доктрина «передового рубежа» (*Forward Policy*), конечной целью которой являлся демонтаж традиционного буферного статуса Афганистана, ликвидация его внешнеполитического суверенитета и превращение эмирата в подконтрольный плацдарм для сдерживания Российской империи в Центральной Азии. Изученные документы из личного архива лорда Литтона и материалы Пешаварской конференции (1877 г.) убедительно доказывают, что англо-индийская администрация изначально не была нацелена на достижение паритетного компромисса с Кабулом. Требование о размещении постоянных европейских резидентов в ключевых

¹ Balfour, B. The History of Lord Lytton's Indian Administration... - P. 290–293.

² Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана : в 2 т. / пер. с англ. М. А. Пленкина. - СПб. : Изд. В. Березовского, 1901. - Т. 1. - С. 310–312.; Argyll, George Campbell, Duke of. The Eastern Question: From the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878, and to the Second Afghan War / by the Duke of Argyll. - London: Strahan & Co., 1879. - Vol. 2. - P. 415.

афганских центрах (Герат, Кандагар) использовалось как инструмент политического диктата. Геополитическое моделирование вице-короля, предполагавшее расчленение Афганистана и создание марионеточного *Западного Афганского ханства*, демонстрирует, что силовой сценарий и ликвидация единого государства рассматривались в Калькутте как приоритетный и наиболее выгодный исход кризиса.

2.3. Провал английских агрессивных планов в Средней Азии в период русско-афганского разграничения в 80-х годах XIX в.

В последней четверти XIX века ведущие европейские державы вступили в фазу обостренной империалистической конкуренции, характеризовавшейся интенсификацией борьбы за передел сфер влияния на глобальном уровне. С приходом к власти в Великобритании консервативного кабинета Б. Дизраэли (1874–1880 гг.) экспансионистский курс на азиатском и африканском направлениях приобрел системный характер. В период с 1874 по 1882 год Лондон существенно укрепил свои стратегические позиции: был установлен протекторат над султанатами Малайи, аннексирован Белуджистан (Кветта), развязаны англо-зулусская и англо-бурская (против Трансвааля) войны. В рамках Гандамакских соглашений Великобритания установила частичный контроль над внешней политикой Афганистана, а в 1882 году осуществила оккупацию Египта, создав плацдарм для продвижения в бассейн Верхнего Нила (Судан).¹

Синхронно с британской экспансией шло поступательное расширение геополитического присутствия Российской империи в Центральной Азии. После завершения Ахал-текинских экспедиций (1880–1881 гг.), увенчавшихся взятием геополитически важной крепости Геок-Тепе и занятием Асхабада, под контроль российских властей перешел весь Ахалтекинский оазис.² Это вывело

¹ См.: Ротштейн, Ф. А. Захват и кабала Египта / Ф. А. Ротштейн. - М. : Изд-во вост. лит., 1959. - С. 142–148 ; Халфин, Н. А. Создание буферного государства Афганистан // Создание системы буферных государств в Азии. - М., 1962. - С. 89.

² Куропаткин, А. Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг.) : с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. / А. Н. Куропаткин. - СПб. : Тип. Э. Гоппе, 1899. - С. 210–214.

Закаспийскую область на непосредственные рубежи Мервского оазиса — стратегического узла, пересекавшего ключевые транзитные пути к афганской границе и Герату.

Положение туркменского населения Мерва в начале 1880-х годов осложнялось глубоким кризисом традиционной племенной политической системы и постоянной угрозой со стороны сопредельных государств — Каджарского Ирана и Афганского эмирата. В условиях внутриэлитного раскола среди мервских ханов и старшин (глав родов текинцев) наметилась тенденция к поиску внешнеполитического покровительства. Осознав ограниченность возможностей Великобритании, чьи агенты (в частности, Ч. Марвин и Э. О'Донован) пытались активизировать антироссийские настроения, но не могли предложить реальных военных гарантий, значительная часть мервской аристократии склонилась к признанию российского суверенитета. В официальном обращении мервских старшин, направленном в Асхабад на имя начальника Закаспийской области, констатировалось: «...туркмены окончательно убедились, что они ни с кем не сойдутся, как только с русскими... Просим Вас, чтобы русское начальство в Асхабаде прислало в Мерв в этом месяце Рамазане трех или четырех влиятельных чинов и человек десять ахалтекинцев — поверьте, мервцы примут русское подданство. Скажем Вам по секрету, что они страстно хотят этого...».¹

Дипломатическое оформление инкорпорации региона началось в сентябре 1881 года, когда из Мерва в Асхабад прибыли две представительные делегации, выражавшие интересы различных родоплеменных групп. В ходе переговоров с российской администрацией стороны подписали предварительное соглашение, нормативные положения которого определили контуры будущего договора о вхождении Мерва в состав Российской империи. Согласно документу, представители туркменских родов принимали

¹ Дело № 1 Гражданского отделения штаба Закаспийской области 1881–1883 гг. //Семенов, А. А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885) / А. А. Семенов. - Ташкент: Электропаровая тип. штаба Туркест. воен. окр., 1909. - С. 16.

на себя следующие обязательства: Отказ от военных действий: Обязательство никогда и ни под каким предлогом не поднимать оружия против Российской империи и признавать административный авторитет уполномоченных российских лиц.

- Стабилизация приграничного режима: Обязательство навсегда прекратить практику набеговой системы (*аламан*) и грабежи торговых караванов как на внутренних путях, так и в отношении населения сопредельных государств.

- Ликвидация работорговли: Безоговорочное и окончательное прекращение торговли невольниками на территории оазиса.

- Дипломатическая изоляция: Обязательство не допускать присутствия иностранных политических агентов и эмиссаров третьих государств, за исключением официальных представителей Российской империи.¹

Заключение данного соглашения создало международно-правовую и оперативную основу для последующего (в 1884 году) окончательного и мирного принятия мервскими текинцами российского подданства, что вызвало острый дипломатический кризис в отношениях между Санкт-Петербургом и Лондоном.

После подписания предварительного соглашения 1881 года перед российским правительством встал комплекс задач по административно-территориальному устройству Закаспийской области. В качестве крайнего восточного пункта новой линии разграничения был определен Баба-Дурмаз, после чего дипломатическое ведомство перешло к юридическому оформлению границы с Каджарским Ираном. Данный вопрос находился на повестке дня с момента занятия Красноводска в 1869 году.² Результатом многолетних переговоров стало подписание 9 декабря 1881 года Тегеранской

¹ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией (1872–1885) : Сборник дипломатических документов. - СПб. : Тип. М-ва иностранных дел, 1886. - Ч. 1. - С. 19.

² См.: Халфин, Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.) / Н. А. Халфин. - М. : Наука, 1965. - С. 118.

(Ахалской) конвенции, которая зафиксировала прохождение границы по реке Атрек и хребтам Копетдага.¹

Установление четкой российско-иранской границы и продвижение России вглубь туркменских земель вызвали серьезную озабоченность Форин-офиса и англо-индийских властей. В британском геополитическом планировании традиционно доминировало стремление ограничить российскую экспансию путем создания буферных зон под протекторатом Калькутты. С этой целью британские представители рассматривали проекты включения приграничных туркменских территорий в состав Афганского эмирата (в качестве придатков Гератской провинции), планируя сформировать зависимое квазигосударственное образование по аналогии с Белуджиستانом.

В рамках этой стратегии Великобритания активизировала агентурную деятельность в регионе. В начале 1881 года в Мерв под прикрытием корреспондента газеты *The Daily News* прибыл британский эмиссар Э. О'Донован. Первоначально он базировался в пограничном с Закаспийской областью курдском ханстве Дарагаз, предпринимая попытки проникнуть в Геок-Тепе. Несмотря на демарши российских властей, побудившие Тегеран формально запретить О'Доновану въезд в Туркмению, в феврале 1881 года он нелегально прибыл в Мерв. Позиционируя себя как официального представителя Великобритании, О'Донован обещал лидерам мервских текинцев масштабную финансовую и военную помощь в случае их вооруженного выступления против российских войск.²

Параллельно Лондон предпринял попытку прямого дипломатического вмешательства в русско-иранское разграничение. 20 января 1882 года министр иностранных дел Великобритании лорд Гренвилл заявил российскому послу в Лондоне князю А. Б. Лобанову-Ростовскому, что текущий уровень двусторонних отношений благоприятствует превентивному урегулированию

¹ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией (1872–1885) : Сборник дипломатических документов. - СПб. : Тип. М-ва иностранных дел, 1886. - Ч. 1. - С. 14.

² См.: Семенов, А. А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885) / А. А. Семенов. - Ташкент: Электропаровая тип. штаба Туркест. воен. окр., 1909. - С. 6.[4]

потенциальных территориальных споров. Гренвилл подчеркнул необходимость дополнить соглашение 1872–1873 годов новым пактом, который бы стабилизировал общественное мнение в Великобритании, встревоженное успехами российского оружия в Центральной Азии. Британская сторона предложила включить в повестку трехсторонних переговоров (с участием Ирана) вопрос о северо-восточной границе в районе реки Герируд.¹ В ходе последующих раундов переговоров Гренвилл констатировал: «...Последние территориальные приобретения России вызвали тревогу эмира афганского и озаботили индийское правительство. Они могли побудить эмира потребовать увеличения получаемой им от Англии субсидии с тем, чтобы дать ему возможность принять меры...».²

Британский проект предполагал передачу Ирану обширных туркменских территорий между Баба-Дурмазом, Сарахсом и побережьем реки Теджен. Предполагалось, что шахское правительство возведет там оборонительные форты для сдерживания туркменских набегов.³ Однако российские аналитики справедливо указывали, что слабая в военном отношении Персия не сможет контролировать эти земли, что превратит регион в очаг перманентных пограничных конфликтов, которые Великобритания использует для расширения своего влияния в Хорасане. Ввиду этого Санкт-Петербург уклонился от данного формата переговоров, но, стремясь избежать открытого кризиса, предложил Лондону приступить к демаркации северо-западной границы Афганистана на основе принципов 1872–1873 годов. В 1882 году российская сторона представила проект, предусматривавший точное определение линии от Ходжа-Салеха на Амударье на запад до Сарахса на Герируде, предложив положить в основу разграничения естественно-географические и этнографические признаки с целью максимального объединения туркменских племен в рамках одной администрации.⁴

¹ Афганское разграничение... - Ч. 1. - С. 14.

^{2 2} См.: Семенов, А. А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885) / А. А. Семенов. - Ташкент: Электропаровая тип. штаба Туркест. воен. окр., 1909. - С. 6.

³ Там же: С. 14.

⁴ Там же: С. 14.

Открывшиеся в Лондоне в 1882 году предварительные переговоры не привели к немедленному результату, поскольку Форин-офис стремился затянуть процесс точной демаркации.¹ В этот же период обострился спор вокруг Памира. Российское правительство направило в Лондон ноту, указывая, что ханства Шугнан и Рушан, граничащие с Ферганской областью, исторически обладали автономией, тяготели к Бухарскому эмирату и, согласно пакту 1873 года, не подлежали включению в состав Афганистана.² Британская сторона в ответ предложила «произвести расследование на месте», преследуя цель отложить деокупацию данных территорий афганскими войсками и использовать Бадахшан как стратегический плацдарм для давления на русские рубежи. Тем не менее Санкт-Петербург выразил принципиальное согласие на создание смешанной англо-русской комиссии.

На фоне дипломатических маневров в Европе Великобритания продолжала использовать методы скрытого присутствия в туркменских оазисах. Летом 1883 года в 25 километрах от Мерва зафиксировано появление религиозно-политического эmissара, известного как Сиях-Пуш («Черноризец»), который скрывал свое подлинное подданство. По мере консолидации вокруг себя радикальной части племенной верхушки, Сиях-Пуш перешел к открытой антирусской пропаганде, гарантируя туркменам субсидии и оружие от британского правительства в случае войны.³ По архивным свидетельствам, с целью дестабилизации региона Сиях-Пуш инициировал серию разбойных нападений на приграничные иранские селения, стремясь спровоцировать внешнее вмешательство и дискредитировать российскую политику безопасности.⁴

В ответ на эти вызовы российское командование предприняло решительные контрмеры. В декабре 1883 года к переправе Кары-Бенд на реке Теджен был выдвинут отряд полковника Муратова. Из этого пункта в Мерв

¹ Там же: С.18-20.

² Афганское разграничение... - Ч. 1. - С. 29.

³ Тихомиров, М. Н. Присоединение Мерва к России / М. Н. Тихомиров. - М. : Изд-во вост. лит., 1960. - С. 106.

⁴ Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 70.

прибыл подполковник М. Алиханов-Аварский с ультимативным требованием к местным ханам немедленно освободить персидских пленных и вернуть имущество, угнанное из Хорасана. Данный шаг демонстрировал Ирану строгое выполнение Россией обязательств по обеспечению безопасности границ Закаспийской области.¹

Одновременно М. Алиханов-Аварский провел успешные конфиденциальные переговоры с авторитетной правительницей Мерва Гюльджамал-хан и старшинами ведущих текинских родов, убедив их в безальтернативности признания российского суверенитета перед лицом угрозы междоусобиц и внешнего поглощения. Собрание (*кенеш*) мервских лидеров приняло официальное решение о подаче прошения на имя императора Александра III. Добровольное вхождение Мерва в состав империи было оформлено в начале 1884 года.²

Попытка радикальной группы, направляемой Сиях-Пушем, оказать вооруженное сопротивление вошедшему российскому отряду была оперативно нейтрализована. Сам Сиях-Пуш бежал в направлении Герата, однако спустя четыре дня был задержан лояльными России мервцами и выдан администрации. Инкорпорация Мерва и Сарахса разрушила долгосрочные планы Лондона. Характеризуя значение этих пунктов, британский геополитик конца XIX века А. Краузе указывал: «Оккупация Сарахса в 1884 году была жизненно важной для интересов Англии... Расположенный у входа в провинцию Хорасан, на полпути между Мешхедом и Гератом, Сарахс всегда был весьма важной позицией с военной точки зрения. Занять Сарахс значило господствовать над самыми богатыми районами как Персии, так и Афганистана».³

¹ Тихомиров, М. Н. Присоединение Мерва к России... - С. 147.

² Тихомиров, М. Н. Присоединение Мерва к России... - С. 147.

³ Krausse, A. Russia in Asia: A Record and a Study, 1558–1899 / by Alexis Krausse. - London; New York: Grant Richards; Henry Holt and Co., 1899. - P. 232.

Стремясь превратить Афганистан в эффективный заслон против дальнейшего продвижения России к границам Индии Калькутта, резко нарастила масштабы финансовой и технической поддержки Кабула.

Наращивая военный потенциал Афганистана, Великобритания одновременно была вынуждена вернуться к дипломатическому треку. 24 апреля 1884 года британский посол в Санкт-Петербурге Э. Торнтон официально уведомил министра иностранных дел России Н. К. Гирса о готовности Лондона принять российские предложения 1882 года по демаркации границ. Было предложено создать Смешанную комиссию для определения пограничной линии непосредственно на местах, включив в ее состав афганского представителя.¹

3 мая 1884 года Н. К. Гирс направил Торнтону ответную ноту, подтвердив согласие Санкт-Петербурга назначить своего комиссара. При этом российская сторона высказала принципиальное возражение против полноправного участия Кабула в демаркационном процессе, настаивая на том, что афганский представитель должен обладать исключительно статусом эксперта-консультанта.² Данная позиция диктовалась стремлением исключить ситуацию, при которой британская делегация, солидаризируясь с заведомо завышенными территориальными претензиями афганской стороны, могла бы заблокировать подписание итогового соглашения и затянуть разрешение пограничного кризиса.

В июне 1884 года правительство Великобритании выразило принципиальное согласие с предложениями Санкт-Петербурга относительно создания Совместной демаркационной комиссии, предложив организовать первую встречу комиссаров 1 октября того же года в Сарахсе, на левом берегу реки Герируд. Российское внешнеполитическое ведомство не высказало принципиальных возражений против указанного пункта, однако, осознавая

¹ Нота посла Великобритании в Петербурге Э. Торнтонa министру иностранных дел Н. К. Гирсу от 24 апреля 1884 г. // Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 63.

² Нота министра иностранных дел Н. К. Гирса послу Великобритании Э. Торнтону от 3 мая 1884 г. // Там же. - С. 65.

риски того, что британская сторона может в одностороннем порядке зафиксировать Сарахс в качестве отправной точки афганских владений (что соответствовало картографическим материалам Форин-офиса), выступило с важной инициативой. В ноте министра иностранных дел Н. К. Гирса от 18 июня 1884 года подчеркивалось, что предстоящие работы должны рассматриваться исключительно как прямое развитие и дополнение к базовому англо-русскому соглашению 1872–1873 годов.¹

Российская дипломатия настаивала на том, что до начала полевых работ правительства должны достичь консенсуса по базовым географическим ориентирам, поскольку неопределенность исходной точки разграничения на Герируде неизбежно привела бы к стагнации переговоров на уровне комиссаров. Однако Форин-офис занял жесткую позицию, уклоняясь от превентивного обсуждения этих параметров. В качестве контргумента британская сторона апеллировала к тому, что недавнее добровольное вхождение Мервского оазиса в состав Российской империи вызвало дестабилизацию и панику в Кабуле. Согласно меморандуму Форин-офиса, данная напряженность могла быть нивелирована лишь незамедлительной фиксацией пограничной линии на пространстве между реками Герируд и Мургаб, а любая отсрочка лишь усугубила бы геополитические риски в регионе.²

Дальнейшая эволюция британской позиции нашла отражение в официальной ноте от 25 июля 1884 года. В данном документе Лондон открыто артикулировал свои стратегические приоритеты, указав, что афганская территория должна простираться на север практически до Сарахса. При этом комиссарам предписывалось руководствоваться при определении границ не этнографическими реалиями, а текущими «политическими отношениями племен». Форин-офис особо подчеркивал необходимость избегать возложения

¹ Нота министра иностранных дел Н. К. Гирса послу Великобритании Э. Торнтону от 18 июня 1884 г. // Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией (1872–1885) : Сборник дипломатических документов. - СПб. : Тип. М-ва иностранных дел, 1886. - Ч. 1. - С. 69–71.

² НАУз. - Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 3. - Д. 607. - Л. 140–142.

на эмира Абдурахман-хана каких-либо обязательств, которые могли бы показаться ему обременительными или невыполнимыми на практике.¹ Подобная формулировка фактически легитимизировала претензии Кабула на территории, исторически не входившие в состав Афганского государства.²

Позиция Санкт-Петербурга, настаивавшего на приоритете этнографического принципа, опиралась на глубокий анализ расселения кочевых племен. Пространство между Мервом и границами собственно Афганистана (вдоль среднего течения Мургаба от Иолотани на юг) традиционно занимали туркменские племена сарыков и саларов, кочевавшие вплоть до расселения джемшидов. Афганское население в этих районах полностью отсутствовало. При этом пендинские сарыки исторически сохраняли независимый статус.

Процесс интеграции этих земель в орбиту российского влияния активизировался задолго до мервских событий. Еще 21 января 1881 года, сразу после падения крепости Геоктепе, в лагерь генерала М. Д. Скобелева прибыл полномочный представитель саларов и сарыков мулла Ишан-Караулбеги. Он доставил официальное прошение, скрепленное более чем сорока печатями племенных старшин и байрак-ханов, с просьбой о принятии в российское подданство и защите их прав и имущества со стороны императорской администрации.³

В то же время, до окончательного установления российской власти в Мерве, Кабул предпринимал попытки иррегулярного фискального и военно-политического подчинения туркмен Южного Закаспия. Часть племенных старшин под давлением отправила делегацию к правителю Герата, выразив готовность выплачивать налог в обмен на безопасность, что было встречено в Кабуле с большим воодушевлением (делегаты получили ценные подарки и

¹ Меморандум английского правительства русскому министерству иностранных дел от 25 июля 1884 г. // Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 85.

² Афганское разграничение... - Ч. 1. - С. 89.

³ Маслов, А. Н. Завоевание Ахал-Теке. Очерк военных действий Закаспийского отряда 1880–1881 гг. / А. Н. Маслов. - СПб. : Тип. В. В. Комарова, 1887. - С. 191.

эмирские ярлыки).¹ Однако сарыки Пендинского оазиса категорически отказались признать афганский суверенитет. В ответ на это гератский наместник осуществил карательную акцию, угнав у туркмен около 20 тысяч голов скота и пригрозив военным актом под руководством сардара Амовия-хана.² С помощью прямых военных угроз Кабул заставил пендинских сарыков выплачивать частичную подать, что создало феномен их полувассальной, принудительной зависимости от Герата.³ Примечательно, что сам эмир Абдуррахман-хана не скрывал, что данные экспансионистские действия координировались британскими советниками, уверявшими его, что российские войска не решатся на силовое вытеснение афганских постов с занятых ими позиций.⁴

Параллельно Лондон оказывал Кабулу дипломатическое прикрытие. В ноте от 9 августа 1884 года британский посол Э. Торнтон заявил, что его правительство не считает себя вправе давать эмиру какие-либо инструкции, ведущие к отчуждению территорий, на которые Афганистан заявляет свои притязания.⁵ Таким образом, британский комиссар генерал П. Лемсен получил инструкции игнорировать естественно-географические факторы, ориентируясь исключительно на конъюнктурные «политические отношения племен» с целью максимального продвижения афганских рубежей на север.⁶

Несмотря на концептуальные расхождения, российская сторона, стремясь к мирному урегулированию центральноазиатских противоречий в рамках конвенции 1873 года, назначила своим комиссаром генерала А. И. Зеленого. Ему было предписано прибыть в Сарахс к октябрю 1884 года для согласования этно-географических параметров границы.⁷ Намерения России

¹ Фаиз Мухаммад Хан. Сирадж ат-таварих (Светильник историй) / Фаиз Мухаммад Хан. - Кабул, 1913. - Т. 3. - С. 423.

² Лессар, П. М. Юго-Западная Туркмения (Земли сарыков и саларов) / П. М. Лессар. - СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1885. - С. 63.

³ Меморандум английского правительства русскому министерству иностранных дел от 25 июля 1884 г. // Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 85.

⁴ Тихомиров, М. Н. Присоединение Мерва к России / М. Н. Тихомиров. - М. : Изд-во вост. лит., 1960. - С. 170.

⁵ Нота посла Великобритании Э. Торнтонна министру иностранных дел Н. К. Гирсу от 9 августа 1884 г. // Афганское разграничение... - Ч. 1. - С. 93.

⁶ ЦГА РУз. - Ф. И-11. - Оп. 3. - Д. 607. - Л. 147.

⁷ Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 93–94.

основывались на убеждении, что оставление сарыкского населения под юрисдикцией Кабула заложит основу для перманентных пограничных конфликтов в будущем. Британский же подход, напротив, был направлен на создание буферного узла противоречий.

Осенью 1884 года ситуация осложнилась. Получив известие о прибытии генерала П. Лемсдена через Тегеран в Сарахс, Санкт-Петербург предпринял тактический маневр, направленный на затягивание выезда А. И. Зеленого, апеллируя к его неудовлетворительному состоянию здоровья и климатическим трудностям зимнего перехода через пустыню. В итоге российская сторона предложила перенести встречу на 13 января 1885 года, изменив и место съезда — с Сарахса на расположенный южнее Пули-Хатун.¹

Британское правительство в меморандуме от 30 сентября 1884 года категорически отвергло данные предложения, заявив, что изменение логистических планов невозможно, поскольку конвой Лемсдена уже выдвинулся к Герату, и выразив надежду на строгое соблюдение Россией первоначальных договоренностей.²

В ответ российская сторона предложила компромиссный вариант: безотлагательно согласовать на уровне кабинетов «зону разграничения» (коридор проектирования), в пределах которого комиссары проведут топографическую съемку. 1 октября 1884 года директор Азиатского департамента МИД И. А. Зиновьев и генерал А. И. Зеленый провели безрезультатные переговоры с британским послом в Санкт-Петербурге Э. Торнтоном. 9 октября Россия направила официальный меморандум, подтвердив перенос выезда Зеленого на 15 января и заявив, что ввиду увеличения британского эскорта до 400 человек, российский конвой будет симметрично увеличен до аналогичной численности.³ Хотя Лондон признал идею «зоны» рациональной, он настоял на передаче этого вопроса на

¹ Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 93–94.

² Там же: С.99=101.

³ Депеша министра иностранных дел Н. К. Гирса российскому послу в Лондоне А. П. Струве от 26 сентября 1884 г. // Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 103–105.

усмотрение самих комиссаров на месте, после их консультаций с представителями эмира.

Географические параметры «Зоны разграничения» по проекту генерала А. И. Зеленого (ноябрь 1884 г.)
Северный рубеж: От пункта на правом берегу Герируда напротив Дуалетабада по прямой линии к реке Мургаб с пересечением ее выше Имам-Бахша.
Западный рубеж: Естественное течение реки Герируд.
Южный рубеж: От правого берега Герируда по хребту, ограничивающему с севера Гератскую долину, до истоков реки Кушка; далее вниз по ее течению до Чихиль-Духтера.
Восточный рубеж: От Чихиль-Духтера вдоль окраин расселения джемшидов и фирузкухов до афганской крепости Бала-Мургаб, далее по рекам Кайсар и Сангалак через округа Андхоя к Ходжа-Салеху на Амударье.

14 ноября 1884 года Н. К. Гирс передал проект Зеленого Э. Торнтону, одновременно выразив глубокую озабоченность Санкт-Петербурга в связи с концентрацией афганских войск на северных подступах к Герату и прибытием туда британской миссии, численность которой кратно превосходила предварительно согласованные параметры. Именно этой угрозой российская сторона обосновала развертывание своего передового поста в Пули-Хатуне. Российский МИД решительно отверг обвинения в том, что занятие Пули-Хатуна спровоцировало афганское вторжение в Пенде, указав, что афганских войск в оазисе никогда не было, а местное сарыкское население этнографически связано со своими родичами в Иолатани, уже принявшими российское подданство. В силу этого Россия жестко заявила о необходимости включения Пендинского оазиса в состав империи.

Обоснованность опасений Санкт-Петербурга подтверждалась скрытой милитаризацией британской миссии. Первоначально декларировался конвой в 400 человек.¹ По данным афганских источников, британские власти заверяли эмира, что состав миссии не превысит 600 человек, на что Абдуррахман-хан дал согласие при условии подчинения полковника Дж. У. Риджуэя афганскому

¹ Меморандум посла Великобритании в Санкт-Петербурге Э. Торнтону министру иностранных дел Н. К. Гирсу от 30 сентября 1884 г. // Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 105–107.;

офицеру связи. Однако по прибытии на место обнаружился регулярный отряд численностью около 1000 человек с масштабным обозом. В результате компромисса британцы оставили при комиссии 800 вооруженных бойцов, направив грузы на 600 верблюдах в Герат.¹ Дополнительно по приказу эмира гератский правитель выделил для эскорта 400 кавалеристов и 200 пехотинцев. В итоге демаркационная комиссия превратилась в мощную военную группировку. Генерал П. Лемсден в ходе конфиденциальных переговоров с афганским представителем Кази Саад-уд-Дином прямо заявил, что оборона границ Афганистана отныне находится в руках Великобритании, и рекомендовал форсировать возведение фортификационных сооружений в ключевых стратегических пунктах.²

Таким образом, включение в состав комиссии 35 кадровых британских офицеров (включая полковника Ч. Стюарта), нацеленных на тактическое и стратегическое изучение оборонительного потенциала рубежей и планирование поставок английского оружия, свидетельствовало о том, что Форин-офис рассматривал демаркационный процесс не как инструмент компромисса, а как способ создания укрепленного военного плацдарма против Закаспийской области.

Подводя итог, отметим: формирование британской колониальной политики в Афганистане в 70–80-х годах XIX века представляло собой сложный переход от стратегии «мастерского бездействия» к агрессивной «форвардной стратегии», продиктованный необходимостью защиты британской Индии от расширяющегося влияния Российской империи в рамках «Большой игры». В начале 1870-х годов Лондон придерживался политики невмешательства во внутренние дела Афганистана, ограничиваясь косвенным влиянием через субсидии, однако приход к власти вице-короля лорда Литтона

¹ Меморандум Министерства иностранных дел России послу Великобритании в Санкт-Петербурге Э. Торнтону от 9 октября 1884 г. // Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 112.

² Записка генерала А. И. Зеленого об установлении зоны разграничения // Афганское разграничение... - Ч. 2. - С. 133–135.

ознаменовал решительный разворот к попыткам установления прямого контроля.

Эта радикализация политики привела ко Второй англо-афганской войне, которая, несмотря на военные успехи британцев, продемонстрировала невозможность прямого колониального управления страной в силу особенностей афганского общества и колоссальных издержек. В результате Лондон вынужден был пересмотреть свои методы, сделав ставку на модель «буферного государства», возглавляемого сильным эмиром, чья внешняя политика находилась под полным контролем Британии. Приход к власти Абдур-Рахман-хана в 1880 году ознаменовал окончательное оформление этого протектората, при котором эмир сохранял внутреннюю автономию в обмен на обязательство полностью подчинять внешние сношения британским интересам.

Параллельно с этим процессом Британия приступила к юридическому закреплению границ Афганистана, стремясь создать надежный «живой щит» между своими индийскими владениями и зоной российских интересов. Вся эта деятельность в 80-е годы XIX века была подчинена исключительно обеспечению безопасности Индии, из-за чего интересы самого афганского народа систематически игнорировались в ходе англо-российских геополитических договоренностей. Искусственное проведение границ и навязывание вассального статуса, оформленные в этот период, не только лишили Афганистан полноценного суверенитета на многие десятилетия вперед, но и заложили структурные основы для этнополитической нестабильности, сохраняющейся в регионе по сей день. В итоге, несмотря на отказ от прямого колониального администрирования, британская политика достигла своей главной цели, превратив Афганистан в надежный буфер между двумя крупнейшими империями того времени.

ГЛАВА III. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ДЕЛИМИТАЦИИ И ДЕМАРКАЦИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АНГЛИЕЙ

3.1. Начало процесса определения границ Российской империи на Памире.

При содействии британской стороны в афганских пограничных районах Пенде, Мургаба, Маручака и Андхоя был возведен ряд военных укреплений. Английская разграничительная комиссия развернула среди населения Пенде, Иолотани и других округов активную антироссийскую пропаганду. Осознавая истинные цели британской колониальной политики, эмир Абдуррахман-хан предупреждал своих сановников о том, что миссия генерала П. Ламсдена располагает значительными материальными ценностями (шелковыми тканями, парчой), а также вооружением (винтовками, пистолетами) и предметами роскоши (биноклями, часами). Данные ресурсы предназначались для подкупа туркмен-сарыков, населявших Пенде, и саларов, проживавших в долине Мургаба. В связи с этим эмир призывал своих чиновников по возможности препятствовать попыткам британской стороны привлечь местное население на свою сторону.¹

Очевидно, афганская сторона опасалась, что привлеченные британскими субсидиями туркменские племена могут выступить не только против российских войск, но и, при поддержке Лондона, против самой кабульской администрации. В период своего пребывания в регионе глава британской разграничительной комиссии генерал П. Ламсден активно занимался формированием агентурной сети из числа местных туркмен и афганцев. Сбор разведывательных данных велся не только в Мервском и Асхабадском оазисах, но и распространялся на территорию Бухарского эмирата и Хивинского ханства, находившихся под протекторатом Российской империи.

Так, 5 января 1885 года из Бухары и Ширабада поступили сведения о появлении в Бухарском эмирате туркмен-сарыков из Пендинского оазиса,

¹ Файз Мухаммед-хан, Сирадж-ат-таварих, т. III, Кабул, 1913. – С. 450-454.

имевших при себе британскую валюту.¹ Подобные факты свидетельствовали о том, что британские офицеры практиковали масштабное финансовое стимулирование лояльных им представителей местных племен. Примечательно, что в период занятия российскими войсками Геок-Тепе и Мерва население Пенде демонстрировало отчетливое стремление к сближению с Россией.² Известный российский дипломат и исследователь П. М. Лессар в этой связи отмечал: «В случае появления русских в Пенде они будут встречены в высшей степени сочувственно громадным большинством населения оазиса».³

Пророссийские настроения туркмен-сарыков не оставались незамеченными и для британской стороны. Стремясь обеспечить лояльность местного населения, генерал П. Ламсден рекомендовал гератскому хакиму (правителю) снизить обременительное налогообложение в отношении сарыков. Британский комиссар подчеркивал, что «в противном случае они могут перейти на сторону русских».⁴

В Пендинском оазисе британская разграничительная комиссия сделала ставку на дипломатическое маневрирование и финансовое субсидирование племенной верхушки. Отражая закулисные стороны этого процесса, влиятельная англо-индийская газета «Пионер» (The Pioneer) констатировала: «Золотой ключ сделался, по-видимому, эмблемой установившейся и традиционной британской политики. Удержит ли он ворота Герата запертыми?.. Не русские, а мы разыграли двойную игру с пограничной комиссией. Власти, ответственные за отправку Питера Ламсдена, знали наперед, что он не застанет российскую миссию на границе, и они изначально не желали этой встречи».⁵

¹ НАУз. Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), оп. 3, д. 607, л. 65.

² Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. - М.: Изд-во восточной литературы, 1960. - С. 117-121.

³ Лессар П.М. Юго-западная Туркмения (земли сарыков и саларов), СПб, 1885, стр. 20-21

⁴ Файз Мухаммад Хан. Сирадж ат-таварих. - Т. III. - Кабул, 1913. - С. 450.

⁵ Новое время. - 1885. - № 3281. Цит. по: Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. - Ташкент, 1885. - Т. 380. - С. 24.

Приведенные факты свидетельствуют о стремлении британской стороны использовать сложившуюся политическую конъюнктуру в собственных геополитических интересах. Несмотря на осведомленность о том, что глава российской разграничительной комиссии еще не покинул Санкт-Петербург, официальный Лондон заблаговременно направил к месту предполагаемой встречи свою миссию. При этом британский военный эскорт многократно превышал численность конвоя, предварительно согласованную с российским правительством.

В ожидании прибытия российской делегации британские представители, под прикрытием проведения топографических изысканий, приступили к военным приготовлениям и активизировали антироссийскую агитацию среди местного населения. Официозная англо-индийская пресса всемерно способствовала эскалации этих настроений. Так, 14 января 1885 года газета «Пионер» (The Pioneer) отмечала: «...Почему бы нам не придерживаться более смелой политики относительно этой части территории эмира (Герата), которая в настоящее время исследуется сэром П. Ламсденом и его отрядом. Поэтому нужно всемерно воспользоваться ростом английского престижа на Герируде и Мургабе».¹

Далее издание подчеркивало, что «вопрос об укреплении Герата уже рассматривался и был на некоторое время отложен лицами, контролировавшими наши отношения с Афганистаном; но теперь, когда офицеры наши находятся на месте <...> и когда жители страны желают оказать нам свое содействие к охранению владений эмира, <...> инициатива должна принадлежать Индии...».²

Действия британских представителей не ограничивались декларативными заявлениями и дипломатическим маневрированием. Об этом свидетельствует официальное донесение российского дипломатического представителя в Бухаре на имя министра иностранных дел Российской

¹ Новое время. - 1885. - № 3281. Цит. по: Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. - Ташкент, 1885. - Т. 380. - С. 24.

² Там же. С. 25.

империи от 2 декабря 1884 года. В документе сообщалось о прибытии в Герат британского отряда численностью 500 человек, который рассматривался в качестве авангарда и, по имеющимся сведениям, мог быть задействован для выдвижения в направлении Мервского оазиса. Пятеро британских офицеров из состава этой миссии провели рекогносцировку территории Чар-вилайета, после чего вернулись в Герат через Пенде. Кроме того, британская сторона выступила с инициативой формирования афганского военного контингента в Чар-вилайете и возведения казарм в Андохе. Получив согласие эмира Абдуллаха-хана, представители Великобритании гарантировали Кабулу предоставление необходимого финансирования и вооружения.¹

Данные факты наглядно отражают геополитическую стратегию Великобритании в процессе демаркации границ. На пути в Афганистан, во время остановки в Тифлисе 15 сентября 1884 года, генерал П. Ламсен провел встречу с главнокомандующим гражданской частью на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа князем А. М. Дондуковым-Корсаковым, а также с главой российской разграничительной комиссии генерал-майором К. К. Зеленым. В ходе беседы британский комиссар утверждал, что река Теджен выходит за пределы Гератской провинции лишь ниже Сарахса, а туркмены-сарыки Пендинского оазиса на протяжении более чем шестидесяти лет являются данниками афганского эмира.²

Подобные заявления и односторонние действия британской разграничительной комиссии вызывали серьезную обеспокоенность российских властей в Средней Азии. Известия о занятии афганскими формированиями Пендинского оазиса, а также сведения о подготовке кабульских войск к выдвижению в направлении Мерва вынудили официальный Санкт-Петербург принять незамедлительные меры по обеспечению безопасности туркменского населения и защите

¹ НАУз. Ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, л. 53

² Шеманский А.Д. Бой на Кушке 18 марта 1885 г., СПб., 1904, стр. 22.

среднеазиатских рубежей империи. С этой целью главнокомандующий войсками Кавказского военного округа (в ведении которого в данный период находилась Закаспийская область) признал необходимым усилить российский контингент, расположенный между реками Мургаб и Герируд, двумя батальонами пехоты и двумя казачьими сотнями.¹

Вскоре после этого российское руководство получило новое донесение из Асхабада, извещавшее о том, что афганский отряд численностью в 150 всадников занял Зульфагарский проход, а в пункте Сары-Язы был выставлен афганский военный пост. В связи с этим 27 января 1885 года министр иностранных дел Российской империи Н. К. Гирс направил депешу российскому послу в Лондоне Е. Е. Стаалю, поручив ему обратить внимание британского кабинета на действия кабульских властей, которые прямо противоречили духу и букве англо-русского соглашения 1873 года».²

В свою очередь, британский кабинет не только отклонил дипломатические претензии Санкт-Петербурга, но и выступил с ответными обвинениями в адрес России в эскалации конфликта. Основанием для этого послужили донесения генерала П. Ламсдена из Бала-Мургаба, в которых утверждалось, что российский кавалерийский отряд численностью около 100 всадников пересек линию афганских аванпостов и расположился в урочище Аймак-Джар, в трех милях к югу от Сары-Язы. Кроме того, до Лондона были доведены сведения о том, что российский офицер во главе отряда текинцев занял Зульфагарский проход.

В ответ на эти действия британское правительство направило официальную ноту, которая завершалась жестким предупреждением: «если всему этому не будет немедленно положен конец, это может привести к самым серьезным последствиям».³ В документе также подчеркивалось, что компромисс на условиях российской стороны невозможен, поскольку

¹ НАУз. Ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, л. 85.

² Переговоры между Россией и Англией. Меморандум русского правительства английскому послу в Петербурге, ч. 1, стр. 153.

³ Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. - Ташкент, 1885. - Т. 380. - С. 42-45.

Великобритания «не может предложить афганцам очистить те территории, которые они считают по праву принадлежащими эмиру».¹

В сложившихся обстоятельствах российское руководство было вынуждено предпринять решительные шаги по защите геополитических приоритетов империи с целью пресечения дальнейших односторонних действий со стороны Кабула и Лондона, способных дестабилизировать обстановку на южных рубежах Туркестанского края. Начальник Закаспийской области генерал-майор А. В. Комаров получил предписание выдвинуть в направлении Пендинского оазиса передовые посты. При этом, во избежание вооруженных инцидентов и для деэскалации напряженности, российским подразделениям было отдано строгое распоряжение всемерно избегать прямых столкновений с афганскими воинскими формированиями.²

В период с 6 по 8 марта 1885 года российский отряд сосредоточился в урочище Аймак-Джар. По данным военной разведки, численность афганских сил в лагере превышала 3 тыс. человек. 12 марта российские подразделения совершили переход к Уруш-Дошану (Уруш-Дошуну), а на следующий день расположились бивуаком всего в 4–5 верстах от расположения противника. К этому моменту афганские войска, задействовав пехоту и кавалерию при двух орудиях, заняли левый берег реки Кушки.

В самом Пендинском оазисе в это время находились представители британской разграничительной комиссии, однако они не предприняли мер для предотвращения продвижения афганских сил по левому берегу Кушки. Данный факт признают и британские авторы. В частности, военный историк Дж. МакМанн указывал, что афганские войска «...без разрешения перешли на спорный левый берег Кушки».³

¹ Переговоры между Россией и Англией. Ук. сб., ч. 11, с. 155.; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). - Ф. Канцелярия Министра иностранных дел. - 1885 г. - Д. 37 (Переписка с послом в Лондоне). - Л. 12–15.

² Переговоры между Россией и Англией. Меморандум русского правительства английскому послу в Петербурге, ч. 1, с. 152.

³ Maemun, George. *Afganistan From Darins to Amanullan Lon-don*, 1929, p. 213.

Согласно донесениям Туркестанского генерал-губернатора, представители британской разграничительной комиссии вместо содействия мирному урегулированию инцидента предприняли инспекционную поездку по территории Чар-вилаята в Афганском Туркестане. Там британские офицеры провели смотр регулярных афганских подразделений и рекомендовали местной администрации форсировать фортификационные работы в ключевых пунктах на левом берегу Амударьи. Кроме того, один из британских офицеров во главе вооруженного конвоя совершил демонстративную переправу на бухарскую территорию в районе Келифа.¹ Таким образом, выдвижение афганских войск к устью реки Кушки при впадении её в Мургаб являлось частью заблаговременно подготовленной и скоординированной приграничной стратегии.²

13 марта афганские подразделения без предварительного уведомления начали выдвижение за реку Кушку, развертывая посты на фланге российского отряда и возводя фортификационные сооружения. 14 марта российскому командованию было доставлено послание от капитана Ч. Йейта, назначенного британским комиссаром наблюдателем в Пендинском оазисе. Британский представитель утверждал, будто командующий афганскими силами в Пенде известил его о желании некоего «русского начальника» провести личную встречу. По поручению начальника Закаспийской области генерал-майор А. В. Комарова подполковник Генерального штаба Н. А. Закржевский ответил, что российская сторона подобной инициативы не проявляла, однако выразил готовность выехать навстречу самому капитану Ч. Йейту в 17:00.

15 марта капитан Ч. Йейт направил Н. А. Закржевскому новое письмо, к которому приложил копию телеграммы министра иностранных дел Великобритании лорда Гренвиля на имя главы разграничительной комиссии П. Ламсдена. В документе содержалось извещение о достигнутом между

¹ Письмо министра иностранных дел Н. К. Гирса российскому послу в Лондоне Е. Е. Стаалю, 24 февраля (8 марта) 1885 г. // Афганское разграничение: Переписка по делу об установлении северо-западной границы Афганистана. - СПб.: Тип. МИД, 1886. - Ч. II. - С. 156.

² Прасолов В. Мургабский поход 1885 г. СПб., 1910, стр. 29.

Санкт-Петербургом и Лондоном соглашении, согласно которому войска обеих держав обязывались оставаться на занимаемых позициях до завершения делимитации границы.

Несмотря на дипломатические шаги российского командования, направленные на предотвращение инцидентов, британские наблюдатели не предприняли мер по сдерживанию продвижения афганских сил на левый берег рек Кушки и Мургаба. Более того, по данным российской военной разведки, британские агенты приступили к вербовке ополченцев среди местных туркмен-сарыков для возможного противостояния с российскими войсками, установив плату в размере двух рупий в день для каждого наемника.

К 17 марта афганские силы развернули сплошную цепь аванпостов перед российскими позициями вплоть до русла Мургаба, что привело к словесным стычкам между военнослужащими обеих сторон.¹ При этом еще 15 марта капитан Ч. Йейт конфиденциально уведомил подполковника Н. А. Закржевского о том, что «афганцы получили приказ от эмира - если [российские войска] только сделают попытку заставить их освободить занимаемые позиции - открыть огонь».²

Сложившаяся оперативная обстановка и демонстративно вызывающее поведение афганских разъездов по отношению к российским пикетам вынудили генерал-майора А. В. Комарова 17 марта 1885 года направить командующему афганскими войсками Наиб-салару Теймур-шах-хану официальное требование.³ В своем послании начальник области отмечал: «...Требую, чтобы сегодня до вечера все подчиненные вам военные чины до единого возвратились в прежние стоянки свои на правый берег р. Кушки [Мургаба], и чтобы посты ваши на правом берегу Мургаба не спускались ниже соединения рек. Переговоров и объяснений по этому вопросу не будет.

¹ Прасолов В. Мургабский поход 1885 г. - СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1910. - С. 63.

² Переговоры между Россией и Англией относительно разграничения Средней Азии // Афганское разграничение: Переписка по делу об установлении северо-западной границы Афганистана. - СПб.: Тип. МИД, 1886. - Ч. II. - С. 309.

³ См.: Переговоры между Россией и Англией относительно разграничения Средней Азии // Афганское разграничение. - СПб., 1886. - Ч. II. - С. 312.

Вы обладаете умом и проницательностью и, вероятно, не допустите, чтобы я свое требование привел в исполнение сам».¹

Содержание ответа афганской стороны демонстрировало степень влияния британских военных советников, чья позиция объективно способствовала эскалации пограничного конфликта между российскими и афганскими подразделениями. В этих условиях генерал-майор А. В. Комаров принял решение на следующее утро, 18 (30) марта 1885 года, побудить афганские войска очистить левый берег реки Кушки посредством демонстративного маневра всего Мургабского отряда.

Выдвижение сил из лагеря было назначено на 5:00. При этом подразделения получили строгие предписания осуществлять продвижение без открытия огня, вплоть до получения личного распоряжения командующего или в случае превентивной вооруженной атаки со стороны противника.²

Непосредственно перед выдвижением войск генерал-майор А. В. Комаров направил афганскому командованию вторичное письменное предупреждение, в котором подчеркивал: «Ответ ваш получен. В видах сохранения дружественно-соседских отношений считаю необходимым объяснить, что маловажные изменения передовых постов и разъездов я, в силу данной мне моим правительством задачи, могу допускать только в виде исполнения сегодняшнего письма моего, в коем объяснены мои предложения. Хотя советники, о которых вы пишете, видимо, стараются разорвать дружественные наши отношения, при всем том я повторяю, что если только не будут удалены на ту сторону р. Кушка караулы и посты, то обстоятельство это не повлечет за собою хороших последствий, в чем, после сего вторичного письма своего, я слагаю с себя всякую ответственность. Да поможет вам Господь в разрешении этого дела и установлении, вместо вражды, дружественно-соседских отношений, дабы не пришлось раскаяться в том, что

¹ Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания (Из дневника раненого) // Вестник Европы. - 1904. - № 10 (Октябрь). - С. 471.

² Афганское разграничение... стр. 315 (Письмо Комарова Темур-Шах-хану Наиб-Салару от 17 марта 1885 г.).

вы слушались бесполезных советов посторонних лиц. Выбор между дружбою и враждою зависит от вас самих».¹

Несмотря на повторное предупреждение, афганская сторона при виде маневрирования российских сил не только отказалась покинуть занимаемые позиции, но и пошла на прямую эскалацию конфликта. 18 (30) марта 1885 года в 6:16 со стороны афганских позиций был произведен первый ружейный выстрел, спустя десять секунд — второй, после чего афганская пехота и артиллерия открыли плотный непрерывный огонь по наступающим цепям. В этих условиях подполковник М. Алиханов-Аварский отдал приказ российским подразделениям открыть ответный огонь. Завязавшееся огневое столкновение быстро переросло в полномасштабное боевое действие, в ходе которого превентивная конная атака афганской кавалерии на российском фланге была успешно отражена.²

Основная фаза боевого столкновения развернулась непосредственно у стратегически важного моста Таш-Кепри. Не выдержав натиска российских подразделений, афганские формирования начали беспорядочный отход в направлении русла Кушки. Однако генерал-майор А. В. Комаров отдал строгий приказ прекратить преследование отступающего противника. Данное решение преследовало цель продемонстрировать Лондону и Кабулу сугубо оборонительный характер действий Мургабского отряда, ключевой задачей которого являлось исключительно очищение левого берега реки от афганских постов, а не глубокое вторжение на сопредельную территорию.³

Согласно свидетельствам участников событий, капитан Ч. Йейт наблюдал за ходом боевого столкновения с высоты минарета, расположенного у дороги к селению Эрден; при нем также находились другие сотрудники британской разграничительной комиссии в сопровождении конвойного взвода

¹ Второе письмо начальника Закаспийской области афганскому Наиб-салару, 18 марта 1885 г. // Афганское разграничение: Переписка по делу об установлении северо-западной границы Афганистана. - СПб.: Тип. МИД, 1886. - Ч. II. - С. 313.

² Рапорт начальника Закаспийской области военному министру, 21 марта 1885 г. // Сборник материалов по англо-русскому разграничению. - СПб., 1886. - С. 112.

³ Бой на Кушке 18 марта 1885 г., СПб., 1908, стр. 39.

бенгальских улан. После завершения активной фазы боя подполковник М. Алиханов-Аварский форсировал реку Кушку во главе своего конного отряда с целью занятия оставленного афганского лагеря.

Одновременно с этим сотня казаков под командованием штабс-капитана В. А. Прасолова была направлена на рекогносцировку к урочищу Кала-и-Мор, где базировалась основная стоянка британской пограничной миссии. По возвращении отряда 23 марта [4 апреля] 1885 года В. А. Прасолов доложил, что британский лагерь был рассчитан на 600–700 человек. Согласно показаниям местных туркмен из близлежащего селения Сухта, уже 19 [31] марта британские представители спешно свернули лагерь и выдвинулись в верховья реки Кушки.¹

Завершив операцию по очищению левого берега реки Кушки от афганских постов, российские войска вернулись на исходные позиции. Анализ событий у Таш-Кепри позволяет опровергнуть устойчивые в британской историографии тезисы о том, что данный инцидент являлся свидетельством прямой угрозы Британской Индии со стороны Санкт-Петербурга или проявлением фундаментальной враждебности России к Афганистану. В действительности пограничное столкновение стало следствием обострения англо-российских противоречий в контексте незавершенности делимитации буферных зон между двумя империями.

Несостоятельность версии о наступательных планах России убедительно доказывается последующими действиями сторон: после разгрома афганских формирований Мургабский отряд не возобновил продвижения в направлении Герата и полностью отказался от преследования отступающего противника. Локализовав конфликт в пределах спорной территории, российское руководство незамедлительно инициировало дипломатические меры по деэскалации напряженности и мирному урегулированию пограничных отношений с Кабулом.

¹ Прасолов В. Мургабский поход 1885 г. — СПб., 1910. — С. 73–74.

Спустя неделю после вооруженного столкновения, 25 марта [6 апреля] 1885 года, генерал-майор А. В. Комаров направил новое послание афганскому командующему Наиб-салару Теймур-шах-хану с предложением восстановить прерванные приграничные контакты.¹ О содержании данного письма афганское военное руководство незамедлительно доложило в Кабул.

На фоне эскалации Пендинского кризиса англо-индийская администрация инициировала экстренные переговоры с афганским эмиром в Равалпинди, где его принял вице-король Индии лорд Дюфферин. Как отмечал в своих мемуарах сам Абдуррахман-хан, в ходе аудиенции вице-король прямо обратился к нему с вопросом: «Я вам писал об укреплении Герата. Скажите мне ваше искреннее мнение, а также, какие меры думаете предпринять для этого?». В ответ на зондирование эмира относительно того, какими силами предполагается вести фортификационные работы, лорд Дюфферин конфиденциально предложил ввести в Герат британские войска. Однако Абдуррахман-хан фактически заблокировал эту инициативу, уклончиво ответив, что «не советовался по этому вопросу со своим народом», тем самым продемонстрировав нежелание превращать Афганистан в плацдарм для прямой военной конфронтации между Великобританией и Россией.²

Дипломатические контакты между эмиром и вице-королем свидетельствуют о том, что британская сторона стремилась использовать проект фортификации Герата под предлогом союзнической помощи для вовлечения Афганистана в масштабное военное противостояние с Российской империей. Абдуррахман-хан осознавал, что в случае эскалации военных действий Афганистан неизбежно превратится в главный театр военных действий со всеми разрушительными последствиями. Историческая память о недавней второй англо-афганской войне и стойкие антибританские настроения среди племен предопределили осторожность эмира. Понимая, что допуск

¹ Письмо начальника Закаспийской области к афганскому Наиб-салару от 25 марта 1885 г. // Афганское разграничение: Переписка по делу об установлении северо-западной границы Афганистана. - СПб.: Тип. МИД, 1886. - Ч. II. - С. 319.

² Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана / Пер. с англ. - СПб.: Изд. А. Суворина, 1901. - Т. II. - С. 135–140.

иностранных контингентов спровоцирует внутренний взрыв и лишит его поддержки населения, Абдуррахман-хан отказался от прямой военной помощи со стороны Великобритании.

В беседе с лордом Дюфферином афганский правитель прямо указал на этот внутриполитический фактор: «Лично я питаю к вам полное доверие, но этого доверия нет у населения Афганистана; может, оно явится потом, когда страх исчезнет из сердца афганцев».¹

О жесткой позиции Кабула вице-король незамедлительно известил кабинет министров в Лондоне. В ходе следующей аудиенции 23 марта [4 апреля] 1885 года лорд Дюфферин высказал эмиру недоумение британского правительства по поводу его нежелания допустить английские войска для совместной обороны, особенно в условиях, когда афганская армия объективно не могла самостоятельно противостоять регулярным российским частям.

Несмотря на давление, Абдуррахман-хан последовательно настаивал на дипломатическом компромиссе. Он исходил из нецелесообразности ведения войны из-за Пендинского оазиса, чреватой долгосрочным конфликтом с сильным северным соседом. В связи с этим эмир призвал британское руководство дать указание своей разграничительной комиссии уступить земли, населенные туркменами-сарыками, Российской империи, чтобы завершить делимитацию границы мирным путем. Такие заявления эмира свидетельствовали о том, что агрессивная политика англичан в Средней Азии серьезно беспокоила афганцев. Им становилось все яснее, что англичане, провоцируя их на конфликт с Россией, преследуют лишь свои интересы.

Вице-король вместо обсуждения способов улучшения русско-афганских отношений заявил эмиру, что Англия готова вести вместе с Афганистаном войну против России на суше и на море.² Абдурахман-хан и теперь не согласился с английским предложением, что помешало осуществлению английских планов нападения на Среднюю Азию. Перед

¹ Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана / Пер. с англ. - СПб.: Изд. А. Суворина, 1901. - Т. II. - С. 135–140.

² Файз Мухаммед-хан. Сирадж-ат-таварих, т. III, Кабул, 1913, с. 461.

отъездом эмира из Индии вице-король подарил ему 35 000 винтовок с патронами, дальнобойную батарею и обещал ему помогать в случае надобности.¹

Приведенные факты со всей очевидностью демонстрируют, что официальный Лондон изначально не рассматривал делимитацию северо-западной границы Афганистана как сугубо техническую или локальную задачу. Влиятельный британский политик лорд Розбери в конфиденциальной беседе с германским послом в Лондоне графом Мюнстером откровенно признавал: «Для нас менее важно, пройдет ли пограничная черта на несколько миль севернее или южнее, нежели настроение эмира Афганистана. Если эмир будет недоволен действиями России и обратится к нам за помощью, дабы оградить себя от территориальных потерь, мы не сможем отказать ему».²

Иными словами, приграничный инцидент трактовался британским кабинетом министров как удобный стратегический повод для консолидации антироссийских сил и подрыва позиций Санкт-Петербурга в Центральной Азии. Давая прогностическую оценку возможному столкновению между двумя империями, лорд Розбери подчеркивал: «Если дело дойдет до вооруженной борьбы, она, следовательно, будет вестись за преобладающее влияние в Афганистане, однако, естественно, не ограничится этой страной, а распространится на все доступные нам регионы России. Я полагаю, что султан с радостью воспользуется таким случаем, чтобы присоединиться к нам против России... Проведение же турецкой диверсии на российской границе, которая сковала бы значительную часть русской армии, явилось бы для Англии весьма эффективным "вытяжным пластырем».³

Подобные геополитические установки разделялись не только представителями дипломатического корпуса, но и высшим военным

¹ Автобиография Абдурахман-хана, Ук. соч., т. 1, стр. 168

² Политическое донесение германского посла в Лондоне графа Мюнстера рейхсканцлеру О. фон Бисмарку, март 1885 г. // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914: Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes.* - Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. - Bd. 4: Die Balkan-Krise 1883–1887. - S. 111.

³ *Die größe Politik..*, op. cit.

командованием Британской империи. Наступательный вектор британского стратегического планирования наглядно прослеживается при анализе полуофициальных документов военно-ведомственного характера. В частности, ключевые принципы британской политики в отношении России и специфика подхода к этнотерриториальному разграничению в Центральной Азии детально отражены в двухтомном труде генерал-квартирмейстера англо-индийской армии сэра Чарльза Макгрегора «Оборона Индии», изданном в 1884 году.

Данное исследование изначально имело гриф секретности и печаталось в Симле ограниченным тиражом для узкого круга лиц в колониальной администрации. Тем не менее оно было оперативно получено российской военной разведкой, переведено на русский язык и в 1891 году выпущено Военно-ученым комитетом Главного штаба в Санкт-Петербурге. В теоретической части своего труда Ч. Макгрегор воспроизводит традиционные для британской политической мысли тезисы о «росте российской экспансии» и непосредственной угрозе Индостанскому субконтиненту. Переходя же к практическим рекомендациям, автор формулирует масштабную программу изменения геополитических границ Российской империи. Для реализации этих замыслов генерал рекомендовал британскому кабинету временно сохранять тактику дипломатического маневрирования в отношениях с Санкт-Петербургом и незамедлительно направить комиссию для форсированной демаркации русско-афганских рубежей.¹

Проектируя контуры будущей антироссийской коалиции, Ч. Макгрегор предлагал масштабный передел евразийского пространства, выходящий далеко за пределы центральноазиатского региона. Программа-максимум британского стратега предусматривала отторжение от Российской империи Царства Польского, прибалтийских губерний и западнобелорусских земель с последующей их передачей под контроль Австро-Венгрии и Германии. В

¹Мак-Грегор. «Оборона Индии», ч. I, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1891, с. 207.

Закавказье и Закаспийской области предполагалось расширение территории Персии — однако эта уступка Тегерану носила строго обусловленный характер. Автор указывал, что в случае отказа шахского правительства примкнуть к коалиции, Персидское государство подлежало расчленению на четыре изолированные части. При таком сценарии Азербайджан и Курдистан передавались Османской империи в качестве компенсации за ее участие в войне против России, а Мекран и южная часть Хорасана отходили к Афганистану.

Особое место в планах Ч. Макгрегора занимал Кавказ, который планировалось полностью изолировать от внутрироссийского геополитического поля. На его территории намечалось создание двух марионеточных государственных образований: христианского (грузино-армянского) и мусульманского. Наконец, экспансионистские замыслы англо-индийского командования распространялись и на дальневосточные рубежи империи. «Существует еще одна область, — констатировал Ч. Макгрегор, — где возможно урезать российские владения. Это территории к северу от Китая и Кашгара; китайскую границу в данных направлениях безусловно следует скорректировать».¹

Что касается среднеазиатских государств — Бухарского эмирата и Хивинского ханства, находившихся под российским протекторатом, а также упраздненного Кокандского ханства, вошедшего в состав империи в качестве Ферганской области, то их Ч. Макгрегор предлагал полностью вывести из-под юрисдикции Санкт-Петербурга. Предполагалось восстановление их прежних границ с одновременным отторжением памирских приграничных территорий. В частности, приграничные среднеазиатские бекства Шугнан и Рушан намечалось передать под суверенитет Афганистана.

Подобный масштаб геополитического планирования требовал от британского руководства немедленного перехода к практическим действиям.

¹ Мак-Грегор Ч. М. Оборона Индии / Пер. с англ. под ред. Л. Н. Соболева. - СПб.: Изд. Главного штаба, 1891. - Ч. 2. - С. 209.

Одним из первоочередных шагов Ч. Макгрегор считал качественную модернизацию разведывательной сети. По его мнению, аппарату британского военного атташе в Санкт-Петербурге следовало радикально активизировать сбор стратегических данных. Помимо интенсификации легальных каналов, генерал настаивал на развертывании скрытого присутствия в ключевых административных и военных центрах империи: «Мы желали бы иметь тайных английских агентов в Тифлисе, Баку, Астрахани, Оренбурге, Ташкенте, Самарканде, Оше, Асхабаде и Красноводске...».¹

Отдельный вектор в доктрине Ч. Макгрегора был связан со среднеазиатским регионом, где предполагалось широко задействовать методы скрытой дестабилизации российских тылов. Стратегия англо-индийского командования предусматривала использование нелегальных каналов и привлечение местной агентуры для инспирирования антироссийских выступлений. Британский теоретик констатировал: «Другая мера, которую мы предложили бы, состоит в отправлении туземных лазутчиков в Хиву, Бухару, Коканд, Кашгар, Гиссар, Кабул, Каратегин и к мервским туркменам, чтобы вызвать восстание против России. Первоначально они должны основательно познакомиться с истинными чувствами вождей и народа этих стран; убедившись в нерасположении к России, агентам необходимо изыскать личные средства для возбуждения и организации восстания, направленного против России».²

Таким образом, масштабный геополитический проект генерал-квартирмейстера англо-индийской армии отражал радикальные устремления части британского военного руководства. Занимая ключевой пост в военно-топографической и разведывательной службе вице-королевства, Ч. Макгрегор обладал значительным влиянием на формирование оборонной политики Лондона в Азии. Разработанная им стратегическая концепция фактически представляла собой максималистскую программу экспансии, реализация

¹ Мак-Грегор Ч. М. Оборона Индии / Пер. с англ. под ред. Л. Н. Соболева. - СПб.: Изд. Главного штаба, 1891. - Ч. 2. - С. 210.

² Там же, стр. 210.

которой шла вразрез с официальным дипломатическим курсом и нивелировала компромиссный потенциал двусторонних переговоров, включая вопросы территориального разграничения.

Российская империя, со своей стороны, в рассматриваемый период последовательно форсировала меры по административно-политическому и военному закреплению на среднеазиатских рубежах, что делало столкновение интересов двух держав практически неизбежным. Остроту межгосударственных противоречий этого периода, едва не приведших к открытому военному конфликту в 1885 году, фиксирует марксистская историографическая традиция, квалифицирующая англо-российские отношения середины 1880-х годов как фазу активного территориального раздела региона».¹

Изложенные факты объясняют причины активизации в январе 1885 года тех кругов в британском истеблишменте, которые настаивали на форсированном укреплении Герата, где в тот момент находился глава разграничительной комиссии генерал П. Ламсен. Вектор англо-индийской прессы, подчеркивавшей необходимость конвертации британского влияния в бассейне Герируда в геополитические преимущества, а также инициативы вице-короля Индии по вовлечению эмира Абдуррахман-хана в военное сотрудничество против России, отражали общую превентивную стратегию Калькутты и Лондона. Симметричное ведение дипломатических переговоров о разграничении и параллельное наращивание военной инфраструктуры в ключевых дефиле (проходах) на пути к Герату свидетельствуют о дуализме британского внешнеполитического курса, ориентированного на силовой сценарий, в то время как Санкт-Петербург декларировал исключительно оборонительные цели на южных рубежах империи.

В данном контексте исход вооруженного столкновения у Таш-Кепри (инцидента на Кушке), завершившийся разгромом афганских формирований, следует квалифицировать как тактическую неудачу наступательной линии

¹ Ленин В. И. Тетради по империализму. – С. 491.

британского командования в Центральной Азии. Локализация конфликта российской стороной нивелировала попытки Лондона превратить пограничный спор в масштабный геополитический плацдарм для давления на Российскую империю.

После завершения боевого столкновения у Таш-Кепри российская сторона предприняла комплекс мер, направленных на демонстрацию Кабулу конструктивного и невраждебного характера своей региональной политики. В обход официальных британских каналов, стремившихся изолировать внешнеполитические контакты эмира, по линии неформальной дипломатии Абдуррахман-хану было передано частное послание. Этот документ был направлен через правителя Бадахшана; в нем, в частности, подчеркивалось, что «в русско-афганском конфликте виновны исключительно англичане, Россия же сохраняет дружественное отношение к Афганистану».¹ Подобный шаг позволил Санкт-Петербургу заложить основу для последующей стабилизации двусторонних отношений без посредничества Лондона». ²

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что даже ограниченный массив выявленных источников репрезентирует наступательный характер центральноазиатской стратегии Великобритании. Показательно, что за два месяца до вооруженного столкновения при Таш-Кепри, 26 января 1885 года, на страницах полуофициального англо-индийского издания «The Pioneer» была опубликована программная статья, авторы которой призывали ассигновать из индийского бюджета полмиллиона рупий для модернизации фортификаций Герата. Данный шаг был направлен на превращение города в ключевой операционный плацдарм для возможного выдвижения британских сил вглубь Средней Азии.

Инициированное Лондоном продвижение афганских постов в глубь спорных территорий преследовало цель зафиксировать за Кабулом

¹ Послание к эмиру Афганистана через правителя Бадахшана, апрель 1885 г. // Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности / сост. В. И. Межов. - Ташкент : [б. и.], 1886. - Т. 367. - С. 45–48.

² НАУз., ф. КТГГ, оп 3, д 607, л 202.

стратегически важные районы в интересах британского военного командования. В частности, припамирские бекства Шугнан и Рушан, расположенные на дарвазском направлении, рассматривались англо-индийским Главным штабом как удобные подступы к Ферганской области Российской империи (одному из ключевых политико-экономических центров Туркестанского генерал-губернаторства) и к восточным владениям Бухарского эмирата. В свою очередь, Пендинский оазис и Зульфагарский проход являлись важнейшими дефилами, открывавшими прямые стратегические пути к Закаспийской области. Таким образом, территориальные притязания на данных участках были продиктованы не этнографическими факторами, а логикой жесткого военно-топографического соперничества великих держав.

3.2. Установление государственной границы между Россией и Афганистаном в 1887 году.

После ликвидации вооруженного столкновения у Таш-Кепри российское внешнеполитическое ведомство, представив кабинету министров Великобритании исчерпывающие разъяснения причин, обусловивших вынужденное применение военной силы, вновь инициировало обсуждение параметров территориального разграничения. 31 марта [12 апреля] 1885 года российскому послу в Лондоне Е. Е. Стаалю было предписано провести экстренную встречу с британским министром иностранных дел лордом Гренвиллом.

Как сообщал 2 [14] апреля в депеше на имя управляющего Министерством иностранных дел Н. К. Гирса сам Е. Е. Стааль, он провел два раунда переговоров с главой Форин-офис, причем во второй беседе принял участие министр по делам Индии лорд Кимберли. В ходе обмена мнениями британская сторона в качестве ключевого прелиминарного (предварительного) условия для возобновления диалога выдвинула требование об отводе российских войск со спорных территорий. При этом лорд Кимберли особо подчеркнул, что сохранение стратегически важного

Зульфагарского прохода под суверенитетом Афганистана является обязательным условием для достижения компромисса между двумя империями. В качестве территориальной компенсации британский кабинет выразил готовность признать права Российской империи на Пендинский оазис.¹

В ответной депеше от 4 [16] апреля 1885 года министр иностранных дел Н.К. Гирс изложил Е.Е. Стаалю официальную позицию российского правительства, которая сводилась к следующим ключевым пунктам:

1. Российская сторона не находила возможным осуществить полный отвод своих подразделений с занятых позиций, однако для снижения напряженности и содействия демаркационным мероприятиям допускала временное передислоцирование передовых пикетов на период работы комиссии.

2. Санкт-Петербург соглашался на предложенный территориальный размен (передачу Зульфагарского дефиле Афганистану в обмен на признание Пендинского оазиса за Россией). Соответственно, новую демаркационную линию предлагалось провести от реки Герируд несколько севернее Зульфагара, далее к югу от Ак-Рабата до урочища Егри-Гёк в районе Кехриз-и-Суме, после чего рубеж должен был следовать контурам прежнего российского проекта.

3. По мере продвижения демаркационных работ стороны обязывались выставлять на установленной границе регулярные посты для обеспечения правопорядка и пресечения пограничных инцидентов со стороны местного населения.

4. Военный конвой комиссаров подлежал паритетному сокращению до 100 человек с каждой стороны; любое увеличение численности охраны запрещалось без взаимного согласия глав разграничительных комиссий.

Выдвинутая российским кабинетом программа свидетельствовала о стремлении Санкт-Петербурга перевести кризис в русло дипломатического

¹ Афганское разграничение.... ч. II. с. 233.

урегулирования. Отказ от немедленного полномасштабного занятия Пендинского оазиса и готовность к компромиссу по Зульфегару демонстрировали намерение российской дипломатии деэскалировать конфликт, сохранив при этом ключевые геополитические результаты мартовского продвижения.¹

Однако конструктивные предложения российского внешнеполитического ведомства на данном этапе не встретили поддержки в Лондоне. 7 [19] апреля 1885 года британский кабинет министров, приостановив двусторонние консультации по демаркации, актуализировал обсуждение инцидента при Таш-Кепри. Ссылаясь на вновь полученные рапорты своего комиссара генерала П. Ламсдена, которые существенно расходились с официальной версией начальника Закаспийской области генерала Л.Н. Комарова, британская сторона настаивала на учреждении паритетной международной комиссии для проведения беспристрастного расследования причин столкновения.

Акцентируя внимание на процедуре расследования, Форин-офис стремился переложить ответственность за эскалацию конфликта на российские войска, тем самым нивелировав собственные просчеты в управлении афганскими формированиями на Герируде. Этот демарш положил начало длительному раунду дипломатической переписки.

В ответном послании Санкт-Петербург констатировал, что стремление Сент-Джеймского кабинета детально ознакомиться с обстоятельствами кризиса представляется вполне естественным, однако российская сторона не усматривает практической целесообразности в предлагаемом расследовании. МИД России подчеркивал, что доклад генерала Л. Н. Комарова содержит исчерпывающие данные, полностью освобождающие российское командование от ответственности за начало военных действий. «Вместе с тем, — отмечалось в российской ноте, — мы не намерены входить в рассмотрение

¹ Афганское разграничение.... ч. II. с. 233-235.

образа действий, которого английские офицеры держались ввиду этих осложнений. Тем не менее мы не можем не пожалеть о том, что они не сочли возможным оказать свое содействие представлениям, с которыми командующий русскими войсками обратился к афганскому генералу, каковое обстоятельство, без всякого сомнения, предупредило бы столкновение».¹

В меморандуме, направленном британскому послу в Санкт-Петербурге, внешнеполитическое ведомство Российской империи подчеркивало, что военные меры начальника Закаспийской области носили вынужденный характер. Афганские формирования, проигнорировав неоднократные предупреждения российского командования, перешли на левый берег реки Кушка и приступили к фортификационным работам. Отмечалось, что генерал Л.Н. Комаров не получал от центрального правительства директив на ведение наступательных действий против Афганистана и не имел намерений аннексировать Пендинский оазис. Доказательством оборонительного характера операции служил тот факт, что российские подразделения, отразив вооруженное выступление афганской стороны, немедленно вернулись на левый берег Кушки и заняли прежние позиции. Если бы Санкт-Петербург преследовал цель силовой ликвидации афганского суверенитета или провоцирования масштабного конфликта с Великобританией, военные действия были бы продолжены.

Параллельно с официальной перепиской кризис активно обсуждался на страницах периодической печати. Как сообщала газета «Новое время», в начале апреля 1885 года одно из лондонских изданий раскрыло подоплеку функционирования британской пограничной комиссии. Согласно оценке британских обозревателей, миссия генерала П. Ламсдена с самого начала являлась скрытой политической комбинацией, разработанной Министерством по делам Индии в Лондоне и Секретариатом иностранных дел в Калькутте с целью принудить Россию к эскалации посредством демонстрации военной

¹ Нота Министерства иностранных дел России послу Великобритании в Санкт-Петербурге сэру Р. Морьеру (или поверенному в делах), апрель 1885 г. // АВПРИ. - Ф. 133 (Канцелярия МИД). - Оп. 470. - Д. 86. - Л. 112–115.

силы и подкупа местной племенной верхушки. Пресса констатировала, что «столкновение между афганцами и русскими явилось результатом поведения Ламсдена и его подчиненных, которое неизбежно должно было вызвать раздражение русских и дерзость афганцев». Британские авторы признавали, что «главная ответственность за эту войну и ее ужасные последствия, если война действительно произойдет, ляжет на Англию, а не на Россию», особо подчеркивая кулуарный характер миссии: «Английский парламент не обсуждал вопроса о направлении этой миссии, и премьер-министр наотрез отказался что-либо сообщить о ней...».¹

Анализ материалов периодической печати дает дополнительные основания для вывода об ответственности британских представителей за эскалацию конфликта у Таш-Кепри в период работы разграничительной комиссии. В случае дефицита решимости с российской стороны и неспособности пресечь вооруженную провокацию на Кушке, равно как и в случае полного принятия эмиром Абдуррахман-ханом британских предложений, Лондон неизбежно получил бы операционные преимущества для реализации наступательных планов в Средней Азии.

Об этом, в частности, свидетельствуют секретные дипломатические контакты лидеров британской консервативной оппозиции. Так, один из видных деятелей партии «тори» лорд Рэндольф Черчилль в конфиденциальной беседе с находившимся в Лондоне германским дипломатом графом Г. фон Бисмарком прямо заявлял, что поскольку Зульфагарский проход имеет важнейшее стратегическое значение для России, а Герат является «ключом к Индии», то он «ни минуты не поколебался бы вести войну из-за Герата».² Британский политик выражал полную уверенность в неизбежном военном поражении Российской империи, указывая, что в рамках глобальной кампании «Англия имеет в качестве объектов нападения Владивосток и Черное море», а

¹ См.: Пограничный инцидент на Кушке // Новое время. - 1885. - 3 (15) апр. (№ 3267). Цит. по: Туркестанский сборник / сост. В. И. Межов. - Ташкент, 1885. - Т. 365. - С. 48.

² Частное письмо тайного советника Вильгельма фон Бисмарка государственному канцлеру Бисмарку от 19 августа 1885 г. // АВПРИ. - Ф. 138 (Секретный архив МИД). - Оп. 467. - Д. 12. - Л. 78..

на центральноазиатском театре военных действий «туркмен можно легко возмутить» против российской администрации».¹

Подобные заявления влиятельных представителей британского политического истеблишмента наглядно демонстрируют наступательный и бескомпромиссный характер центральноазиатского курса Лондона в отношении Российской империи. В сложившихся условиях российское правительство заняло твёрдую позицию, отклонив требования британской стороны о проведении международного расследования обстоятельств инцидента при Таш-Кепри и категорически отказавшись привлекать к ответственности генерала Л. Н. Комарова. Император Александр III в своей резолюции однозначно определил границы суверенитета империи в данном вопросе, заявив, что, «признавая себя единственным судьей в вопросе о том, насколько действия генерала Комарова сообразны с его повелениями... не может допустить следствия над означенными действиями. Ввиду этого всякое дальнейшее рассмотрение дела представляется праздным и бесплодным».² Твёрдость Санкт-Петербурга де-факто дезавуировала попытки Великобритании оказать политическое давление и вынудила Лондон продолжить разграничение на основе предложенного Россией компромисса».³

К апрелю 1885 года военно-политическая обстановка в Центральноазиатском регионе и на Среднем Востоке достигла наивысшей точки эскалации. Британская дипломатия предприняла попытку интернационализации конфликта, стремясь получить согласие османского правительства на проход эскадр Королевского флота через Черноморские проливы (Босфор и Дарданеллы) для создания прямой угрозы южному побережью Российской империи. Целью данного демарша Сент-Джеймсского кабинета являлось оказание комплексного стратегического давления на Санкт-Петербург, чтобы принудить российскую сторону к

¹ См.: Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. - Berlin, 1922. - Bd. 4. - S. 112–114.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. И. В. Козьменко. - М. : Госполитиздат, 1952. - С. 245.

³ Афганское разграничение... ч. 11, стр. 263.

уступкам в ходе территориального разграничения в бассейнах рек Мургаб и Герируд. Однако благодаря симметричным действиям российской дипломатии султан ответил категорическим отказом на британские запросы, заблокировав проход военных судов. Таким образом, попытка Лондона использовать черноморский плацдарм в качестве инструмента геополитического шантажа потерпела неудачу.¹

Сложившаяся геополитическая конъюнктура заставила британский кабинет радикально пересмотреть тактическую линию на переговорах по демаркации рубежей. 16 [28] апреля 1885 года российское правительство выступило с инициативой временной нейтрализации Пендинского оазиса до окончательного разрешения пограничного спора.² Не имея эффективных рычагов противодействия, Лондон согласился с российскими условиями.

Уже 23 апреля [5 мая] 1885 года Министерство иностранных дел Великобритании официально уведомило российского посла в Лондоне Е. Е. Стааля о намерении британской стороны безотлагательно возобновить двусторонние консультации.³ Глава Форин-офиса выразил пожелание, чтобы итоговые параметры разграничения, согласованные в Лондоне, были юридически зафиксированы в форме двусторонней конвенции, и просил прояснить позицию Санкт-Петербурга по данному вопросу. Одновременно британская сторона гарантировала незамедлительный отзыв генерала П. Ламсдена, мотивируя это тем, что после выработки компромиссных решений на уровне правительств двух империй деятельность локальной разграничительной комиссии теряет прежнее политическое значение. Руководство оставшимся штабом британской миссии предлагалось возложить на полковника Дж. У. Риджуэя, уже входившего в состав комиссии.⁴

¹ История дипломатии, т. П. М., 1945, стр. 74.; См.: Донесения чрезвычайного посла в Константинополе А. И. Нелидова министру иностранных дел Н. К. Гирсу, апрель 1885 г. // АВПРИ. - Ф. 133 (Канцелярия МИД). - Оп. 470. - Д. 92. - Л. 15–18.

² См.: Афганское разграничение: переговоры между Россией и Великобританией (1872–1885). - СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1886. - Ч. 1. - С. 273.

³ Там же: С. 279.

⁴ История дипломатии, т. П. М., 1945, стр. 74.; См.: Донесения чрезвычайного посла в Константинополе А. И. Нелидова министру иностранных дел Н. К. Гирсу, апрель 1885 г. // АВПРИ. - Ф. 133 (Канцелярия МИД). - Оп. 470. - Д. 92. - Л. 15–18.

Российское внешнеполитическое ведомство сочло британские предложения преждевременными. В депеше от 25 апреля [7 мая] 1885 года на имя посла в Лондоне Н.К. Гирс указывал, что подписание полномасштабной конвенции на данном этапе не отвечает интересам Санкт-Петербурга, поскольку российские военные топографы не имели возможности провести исчерпывающие исследования территорий за пределами линии расположения своих постов от Герируда до Мургаба, в то время как британская сторона детально изучила всю пограничную зону вплоть до Амударьи. Глава МИД резюмировал, что на переговорах в Лондоне допустимо выработать соглашение лишь по узловым пунктам, тогда как детализацию рубежей следовало делегировать комиссарам непосредственно на местах. Кроме того, определение демаркационной линии на восточном участке — от озера Сары-Куль до урочища Ходжа-Салех — также могло потребовать отправки специальной рекогносцировочной миссии. «Поэтому пока, — утверждал Н. К. Гирс, — следует ограничиться подписанием протокола относительно соглашения по главным пунктам русско-афганской границы между Герирудом и Аму-Дарьей».¹

На основе этой прагматичной позиции стороны перешли к согласованию конкретных топографических параметров. В тот же день, 25 апреля [7 мая], Е. Е. Стааль направил в Санкт-Петербург официальную ноту британского кабинета, содержащую следующий проект разграничительной линии: «Пограничная черта будет иметь начало на Герируде в пункте, лежащем севернее Зульфагара и определенном таким образом, чтобы Зульфагарский проход оставался в пределах афганских владений. От этого пункта она пройдет между Ак-Рабатом и Кехриз-и-Суме и направится к Ислиму, где перейдет на правый берег реки Эгри-Гёк, оставляя Ислим вне афганской территории. Отсюда пограничная черта направится по гребню холмов, окаймляющих правый берег Эгри-Гёка, и, оставляя Чемени-Бид вне афганских пределов,

¹ Нота министра иностранных дел Н. К. Гирса российскому послу в Лондоне Е. Е. Стаалю от 25 апреля (7 мая) 1885 г. // АВПРИ. - Ф. 133 (Канцелярия МИД). - Оп. 470. - Д. 87. - Л. 12–15.

аналогичным образом будет следовать по гребню холмов, окаймляющих правый берег Кушки, до Хауз-Хана. Отсюда граница пойдет почти по прямой линии до Бенди-Надира, находящегося в 12 верстах ниже Меручака и имеющего остаться за Россией. Что же касается разграничения к востоку от Пенде до Ходжа-Салеха, то ввиду недостаточности имеющихся об этой стране сведений британские министры предлагают предоставить Комиссии провести граничную черту в пределах зоны, северной границей которой служила бы линия, проведенная в 30 верстах от той, которую предложила российская сторона. При этом подразумевается, что граница будет проведена таким образом, чтобы за афганцами оставались обрабатываемые земли и сообразно справедливости были определены границы пастбищ, принадлежащих племенам, находящимся под властью как России, так и Афганистана. Северная граница зоны должна пройти севернее Дукчи и оттуда направиться прямо к Ходжа-Салеху».¹

Российское правительство с определенными оговорками приняло британские предложения, после чего на протяжении мая и первой половины июня 1885 года стороны вели интенсивные переговоры, направленные на верификацию локальных участков демаркации. Центральное место в этих дискуссиях занял вопрос о принадлежности Зульфегарского прохода, который британский кабинет по военно-стратегическим и политическим соображениям стремился включить в состав Афганистана. С одной стороны, контроль над этим дефиле позволял Кабулу удерживать важный оборонительный рубеж на герирудском направлении, с другой — для кабинета У. Гладстона уступка Зульфегара Афганистану являлась принципиальным политическим компенсатором в глазах британского парламента и прессы после неудачного для Лондона Таш-Кепринского (Пендинского) инцидента.

Санкт-Петербург выразил принципиальное согласие уступить южную часть Зульфегарского ущелья. Однако в целях обеспечения оперативно-

¹ Деша чрезвычайного и полномочного посла в Лондоне Е. Е. Стааля министру иностранных дел Н. К. Гирсу от 25 апреля (7 мая) 1885 г. // Там же. - Л. 22–26. (См. также: Афганское разграничение... Ч. 1. - С. 283).

тактической безопасности новых среднеазиатских рубежей Империи и исключения внезапного прорыва со стороны сопредельной территории в будущем, Военное министерство командировало в данный район группу военных топографов для проведения детальной инструментальной съемки и составления точной крупномасштабной карты ущелья. К августу 1885 года картографические работы были завершены, что позволило российскому дипломатическому корпусу выступить с технически обоснованным предложением о компромиссном разделе Зульфагарского прохода.¹

В качестве начального пункта совместных демаркационных мероприятий российская сторона предложила определить Мургаб — крайнюю точку, фактически контролируемую российскими подразделениями. Согласно замыслу Санкт-Петербурга, комиссарам следовало зафиксировать локальные границы Пендинского оазиса, после чего продолжить демаркацию в западном направлении к Зульфагару. При этом на комплектование российского отдела разграничительной комиссии и его передислокацию к месту непосредственных работ требовалось около двух месяцев.

Британский кабинет, напротив, настаивал на том, чтобы съезд комиссаров состоялся в Зульфагаре, а топографические работы развивались с запада на восток. В случае принятия этой схемы Форин-офис выражал готовность санкционировать занятие российскими войсками северной части Пендинского оазиса в пределах шести миль от слияния рек Кушка и Мургаб. Российская дипломатия ответила согласием на изменение маршрута комиссии, однако выдвинула встречное стратегическое условие: расширить зону российского военного контроля в оазисе на юг вплоть до урочища Банди-Надира (Бенди-Надир).

¹Протокол, содержащий соглашение между Россией и Великобританией относительно разграничения Афганистана, подписанный в Лондоне 29 августа (10 сентября) 1885 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. - М.: Госполитиздат, 1952. - С. 247–249. (См. также: АВПРИ. - Ф. 133. - Оп. 470. - Д. 98. - Л. 2–5).

В результате достигнутого компромисса 29 августа [10 сентября] 1885 года в Лондоне состоялось подписание итогового Протокола о пересмотре русско-афганской границы. В текст документа вошли принципиальные условия, сформулированные российским правительством на завершающем этапе переговоров: зона российской юрисдикции распространялась на юг до Банд-и-Надира, а пространство от данного пункта до новой афганской границы объявлялось нейтральной (демилитаризованной) зоной на период проведения демаркационных работ.¹

Детально ознакомившись со стратегической ситуацией в южной части новоприобретенных среднеазиатских владений, российское правительство пришло к убеждению, что стабильную и бесспорную государственную границу необходимо проводить с учетом этнографического фактора. Главной задачей здесь являлось недопущение искусственного разделения однородных племенных групп между двумя государствами. В данном контексте речь шла прежде всего о туркменах-сарыках, которые на основании фундаментального соглашения 1873 года (сделки Шувалова — Гренвилла) официально не признавались подвластными Кабулу. В то же время оседлые и полукочевые племена джемшидов и хазарейцев традиционно рассматривались как подданные афганского эмира.

На основе этих принципов 25 сентября [7 октября] 1885 года главе российского отдела разграничительной комиссии полковнику П. П. Кульбергу было предписано прибыть в Зульфагар, где не позднее 24 октября [5 ноября] должны были начаться практические демаркационные работы. В ходе проведения пограничной линии российскому комиссару поручалось детально учитывать локальные географические и этнографические условия, стремясь к справедливому разделению пахотных земель, пастбищных угодий и водных ресурсов с целью пресечения потенциальных межобщинных конфликтов в

¹ Протокол, содержащий соглашение между Россией и Великобританией относительно разграничения Афганистана, подписанный в Лондоне 29 августа (10 сентября) 1885 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. - М.: Госполитиздат, 1952. - С. 247–249. (См. также: АВПРИ. - Ф. 133. - Оп. 470. - Д. 98. - Л. 2–5).

будущем. Наконец, согласно министерской инструкции, предписывалось «...вести границу преимущественно по водоразделам крупнейших и малых речных бассейнов, а не по рекам, которые в этих местах не образуют ни естественных, ни политических границ».¹

В установленные сроки комиссары обеих держав приступили к практическим полевым работам по демаркации пограничной линии на обширном пространстве от реки Герируд до пункта, расположенного примерно в 60 верстах к западу от Амударьи. Однако в сентябре 1886 года комиссия, так и не выполнив в полном объеме возложенные на нее задачи, была вынуждена приостановить свою деятельность.

Главной причиной преждевременного прекращения демаркационных работ послужили глубокие концептуальные разногласия, возникшие между сторонами по вопросу начертания пограничного рубежа на Амударьинском плесе. Выяснилось, что в данном субрегионе между бухарскими и афганскими владениями исторически сложилась межа, принципиально не соответствовавшая букве русско-афганского соглашения 1873 года.

Согласно букве соглашения 1873 года, крайним западным пунктом афганских владений на Амударье должен был признаваться пост Ходжа-Салех (Ходжа-Салар). На практике же реальная этно-территориальная граница проходила значительно западнее — между бухарским селением Босага и афганским кишлаком Хамиаб (Хамнаб). Отсутствие верифицированных топографических и статистических данных на момент дипломатических собеседований привело к тому, что в текст Лондонского протокола от 29 августа [10 сентября] 1885 года были ошибочно включены в качестве афганских территорий те земли, которые российская администрация традиционно рассматривала как независимые от Кабула или принадлежащие Бухарскому эмирату. Стремясь скорректировать допущенную ошибку, российское правительство направило своему комиссару полковнику П.П.

¹ НАУз. Ф. КТГГ, оп. 3, д. 638, л. 24.; Инструкция комиссару по русско-афганскому разграничению полковнику П. П. Кульбергу от 25 сентября 1885 г. // РГВИА. - Ф. 446 (Комиссия по установлению среднеазиатской границы). - Оп. 1. - Д. 4. - Л. 12–15. (См. также: Афганское разграничение... Ч. 1. - С. 312).

Кульбергу категорическое предписание: не соглашаться на компромиссные предложения британского комиссара полковника Дж. У. Риджуэя и жестко настаивать на строгом соблюдении духа соглашения 1873 года.¹

Ввиду возникших непреодолимых противоречий комиссары двух держав не смогли прийти к консенсусу относительно демаркации амударьинского участка и покинули зону разграничения, констатируя локальный процедурный тупик. В начале 1887 года британское правительство обратилось к Санкт-Петербургу с предложением завершить разграничение на основе картографических и статистических материалов, собранных полевой комиссией. Российская сторона не возражала против возобновления диалога, однако выдвинула встречное условие: перенести переговорный процесс непосредственно в столицу Российской империи.

Для участия в заседаниях в Санкт-Петербург прибыл британский уполномоченный полковник Дж. У. Риджуэй; с российской стороны ведение переговоров было возложено на директора Азиатского департамента МИД И. А. Зиновьева. В ходе работы совещания окончательно подтвердилась невозможность точной локализации на берегах Амударьи географических ориентиров, зафиксированных в старых дипломатических актах. Полковник Дж. У. Риджуэй последовательно отстаивал прежнюю позицию Форин-офиса, в то время как И. А. Зиновьев пунктуально придерживался буквы соглашения 1873 года. Ссылаясь на дух Лондонского протокола, российский дипломат аргументированно доказывал, что британская сторона, пользуясь прежней слабой изученностью местности российскими военными топографами, стремилась интерпретировать любые спорные статьи соглашения исключительно в свою пользу, что наносило прямой ущерб хозяйственным интересам новых российских подданных – туркмен-сарыков. Британский уполномоченный категорически отвергал данные претензии, указывая, в

¹ Из донесения комиссара полковника П. П. Кульберга в Главный штаб от 12 (24) сентября 1886 г. // РГВИА. - Ф. 401 (Военно-ученый комитет). - Оп. 4 (Дела по Азии). - Д. 54. - Л. 89–94. (Подробный разбор коллизии см. также: *Риджуэй Дж. У.* Отчет о работе англо-русской разграничительной комиссии в Афганистане. - СПб., 1888. - С. 112–115).

частности, на то, что магистральные ирригационные каналы, обеспечивавшие водоснабжение земель к западу от Ходжа-Салеха, имели свои истоки в районе Келифа.¹

Очевидно, что при фиксации пограничных рубежей в ходе переговоров 1872–1873 годов, а также при заключении Лондонского протокола 1885 года, сторонами был допущен ряд концептуальных упущений, вызванных нехваткой достоверных топографических данных. Данная неопределенность на тот момент была в известной степени выгодна британской стороне, так как афганские формирования фактически не контролировали значительную часть указанных территорий.

Полковник Дж. У. Риджуэй, стремясь ограничить территориальные уступки в пользу России, предложил крайне узкую интерпретацию компромисса: он выразил готовность лишь на передачу пространства по левому берегу реки Мургаб, эквивалентного площади земель, возделываемых туркменами-сарыками (по его подсчетам, не более 8 кв. верст). В случае отказа российской стороны от столь ограниченных условий, британский представитель настаивал на передаче спора в международный арбитраж с участием третьей стороны-посредника.

Подобная инициатива была категорически отклонена Санкт-Петербургом. И. А. Зиновьев получил от МИД России предписание жестко отвергнуть предложение британского уполномоченного, аргументируя это тем, что «российское правительство никогда не согласится на передачу в арбитраж вопроса, с которым связаны весьма существенные интересы, оценить которые может только само российское правительство».² Подобный дипломатический демарш продемонстрировал суверенную решимость России завершить процесс демаркации исключительно на основе прямых

¹ НАУз. Ф. КТГГ, оп. 3, д. 676, л. 190.; См.: Журналы заседаний по вопросу о русско-афганском разграничении между директором Азиатского департамента МИД И. А. Зиновьевым и британским уполномоченным полковником Дж. У. Риджуэем. Май - июль 1887 г. // АВПРИ. - Ф. 133 (Канцелярия МИД). - Оп. 470. - Д. 104. - Л. 45–52. (Британскую версию аргументации см.: Central Asia. No. 2 (1887): Further Correspondence respecting the Affairs of Central Asia. - London, 1887. - P. 34–38).

² Телеграфное предписание министра иностранных дел Н. К. Гирса директору Азиатского департамента И. А. Зиновьеву от 30 июня (12 июля) 1887 г. // АВПРИ. - Ф. 133. - Оп. 470. - Д. 104. - Л. 120–122.

двусторонних консультаций, без привлечения третьих сил, что предопределило итоговый успех переговоров летом 1887 года».¹

После подобной принципиальной постановки вопроса британский представитель полковник Дж. У. Риджуэй приостановил переговоры для получения дополнительных директив из Лондона. По возвращении британского уполномоченного в Санкт-Петербург переговорный процесс приобрел более конструктивный характер. Осознавая твердость российской позиции, Риджуэй принял большую часть предложений российской стороны. Со своей стороны, Санкт-Петербург, стремясь к скорейшему завершению демаркации, пошел на ответный компромисс: российское правительство отказалось от претензий на левый берег реки Кушка, где к тому моменту уже был возведен афганский форт, а также на Меручак, имевший статус укрепленного афганского пункта. Остальные пункты проекта, представленного И. А. Зиновьевым, были согласованы британской стороной.

Итогом достигнутых договоренностей стало присоединение к российским владениям в Пендинском оазисе территории площадью около 2000 кв. верст. В состав данных земель вошли плодородные сельскохозяйственные угодья, вся сеть ирригационных каналов, обеспечивавших их обводнение, а также наиболее ценные пастбищные ресурсы Закаспийской области. Подписание 10 [22] июля 1887 года Санкт-Петербургского протокола окончательно зафиксировало государственную границу, завершив тем самым наиболее напряженный этап англо-русского противостояния в Центральной Азии.²

После согласования ключевых параметров российско-афганского разграничения 10 [22] июля 1887 года уполномоченными обеих сторон был подписан итоговый Протокол, установивший юридически выверенное описание государственной границы. Согласно документу: «...уклоняясь от

¹ НАУз. Ф. КТГГ, оп. 3, д. 676, л. 191.

² Протокол, определяющий границу между Россией и Афганистаном от Кушки до Амударьи, подписанный в Санкт-Петербурге 10 (22) июля 1887 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. - М., 1952. - С. 251–254.

прежней линии, намеченной Комиссией у пограничного столба № 19 (несколько ниже Ислима), граница направляется к месту слияния рек Эгри-Гёк и Кушка, пересекает долину последней выше Туршаека и, пройдя некоторое расстояние в северо-восточном направлении, поворачивает к Мургабу, к которому примыкает несколько выше слияния с рекой Кайсар. От этого пункта граница спускается по тальвегу Мургаба и переходит на его правый берег в точке, расположенной в трех верстах к северу от форта Меручак, откуда ее направление совпадает с начертанием прежней границы. От Гечи-Кума, до которого дошла черта, проведенная Комиссией, граница направляется к Амударье. На самой Амударье сохраняется существующее разграничение между селениями Босага и Хамиаб с включением в состав российских владений всех каналов, орошавших земли селения Босага».¹

Таким образом, к лету 1887 года была окончательно демаркирована северо-западная граница Афганистана, разделившая владения Российской империи (Закаспийскую область) и афганского эмира. Однако в северо-восточном секторе, примыкающем к Памиру, вопрос о государственной границе оставался открытым. Согласно англо-русскому соглашению 1873 года, северо-восточным рубежом афганского государства признавалось русло Амударьи от озера Зоркуль (Сары-Куль). Несмотря на это, британская сторона неоднократно предпринимала попытки сместить границу на север, стремясь обеспечить стратегический контроль над ключевыми позициями за Гиндукушским хребтом.

В действительности, вплоть до середины 1880-х годов пределы владений афганского эмира в этой части Афганского Туркестана оставались юридически не закрепленными и спорными, а отсутствие достоверных топографических и этнографических данных препятствовало выработке компромиссного решения. Определение границ таких областей, как Куляб, Дарваз и припамирские ханства, было невозможно без проведения

¹ НАУз. Ф. КТГГ, оп. 3, д. 676, ал. 192-193.; Протокол, определяющий границу между Россией и Афганистаном от Кушки до Амударьи, подписанный в Санкт-Петербурге 10 (22) июля 1887 г.

масштабных научных экспедиций. Политическая нестабильность в регионе усугублялась активной фортификационной деятельностью афганской администрации, создававшей опорные пункты севернее Гиндукуша и Амударьи – в Герате, Балхе, Акче, Ханабаде, Янги-Кала и других стратегически важных пунктах.¹

Нарастающая активность британских представителей в северо-восточном секторе Афганистана вызывала обоснованную обеспокоенность российского правительства. В Санкт-Петербург поступали тревожные сведения о планах продвижения англо-индийских военных миссий в труднодоступные районы Бадахшана. Лондон придерживался той же тактики, что и в ходе Пендинского кризиса: попытка создать ситуацию «свершившегося факта» до завершения официального процесса демаркации. Одновременно в Бухару доходили донесения о подготовке отправки в данный регион подразделений англо-индийских войск, что рассматривалось как прямое нарушение сложившегося баланса сил.

25 апреля [7 мая] 1886 года российский политический агент в Бухаре Н. В. Чарыков направил донесение, в котором предупреждал, что прибытие даже незначительного англо-индийского отряда в Бадахшан неизбежно укрепит стремление афганского эмира к удержанию спорных территорий Шугнана и Рушана. Кроме того, подчеркивал дипломат, появление британских военных «возбудит в туземном населении ожидание войны между Россией и Англией», что дестабилизирует обстановку в регионе, до того момента сохранявшем относительную лояльность к бухарскому протекторату и российскому влиянию».²

Появление англо-индийского военного контингента в столь отдаленном регионе могло стать детонатором для антироссийских выступлений среди «враждебных элементов», при этом купирование вооруженного конфликта в

¹ НАУз. Ф. КТГГ, оп. 3, д. 676, ал. 192-193.

² НАУз. Ф. КТГГ, оп. 1, д. 1, д. 52; См.: Донесение политического агента в Бухаре Н. В. Чарыкова директору Азиатского департамента МИД И. А. Зиновьеву от 25 апреля (7 мая) 1886 г. // АВПРИ. - Ф. 133 (Канцелярия МИД). - Оп. 470. - Д. 104. - Л. 112.

горных условиях Гиндукуша и Памира представлялось для Санкт-Петербурга значительно более сложной задачей, нежели на относительно доступном Мургабе.

Напряженность на северо-восточных рубежах Афганистана усугублялась фактом активного перевооружения бадахшанских гарнизонов британскими инструкторами. Согласно имеющимся данным, в 1886 году эмир Абдуррахман-хан получил от Великобритании 35 000 винтовок, из которых 7 000 были переправлены в Бадахшан и Северный Вилает (Катаган-Бадахшан). Параллельно британские военные инженеры форсировали прокладку телеграфной линии, соединяющей Кабул с северными районами страны.

Н.В. Чарыков сообщал, что в середине июня 1886 года делегация британских офицеров (около 200 человек) была с почестями принята начальником Бадахшанского округа. Британские специалисты провели рекогносцировку дорожной сети и горных перевалов, после чего посетили Вахан, Шугнан, Ташкурган и Мазари-Шариф. В ходе данных перемещений осуществлялась широкая разведывательная деятельность, включавшая военно-топографические съемки и модернизацию оборонительных укреплений на афганской стороне границы.

Российская сторона через своего посла в Лондоне Е. Е. Стааля запросила британское правительство о целях пребывания данных миссий в приграничной полосе. Официальный Лондон ответил отрицанием самого факта отправки войск в Бадахшан. Однако данные ответы носили характер дипломатического уклонения, так как британская сторона не могла опровергнуть документально подтвержденные факты ведения разведывательных работ британскими офицерами в Северном Афганистане.¹

Если бы британское правительство действительно стремилось к нормализации межгосударственных отношений в ходе демаркации северного Афганистана, то ему не было бы нужды прибегать в Бадахшане к методам, аналогичным тем, что использовались ранее в Гератской провинции.

¹ НАУз. Ф. И-2 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 1. - Д. 81. - Л. 81.

Очевидно, что действия Лондона носили преднамеренно провокационный характер.

Тем не менее, сложившаяся геополитическая конъюнктура в Европе, а также обострение англо-французских и англо-германских противоречий в процессе колониального раздела Африки и Юго-Восточной Азии, существенно ограничили внешнеполитическую свободу маневра Великобритании. Отсутствие надежных союзников в противостоянии с Российской империей в Средней Азии заставило Лондон изменить тактику. В конечном итоге попытки британских правящих кругов под предлогом демаркации спровоцировать военное столкновение между Афганистаном и Россией потерпели крах. Стремление «действовать чужими руками», пытаясь обеспечить новые колониальные приобретения за счет вовлечения Афганистана в прямой конфликт с Санкт-Петербургом, не принесло желаемого результата, что создало предпосылки для завершения процесса русско-афганского разграничения на приемлемых для России условиях.¹

В 1888 году в северных провинциях Афганистана вспыхнуло антиправительственное восстание против эмира Абдуррахман-хана. Британская администрация в Индии стремилась использовать данный внутренний политический кризис для укрепления своих позиций в регионе, рассматривая его как возможность для экспансии в направлении северных рубежей Гиндукуша.²

Несмотря на то, что восстание было достаточно оперативно подавлено силами эмира, активность британских разведывательных миссий в Памирском регионе значительно возросла. Проникновение британских агентов в районы Памира, создававшее угрозу доступа к Ферганской долине и Кашгару, рассматривалось российским военным командованием как попытка дестабилизации приграничных территорий Российской империи. В историографии данный комплекс противоречий получил название

¹ Халфин Н.А. Провал Британской агрессии в Афганистане (XIX в. начало XX в.). М., 1969, стр. 139

² НАУз. Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 34. - Д. 686. - Л. 137.

«Памирского вопроса», в рамках которого британская сторона предпринимала усилия по ограничению российского влияния в регионе, используя фактор афганского присутствия как инструмент сдерживания Санкт-Петербурга.¹

В 1893 году британское правительство направило в Кабул специальную миссию во главе с сэром Генри Мортимером Дюрандом для урегулирования англо-афганских отношений и достижения окончательной договоренности по «Памирскому вопросу». Переговоры выявили серьезные противоречия между Кабулом и Лондоном. Британская сторона настаивала на закреплении за Афганистаном южной части Вахана, рассматривая данную территорию как стратегический «буфер» между российскими владениями в Средней Азии и британскими в Индии.

Перспектива уступки значительных территорий, традиционно населенных пуштунскими племенами, вызвала резкое недовольство внутри Афганистана. Эмир Абдуррахман-хан, вынужденный лавировать между интересами народа и давлением британской дипломатии, оказывал упорное сопротивление требованиям Лондона. Тем не менее, под угрозой прямого военного давления эмир был вынужден согласиться на проведение новой границы. В ноябре 1893 года было подписано соглашение об установлении индо-афганской границы, получившее название «линии Дюранда». По итогам переговоров Великобритания взяла под контроль стратегически значимые территории восточно-афганских племен.

В 1895 году процесс разграничения был завершен: Афганистан получил контроль над частью Дарваза на левом берегу Пянджа, тогда как Шугнан, Рушан и часть Вахана отошли к сфере влияния Российской империи. Оставшаяся часть Вахана (выше слияния рек Памир и Пяндж) была передана Афганистану, что сформировало узкий «Ваханский коридор», эффективно разделивший российские владения на Памире и северо-западную границу Британской Индии. «Этим соглашением были окончательно установлены границы России на протяжении около 2400 км: от стыка Афганистана с

¹ НАУз. Ф. И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). - Оп. 34. - Д. 753. - Л. 102.

Ираном в Зульфагарском проходе до точки сопряжения границ Афганистана и Китая у пика Повало-Швыйковского».¹

В рассматриваемый период Афганистан сохранял статус аграрного государства с архаичной экономической структурой. Производительные силы страны были серьезно подорваны последствиями англо-афганских войн и длительной международной изоляцией. Политика британской администрации в регионе традиционно опиралась на принцип «*divide et impera*» («разделяй и властвуй»), направленный на поддержание межплеменной разобщенности.

Оценка результатов миссии Дюранда в официальной историографии и документах того времени зачастую носит полярный характер. В своих мемуарах эмир Абдуррахман-хан, описывая итоги переговоров 1893 года, отмечал: «Хотя все эти вопросы были улажены миссией Дюранда и мне было дано соответствующее вознаграждение [субсидии], я осознавал всю тяжесть последствий для территориальной целостности государства...».²

В завершение можно констатировать, что, несмотря на невозможность установления полного контроля над Афганистаном, британская дипломатия добилась решения своей ключевой задачи: создания «буферного государства» и перехода внешней политики Афганистана под фактический протекторат Лондона. При этом британские правящие круги не отказывались от стратегии постепенного ограничения суверенитета страны, однако реализация данных планов сталкивалась с рядом существенных препятствий.

В числе факторов, сдерживавших британскую экспансию, следует выделить устойчивое сопротивление афганского общества, а также изменение глобальной геополитической конъюнктуры. Обострение англо-германских противоречий, нарастание конкуренции в процессе колониального раздела мира и военные расходы, связанные с англо-бурской войной, вынудили Великобританию к пересмотру своей политики. В этих условиях Лондон был

¹ Бабаходжаев А.Х. Провал английской агрессивной политики в Средней Азии (1917-1920). Ташкент. 1955, с. 19.

² Автобиография Абдурахман-хана, т. 11. стр. 316-317.

вынужден отказаться от конфронтационного курса в отношении Российской империи, перейдя к поиску компромиссов, что в конечном итоге привело к формированию англо-российского сближения.

Тем не менее, методы британского влияния в Афганистане на рубеже XIX–XX веков сохраняли свою преемственность: сочетание дипломатического давления, навязывание неравноправных договорных обязательств и экономическое проникновение оставались инструментами британской политики. Внутренняя реакция на подобный курс выразилась в активизации национально-освободительного движения, кульминацией которого в начале XX века стала деятельность младоафганцев во главе с Амануллой-ханом, выступивших против как колониального влияния, так и консервативных социальных институтов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие ключевые выводы:

1. Начиная с 1840-х годов, британское влияние на Среднем Востоке и в Центральной Азии существенно возросло. Правящие круги Великобритании рассматривали Иран, Афганистан и среднеазиатские ханства (Бухарское, Хивинское, Кокандское) не только как перспективные рынки сбыта и источники сырья, но и как буферные зоны, необходимые для обеспечения безопасности британского господства в Индии и создания стратегического плацдарма против Российской империи.

2. В качестве идеологического обоснования своей внешней политики Великобритания активно использовала тезис о «российской угрозе» Индии. Конструирование данного образа позволило Лондону оправдывать расширение своего военно-политического присутствия в регионе. В историографии данный тезис традиционно оценивается как инструмент обеспечения легитимности британской экспансии, что нашло отражение в работах как современников, так и исследователей колониального периода.

3. Англо-российское соперничество к середине XIX века приобрело комплексный характер, переплетаясь с европейскими противоречиями. Попытки Лондона консолидировать антироссийские силы на Востоке, включая использование турецкого фактора и поддержку антироссийской коалиции в ходе Крымской войны, свидетельствуют о глобальном масштабе противостояния двух держав.

4. Стремление Великобритании включить среднеазиатские ханства в орбиту своего влияния неизбежно пришло в противоречие с внешнеполитическими приоритетами Санкт-Петербурга. Российское правительство, рассматривая регион как зону своих жизненных интересов, предприняло ряд мер по консолидации собственных позиций, что в конечном итоге привело к началу процесса активного включения Средней Азии в состав Российской империи.

5. Процесс присоединения Средней Азии к России привел к установлению новой системы управления, сочетавшей элементы колониальной администрации с сохранением определенных традиционных институтов. Установление российского протектората и прямого правления сопровождалось сложными процессами социальной и экономической трансформации, которые сформировали новую модель общественно-политического развития региона.

Вхождение Средней Азии в состав Российской империи стало поворотным моментом, положившим конец периоду политической изоляции региона и многолетним феодальным междоусобицам, дестабилизировавшим общественную жизнь. Присоединение к России привело к включению региона в единое экономическое пространство, что обеспечило интеграцию среднеазиатской экономики в систему общероссийских и мировых рыночных отношений.

Данный процесс способствовал постепенной трансформации социально-экономического уклада, развитию товарно-денежных отношений и стимулировал становление начальных форм капиталистического производства. Рост рыночного спроса со стороны промышленно развитых центров России стал значимым фактором модернизации экономики края, способствуя развитию как перерабатывающих отраслей, так и инфраструктуры (в частности, строительства железных дорог).

Вступление в состав Российской империи имело долгосрочные последствия и в социокультурной сфере. Регион стал доступен для трансфера передовых на тот момент достижений науки, образования и культуры. Контакты с российским обществом способствовали проникновению демократических и либеральных идей, которые оказали влияние на формирование местной интеллигенции и зарождение общественно-политических движений.

Одним из наиболее значимых итогов интеграции стало формирование тесных социальных и политических связей между народами Средней Азии и

Российской империи. Развитие российского общественно-политического движения способствовало осознанию общности интересов различных народов в борьбе против самодержавия, что стало важным фактором в дальнейших политических процессах начала XX века.

Присоединение среднеазиатских территорий к Российской империи и фактический провал британских планов по установлению контроля над регионом привели к новому этапу обострения англо-российских противоречий.

1. В 1869 году британская сторона предложила новую стратегию, направленную на создание «нейтральной зоны» между российскими и британскими владениями в Центральной Азии.

2. Первоначально российское правительство, стремясь к дипломатическому урегулированию, поддержало данную инициативу. Однако последующие переговоры продемонстрировали расхождение в целях сторон: британские дипломаты стремились под видом нейтрализации включить в сферу своего протектората территории Восточной Бухары, части Хивинского ханства и левобережья Амударьи. В ответ российская дипломатия предложила признать «нейтральной зоной» весь Афганистан, выведя его из сферы влияния обеих держав. Данный подход не встретил поддержки со стороны Лондона.

3. В октябре 1872 года Великобритания предприняла очередную попытку расширить свое влияние к северу от Амударьи, предложив зафиксировать границы Афганистана, включив в них Бадахшан и Вахан. Российское правительство отклонило данное предложение, настаивая на признании этих областей независимыми владениями, что не отвечало стратегическим задачам британской политики в регионе.

4. В 1873 году, в условиях осложнения международной обстановки в Европе и подготовки к активным действиям в отношении Хивинского ханства, Российская империя пошла на компромисс. Итогом переговоров стало англо-российское соглашение конца 1873 года, признавшее Бадахшан, Вахан и территории левобережья Амударьи зоной ответственности афганского эмира.

Данное решение было обусловлено стремлением Санкт-Петербурга избежать одновременного конфликта на нескольких фронтах, в то время как Лондон использовал афганский фактор для перенаправления внешней политики Кабула и обеспечения безопасности своих позиций на северо-восточных рубежах Афганистана.

На протяжении 1870-х годов внешняя политика Великобритании в отношении Афганистана вызывала растущее противодействие как среди населения страны, так и в кругах афганской правящей элиты. Стремление англо-индийской администрации к усилению контроля над внутренними делами эмирата побудило Шир-Али-хана к началу подготовки оборонительных мер, принявших к 1877 году системный характер. В противовес этому британская сторона активно задействовала дипломатические каналы, включая связи с религиозными и политическими кругами Османской империи, для дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Афганистане и провоцирования межфеодалных распрей.

Обострение англо-российских противоречий, вызванное итогами Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и подписанием Сан-Стефанского мирного договора, стало внешним катализатором эскалации напряженности в Центральной Азии. В британской историографической традиции прибытие в Кабул российской дипломатической миссии во главе с Н. Г. Столетовым часто интерпретируется как непосредственная причина начала Второй англо-афганской войны. Однако данный подход представляется упрощенным и тенденциозным. С точки зрения исторической ретроспективы, вторжение британских войск в Афганистан было следствием многолетней стратегии Лондона, направленной на установление протектората над страной и превращение её в стратегический плацдарм для противодействия российскому влиянию в регионе. Прибытие миссии Столетова стало лишь поводом, использованным британским кабинетом для реализации давно подготовленных планов по экспансии.

Военное вмешательство Великобритании в Афганистане спровоцировало широкий протест среди афганского населения, что привело к масштабному народно-освободительному движению. Столкнувшись с упорным сопротивлением и необходимостью стабилизации обстановки после смерти Шир-Али-хана, британское правительство пошло на дипломатическое соглашение с новым эмиром Абдуллахом-ханом. По условиям договоренностей британские войска были выведены из страны, однако за Великобританией закреплялся статус протектора в вопросах внешней политики Афганистана (по результатам войны 1878–1880 гг.).

Данное соглашение использовалось Лондоном как инструмент для дальнейшего продвижения своих интересов в Центральной Азии. Британская разведывательная сеть, действуя через Герат и иранский Хорасан, активизировала деятельность в Туркмении, стремясь дестабилизировать российское влияние в регионе. Одновременно, при поддержке британских советников, афганская администрация в 1883 году инициировала включение Шугнана и Рушана в состав своих владений, что прямо противоречило положениям англо-русского соглашения 1873 года.

В ответ на это российское правительство в 1884 году вновь выступило с инициативой проведения полномасштабной демаркации российско-афганской границы. Официальный Лондон, дав формальное согласие на переговоры, в действительности использовал их в качестве дипломатического прикрытия для подготовки новых стратегических инициатив. Параллельно велась концентрация англо-индийских соединений на северо-западных рубежах Британской Индии и активизировалась разведывательно-диверсионная деятельность. В этот же период генерал-квартирмейстер индийской армии Ч. М. Макгрегор представил детальный план ведения масштабных военных действий против Российской империи, целью которого было нарушение целостности коммуникаций в Средней Азии и ослабление позиций Санкт-Петербурга в регионе.

Российское правительство исходило из того, что предстоящая демаркация должна стать логическим дополнением к англо-российскому соглашению 1873 года. В связи с этим была предложена схема проведения работ от Ходжа-Салеха, который в указанном документе фиксировался как восточный предел владений афганского эмира. Однако британская сторона настояла на ином подходе, аргументируя это приоритетностью интересов в западном секторе, примыкающем к реке Герируд. В целях предотвращения дипломатического тупика Санкт-Петербург согласился на начало демаркационных работ от Герируда.

30 июля [11 августа] 1884 года российское внешнеполитическое ведомство официально уведомило Лондон о необходимости разграничения зон влияния: все туркменские племена сарыков, проживающие на территории от Иолотани до афганских постов, должны были перейти под российское влияние, а эмир Абдуррахман-хан — отказаться от претензий на земли, не находившиеся под его фактическим управлением.

Дипломатический процесс сопровождался острым соперничеством. Британская сторона, стремясь укрепить стратегические позиции в регионе, поддерживала притязания Кабула на ряд спорных территорий. Это создавало почву для российско-афганских трений, которые Лондон стремился использовать для дискредитации российских инициатив. В частности, затягивание переговорного процесса британскими комиссарами в сочетании с активным продвижением афганских отрядов в район Пендинского оазиса привело к дестабилизации обстановки. Кульминацией противостояния стало вооруженное столкновение российских и афганских войск в районе Ташкепри (Пендинский оазис) 18 (30) марта 1885 года.

На фоне обострения ситуации в Пенде англо-индийская администрация инициировала встречу с эмиром Абдуррахман-ханом в Равалпинди. В ходе переговоров британская сторона предлагала эмиру перейти к активным военным действиям против России, обещая всестороннюю финансовую, военную и техническую поддержку, включая укрепление Герата. Однако

Абдуррахман-хан, осознавая угрозу суверенитету Афганистана в случае прямого вовлечения в масштабный конфликт, занял сдержанную позицию. Эмир выразил готовность к территориальному компромиссу по Пендинскому оазису, видя в этом единственный способ избежать полномасштабной войны.

Объективные внешнеполитические факторы также подталкивали стороны к деэскалации. Напряженная обстановка в Европе, осложненная обострением англо-французских и англо-германских противоречий, связанных с колониальным разделом Африки и Юго-Восточной Азии, существенно ограничила внешнеполитические возможности Великобритании. Лондон не располагал поддержкой союзников, необходимой для ведения затяжного конфликта с Российской империей в Средней Азии.

С другой стороны, российское правительство также было заинтересовано в стабилизации региона. В результате интенсивного дипломатического диалога в 1885–1887 годах были завершены переговоры о разграничении, итогом которых стало официальное установление русско-афганской границы. Тем самым была создана правовая база, положившая конец неопределенности в приграничных вопросах и позволившая разрядить напряженность между двумя империями.

Научно-практические рекомендации по результатам исследования:

1. При изучении внешней политики великих держав в Центральной Азии целесообразно использовать междисциплинарный подход, рассматривая англо-российское соперничество не только как сугубо геополитический процесс, но и как совокупность взаимосвязанных военных, экономических, дипломатических и информационных факторов, взаимодействие которых определяло стратегическую повестку исследуемого периода.

2. Исследователям рекомендуется уделять приоритетное внимание институту пограничных демаркационных комиссий. Их деятельность следует рассматривать как гибкий инструмент внешней политики, где выполнение технических функций демаркации часто совмещалось с задачами

геостратегического контроля и политического давления на сопредельные территории.

3. В дальнейших разработках необходимо более детально анализировать роль государств Центральной Азии (в частности, Афганистана) не только как объектов «буферной» политики, но и как активных участников, использующих противоречия между великими державами для укрепления собственной государственности и лавирования в условиях внешнеполитического давления.

4. Для обеспечения объективности выводов и преодоления историографической односторонности следует шире использовать сравнительный анализ документальных комплексов: российских, британских и региональных (туркестанских, афганских) архивных материалов. Это позволит вскрыть дивергенцию стратегических целей и интерпретаций одних и тех же событий в штабах и дипломатических ведомствах противоборствующих сторон.

5. Выводы диссертации могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории международных отношений, истории стран Центральной Азии, а также в рамках спецкурсов по геополитике, способствуя формированию целостного представления о механизмах столкновения интересов великих держав в XIX веке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

1. Российский государственный военно-исторический архив, ф. Военно-ученый архив, д. 18291, 1853 г. л. 7.
2. РГВИА, ф. ВУА, д. 18296, 1856 г., лл. 8-9.
3. РГВИА, ф. ВУА, д. 18297, лл. 14-15. В 1863 г., в связи с англо-русскими осложнениями из-за польского восстания, С.А. Хрулев подал новую, несколько расширенную записку по этому же вопросу; текст ее опубликован в «Русском архиве», 1882 г., кн. 3, стр. 42-46.
4. РГВИА, ф. ВУА, д. 6810 (доверительное письмо от 1 ноября 1869 г., № 3649), л. 41.
5. РГВИА, ф. ВУА, д. 6810, 1869 г., Записка о свидании Д. А. Милютина с Форсайтом, лл. 37-38.
6. РГВИА, ф. ВУА, д. 6810, копия депеши бар. Бруннова (на франц. яз.), № 13 от 10/22 февраля 1869 г., л. 12.
7. РГВИА, ф. ВУА, д. 6853, л. 84. (Депеша от 2/14 июня 1873 г., № 160)
8. РГВИА, ф. ВУА, д. 6853, лл. 15-16. (Копия секретного отношения генерал-адъютанта Игнатьева к директору Азиатского департамента 25 января 1873 г., № 39,)
9. РГВИА, ф. ВУА, д. 18, л. 297.
10. РГВИА, ф. ВУА, л. 41. (Доверительное письмо директора Азиатского департамента МИД, от 1 ноября 1869 г., № 3569)
11. РГВИА, ф. ВУА, д. 6810, л. 6.
12. РГВИА, ф. ВУА, д. 6792, 1881 г., л. 2.
13. Национальный архив Узбекистана (НАУз.), ф. Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ф. КТГГ), оп. 3 д. 424.
14. НАУз., ф. Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства, оп 3, д. 607, л. 202.
15. НАУз., ф. КТГГ, оп 1, д. 35.
16. НАУз., ф. 105, оп. 1, д. 2. л. 106.
17. НАУз., ф. 11, оп. 3, д. 607, л. 147
18. НАУз., ф. 715, оп. 1, д. 16, л. 15,
19. НАУз., ф. КТГГ, оп. 1, д. 406, л. 19
20. НАУз., ф. КТГГ, оп. 1, д. 48, л. 330.
21. НАУз., ф. КТГГ, оп. 1, д. 61, л. 223.
22. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 146, л. 25.
23. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 406, лл. 40-41.
24. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 451, лл. 21-23.
25. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, л. 65

26. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, лл. 140-142
27. НАУз., ф. КТГГ, оп. 34, д. 346, лл. 91-92
28. НАУз., ф. КТГГ, оп. 34, лл. 139-144,
29. НАУз., ф. КТГГ, оп. 34. д. 151, л. 21.
30. НАУз., ф. КТГГ, оп. 34. д. 389.
31. НАУз., ф. КТГГ, оп. 34. д. 753. л. 102,
32. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 676, л. 191.
33. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 676, л. 192.
34. НАУз., ф. 2, оп. 3, д. 4. л. 76.
35. НАУз., ф. 2, т. 3, д. 4, л. 81.
36. НАУз., ф. КТГГ, д. 65, л. 14
37. НАУз., ф. КТГГ, д. 40. л. 23.
38. НАУз., ф. КТГГ, оп. 1, д. 1, д. 52
39. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 607, л. 53
40. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 638, л. 24.
41. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 676.
42. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, лл. 191-193.
43. НАУз., ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, л. 116.
44. НАУз., ф. КТГГ. оп. 34, д. 686, л. 137.
45. НАУз., ф. КТГГ, оп. 1, д. 39, л. 40.
46. НАУз., ф. КТГ ГГ. д. 23, Донесение Оренбургского губернатора военному министру (март 1860 г.)
47. НАУз., ф. КТГГ, оп. 3, д. 389, л. 338.

Источники

48. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане 1874-1889. СПб: М.М. Стасюлевич. 1889 – 666 с.
49. **50.** Арандаренко Г.А. Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века: журналы командировок Г.А. Арандаренко /предисл. Н.А. Халфина, А.В. Станишевского; Академия наук СССР, Институт востоковедения. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1974. 142 с.
50. **51.** Алиханов-Аварский М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему /Сост. поручик 18 Драгун. Переясл. его вел. полка Алиханов. - Санкт-Петербург : тип. и хромолит. А. Траншеля, 1883. [2], II, 108 с., 1 л. Карт.
51. Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания, «Вестник Европы», октябрь, 1904. №10. С.445-495.
52. Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873-1874 гг. Перевод с англ. СПб, 1877. 310 с.

53. Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. «Катаган и Бадахшан». Пер. с перс. П.П. Введенского, Б.И. Долгополова и Е.В. Левкиевского, под редакцией, с примечаниями. Ташкент. 1916. 280 с.
54. Венюков М.И. Россия и Восток: Собр. геогр. и полит. ст. /[Соч.] М. Венюкова. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1877. [2], II, 297 с.
55. Венюков М.И. Путешествие Вуда к истокам Аму-Дарья. //Русский инвалид. № 40. 1873.
56. 57. Венюков М.И. Мелкие государства по верховьям Окса. «Русский инвалид» № 60, 1876.
57. Венюков М.И. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них / [соч.] М. Венюкова, д. ч. Рус. геогр. о-ва. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. -[2], II, 528 с.
58. Венюков М. И. Краткий очерк английских владений в Азии, СПб, Тип. В. Безобразова и К°. 1875.
59. Венюков М.И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией, СПб.: Тип-я В. Безобразова в. о., 8 л., д. №45. 1879. 12 с.
60. Вамбери А. История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего по восточным обнаруженным рукописным историческим источникам. Перевод. А. И. Павловского, т. 1 и 11, СПб, 1873. 274 с.
61. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии, из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву. Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г. с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште. М., 1867. 369 с.
62. Внешняя политика Англии в среднеазиатском вопросе «Вестник Европы № 2, СПб, 1875. 242 с.
63. Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. //Путевые очерки Туркестана /В.Н. Гартевельд: И. А. Маевский. 1913. 159 с.
64. Гродеков Н.И. Война в Туркмении : Поход Скобелева в 1880-1881 гг. Т. 1-4 / Н.И. Гродеков. Т. 1 / 4 т.; 28. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1883-1884, 1883. [2], IV, 282, 158 с., 10 л. ил., карт.
65. Галкин А. Исхак-хан и афганская смута в 1888 г. //Военный вестник. СПб, 1889.
66. Заорская, В.В., Александер, К.А. Промышленные заведения Туркестанского края / В.В. Заорская, К.К. Александер. Пг.: Екатерин. тип., 1915. 557 с.
67. Игнатъев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатъева //Миссия в Хиву и Бухару в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатъева. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1897. 278 с.

68. Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан: Восточный Туркестан Опыт военно-стат. описания /Под ред. нач. Штаба Туркест. воен. окр. ген.-лейт. Сахарова; Сост. Ген. штаба подполк. Корнилов. Ташкент: тип. Штаба Туркестан. воен. окр., 1903. 445 с.
69. Летц. Роль Афганистана и среднеазиатском вопросе и возможности войны в Туркестане из-за Индии. Ташкент, 1906.
70. Лессар П. М. Юго-западная Туркмения (земли сарыков и саларов). СПб.: Военная типография. 1885. 139 с.
71. Лакост, Г. Россия и Великобритания в Центральной Азии /Г. Лакост. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа. 1908. 99 с.
72. Логофет Д.И. Переправы на Аму-Дарье и Пяндж. //Туркестанские ведомости. №106. 1906.
73. Маслов А.Н. Завоевание Ахал-теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880-1881) /А. Маслов. СПб.: Суворин, 1882. 212 с.
74. Небольсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 1-2. СПб.: тип. Деп. внеш. Торг. 1850. 495 с.
75. Небольсин Г.П. Очерки торговли России со Средней Азией. СПб.: Тип. Академии Наук. 1855. 448 с.
76. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирза-Шемси Бухары. Изд. текст В. В. Григорьевым. Казань: Университетская типография. 1861. 109 с.
77. Прасалов В.П. Мургабский поход 1885 г., завершившийся боем с афганцами на Кушке 18 марта /В. Прасалов. С.-Петербург: Военная типография, 1910. VI. 168 с.
78. Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом, СПб.: Тип. Императорский Академии Наук. 1853. 188 с.
79. Путята. Очерк экспедиции ГШ кап. Путята в Памир, Сарыкол-Вахан и Шугнан в 1883 г. «Сборник материалов по Азии, вып. 10. СПб.: Изд. Воен.-учен. ком. Гл. штаба. 1884. 301 с.
80. Романовский Д.Н. Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПб.: Издательство: Типография Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии. 1868. 294 с.
81. Риджуэй. Новая афганская граница капитана Риджуэй. Перевод с англ. («Сборник материалов по Азии»), вып. 29, СПб, 1888.
82. Семенов-Тяньшанский. Россия, т. 19. Туркестанский край /сост.: кн. В. И. Масальский; [предисл.: В. Семенов-Тян-Шанский и Л. Берг]. 1913. X. 861 с.
83. Стремоухов Н. Отношении России и Англии в Средней Азии //Семейное чтение. № 9. 1888.

84. Субботин. Россия и Англия на среднеазиатских рынках, СПб.: Ист.-экон. этюд / [Соч.] А.П. Субботина. Санкт-Петербург: ред. Экон. журн. 1885. [4]. 85 с.
85. Серебренников А. Г. «Сборник материалов по Азии», вып. 70. 1896. Очерки Шугнана. СПб.: Изд. Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1896. XII. 202 с.
86. Серебренников А. Г. Памир. Краткий очерк. «Ежегодник Ферганской области», т. 1. «Новый Маргелан», 1902. С.90-158.
87. Столкновения Англии с афганскими пограничными племенами. «Живая старина», выпуск 1-11, СІБ, 1900.
88. Татищев. Внешняя политика императора Николая I. СПб.: тип. И.Н. Скороходова. 1887. XVIII. 639 с.
89. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. -Т.ІІІ.- СПб.: 1906. 496 с.
90. Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынок. СПб, 1876. 264 с.
91. Тернер Ф. Г. Движение внешней торговли России 1853 г. по 1856 г. СПб.: Типография морского министерства, 1858. 356 с.
92. Тагеев Б.Л. (Рустам-бек) Памирский поход 1892-1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава. 1902. 42 с.
93. Тагаев Б. А. Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире. /Б.А. Тагеев. Санкт-Петербург: тип. В.С. Эттингера. 1900. 254 с.
94. Тагаев Б. Рустам-Б памирских походах 1892-1895 гг. М., 1904.
95. Федоров М.П. Риттих П.А. Соперничество торговых интересов на Востоке. «Афганский вопрос», на правах рукописи. 1905.
96. Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1843. 284 с.
97. Хилков. Сборник князя Хилкова. СПб.:Тип. брат. Пантелеевых. 1879. 12, 580, 35 с.
98. Ханство Кундуз. «Сборник материалов по Азии», вып. 15 //Из донесения члена экспедиции капитана Бернса. СПб. 1885. 52 с.
99. Хрулев С.Проект устава Товарищества для развития торговли со Среднею Азиею. СПб.: Изд. «Журнала мануфактур и торговли», 1863. 48 с.
100. Шеманский А. Д. Бой на Кушке Военное сообщение Генерального штаба полковника А. Д. Шеманского, читанное в Ташкенте, Мерве, Асхабаде и кр. Кушке в 1904 г. СПб., В. Березовский. 1910. 80 с.
101. Шеманский А. Д. Значение английских горных экспедиций на северо-западной границе Индии // Средняя Азия. Т.ІІ. Ташкент, 1911. С. 63.
102. Южаков С. Н.Афганистан и сопредельные страны : Полит.-ист. очерк /С.Н. Южаков. Санкт-Петербург: тип. т-ва "Обществ. польза", 1885. [2], IV, II, 195, [1] с.

103. Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг. : из дневников И. Л. Яворского / [соч.] И. Л. Яворского. СПб.: Тип. д-ра М. А. Хана, 1882-1883. 387 с.

Сборники и воспоминания

104. Архипов. Военная рекогносцировка равниной части Бухарского ханства. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. X. СПб.: Издание военно-учебного комитета Главного штаба. 1884. 301 с.

105. Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXXIII. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1888. 55 с.

106. Военский К. Новая афганская граница Риджуэя. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIX. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба, 1888. С. 87.

107. Галкин. Современное состояние вооруженных сил в Восточном Туркестане. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIV. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1886. 256 с.

108. Гольдич. Географическая заметка Афганской пограничной комиссии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XX. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1886. 300 с.

109. Гродеков Н.И. Поездка из Самарканда через Афганистан в Герат (1878). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. СПб.: Изд. военно-ученого комитета Главного штаба. 1883. С. 5.

110. Калитии. Записки о мервских туркменах. 1883. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. VI. СПб.: Издание военно-учебного комитета Главного штаба. 1883. С. 122.

111. Клем В. Современное состояние торговли Бухары. Сборник географических, топографических, и статистических материалов по Азии, вып. XXXIII. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1888. С.1.

112. Комаров. Краткие статистические сведения о племенах эрсари, обитающих по левому берегу Аму-Дарьи от сел. Бассаги до Чарджун. 1886. Сборник географических, топографических и статистических материалов по

- Азии, вып. XXV. СПб.: Издание военно-учебного комитета Главного штаба. 1887. 278 с.
113. Кузьмина. О введении русского управления в Атеке. 1885. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXI. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1886. С. 110.
114. Лемеден П. Сообщение о Королевском географическом обществе в Лондоне (из газеты «Таймс» 1885 г.). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XV. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1885. 244 с.
115. Лессар П. М. Юго-западная Туркмения (земли сараксов и саларов), 1884. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XII, СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1884. С.1
116. Лилильталь. Кухистан с северною частью Гиссарского бекства. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азиям, вып. XXXVI. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1888. 187 с.
117. Макаров. Записка о реке Атрек. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XV. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1885. 188 с.
118. Маллесон. Герат житница и сад Центральной Азии. 1880. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVI. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба, СПб, 1885. 51 с.
119. Матвеев. Краткий очерк Бухары. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXXVI. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1888. С. 1.
120. Матвеев. Поездка по бухарским и афганским владениям (1877). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. V. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1883. С.1.
121. Мельницкий Ю. Статистические данные о Закаспийской области. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIX. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1888. 102 с.
122. Петров. О дорогах из Чарджуя в Керки по левому берегу Аму-Дарьи. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азиям. Вып. XXI, XVIII, XIX. СПб.: Издание военно-учебного комитета Главного штаба. 1886. 102 с.

123. Покотило. Очерк Бухарских владений на левом берегу Пянджа. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXV. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1887. 267 с.
124. Проекты экспедиций в Индию, предложенные Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру 1 в 1800 и 1807-1808 гг. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIII. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1886. С. 1.
125. Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкал, Вахан, Шурган. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. X. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1883. С. 1-40.
126. Стюарт. Долина Герата и персидская граница от Герируда до Сейстана. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXI. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. СПб, 1886. 158 с.
127. Торнтон Т.С. Белуджистан и новая индийская провинция. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXXIII. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1888. 54 с.
128. Ханыков Н. Извлечение из его сочинения о южной части Средней Азии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVI. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1885. 209 с.
129. Хиден С. Через Персию, Мессопотамию и Кавказ. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXXIII. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1888. 84 с.
130. Чарыков Н. В. Описание поездки по берегам р. Тедена Герируда. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XIII. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1884. 138 с.
131. Чихачев П. Записка о возможности осуществления Россией экспедиции в Индию. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1886. 105 с.

132. Мак-Грегор. Оборона Индии. Ч. I, II. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. X. СПб.: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. 1891. 211 с.

Периодическая литература, газеты и журналы

133. Английский миссионер в русской Азии. Газ. «Новое время». № 3433. //Туркестанский сборник, т. 389. С. 10.

134. Вуд в Бадахшане. «Русский мир». № 1289. 1873. //Туркестанский сборник, т. 75. С. 147.

135. Выступление депутата в палате общин. //Туркестанский сборник, т. 196. С. 107.

136. Европейские и среднеазиатские дела в английской палате лордов. Газета «Голос». 1874 г. //Туркестанский сборник. № 129. С. 174.

137. Завоевание Меймене //Туркестанский сборник, т. 221. С. 44.

138. Из письма в редакцию «Новое время». № 3289. //Туркестанский сборник, т. 380. 1885.

139. Кашгарский посланник в Турции. «Русский мир». №143-144. //Туркестанский сборник. 1873, т. 75. С. 148.

140. Миссия генерала Лемсдена. //Туркестанский сборник, т. 376.

141. Нарушение Якуб-беком торгового соглашения с Россией. Газ. «Биржевые ведомости». //Туркестанский сборник, т. 75. С. 100.

142. О русской стратегии. Газ «Голос» № 230.//Туркестанский сборник, т. 75. 1874. С. 141.

143. Переписка между Англией и Россией по поводу экспедиции против туркмен. Газ. «Биржевые ведомости» № 77. //Туркестанский сборник, т. 74. 1874. С. 124.

144. По вопросу разграничения, «Новое время» № 3281. //Туркестанский сборник, т. 380. 1885. С. 90.

145. Россия в Средней Азии. Газ. «Новое время» № 1312. //Туркестанский сборник, т. 248. 1877. С. 65-66.

146. Русские у ворот Герата. «Новости» № 99. //Туркестанский сборник, т. 376. 1885.

147. Русско-афганское разграничение. Газ. «Новое время» № 233. //Туркестанский сборник, т. 409. 1887.

148. Среднеазиатская тревога. «Неделя» № 23. //Туркестанский сборник, т. 395. 1884. С. 10.

149. Среднеазиатский вопрос (Переписка между Англией и Россией). Газ. «Биржевые ведомости» № 79. //Туркестанский сборник, т. 74. 1874. С. 128.

150. Через Афганистан. «Новое время» № 3194. //Туркестанский сборник, т. 241. 1880.

151. Юго-западная Туркмения. Газ. «Новое время» № 3158. //Туркестанский сборник, т. 376. 1884.

Иностранная литература

152. Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана: с приложением карты Афганистана, портрета Абдурахман-хана и рисунков. В 2 томах /издано султаном Магомет-ханом; перевел с английского М. Грулев. Санкт-Петербург: В. Березовский. 1901. 20 с.

153. Бартон А. Империя под вопросом: чтение, письмо и преподавание британского империализма. Дарем, Издательство Университета Дьюка, 2011. 416 с.

154. Бёрнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Борнсом, членом Королевского общества: в 3 частях /А. Бёрнс. Москва: Издание П.В. Голубкова. 1848-1849. Ч. 2. 1848 (Университетская типография). VI. 502 с.

155. Smith V. The oxford History of India: From the Easlies Times to the End of 1911. Clarendon Press. 1920. 816 pp.

156. Wolff. 1. Narrative of a mission to Bokhara in the Years 1843-1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly. New York. Harvard. 1845. 384 pp.

157. Balfour Betty lady. The History of Lord Lytton's Indian Administration, 1876 to 1880: Compiled from Letters and Official Papers. Gyan Publishing House (January 1, 2024). 567 pp.

158. Hadderton William. Anglo-Russian Relations Concerning Afghanistan. 1837-1907. University of Illinois. 1937. 102 pp.

159. Робертс. Россия и Англия в Афганистане. «Русская старина». 1891.

160. Рейхтер. Россия и Англия в Средней Азии /М.А. Терентьев. С.-Петербург: Тип. П.П. Меркульева. 1875. XIV. 361 с.

161. Руир А.М.Ф. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке /Д-р Руир; Перевод с французского А.М. Сухотина: Социалистическая академия (Кабинет внешних сношений). М.: Издательство «Красная новь». 1924.180 с.

162. Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже [События гражд. войны в Афганистане, 1928-1929 гг.] [Пер. с дари, ввод. ст. и коммент. А.И. Шкирандо]: АН СССР. Ин-т востоковедения. 1988. 280 с.
163. Шайе-Бер Жозеф. Современная Индия /Ж. Шейэ (S. Chailley); Пер. с фр. М.А. Брагинского. Ч. 1-2. Туземная политика /2 т.; 19. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон. 1912-1913. 1913. XIII. 412 с.
164. Сеид Касем Риштия. Афганистан в XX веке: научно-популярная литература /С.К. Риштия; пер. с персид. Л.Н. Дорофеевой; ред. и предисл. Ю.В. Ганковского. М.: Иностран. лит. 1958. 487 с.

Литература

165. Алимшоев М.М. История взаимоотношений Российской пограничной службы на Памире с местным населением в конце XIX – начале XX вв. – Душанбе, 2003. – 26 с.
166. Алексеенков П. Аграрный вопрос в Афганском Туркестане. М.: Международный Аграрный Институт. 1933. 107 с.
167. Арбеков П. Захват Мерва. «Туркменоведение». 1931. № 1-2. 135 с.
168. Бондаревский Г.Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближнем Востоке (1888-1903). Ташкент: Государственное издательство Узбекской ССР. 1955. 320 с.
169. Байкова Н. В. Англо-кашгарский договор 1874 г. // Краткие сообщения института Востоковедения. Выпуск 4. М. 1952.
170. Бабаходжаев А.Х. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921-1924 гг.). Ташкент: Изд-во восточной литературы. 1962. 167 с.
171. Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана /Акад. В.В. Бартольд. Ташкент: Б. и., 1926. 122, [3] с.
172. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, гос. тип. им. Ив. Федорова. 1927. 256 с.
173. Бартольд В. В. История изучения Востока в России и Европе /В. Бартольд. Ленинград, 1925. VIII, 318 с.
174. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. /В.В. Бартольд. Санкт-Петербург: тип. Импер. Акад. наук, 1898-1900. Ч. 2: Исследования. 1900. VIII. 573 с.
175. Бартольд В.В. Таджики (исторический очерк) //Таджикистан: сборник статей с картой /Под ред. Н.Л. Корженевского. Ташкент. 1925. С.93-111.
176. Бартольд В.В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Изд. АН СССР, Л., 1928. 298 с.

177. Беляковский С.К. Афганистан. Военно-географическое управление штаба РККА, М. 1932.
178. Валиев А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). Душанбе: РТСУ, 2013. 229 с.
179. Вавилов Н.И. и Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. Л.: Изд. Всес. ин-та прикл. ботаники и новых культур при СНК СССР и Гос. ин-та опытной агрономии НКЗ РСФСР. 1929. 610 с.
180. Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., т. 1, изд. 3, М., 1955.
181. Гаджиев К.С. Геополитика образов и структурирование метапространства //Полис. 2003. №1. С. 17-25.
182. Гарбузарова Е.Г. Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.09/ Е. Г. Гарбузарова. – Бишкек, 2010. – 24 с.
183. Ганковский Ю. В. Империя Дурани. Очерки административной и военной системы. М.: Издательство Восточной Литературы, 1958. 173 с.
184. Ганковский Ю.В. Миссия Богдана Асланова в Афганистане в 1764 г., «Советское востоковедение». 1958. № 2. С.57.
185. Гордон Л.Р. Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии. М.:Изд-во АН СССР. 1953. 212 с.
186. Гордон Л.Р. Борьба Афганистана против английской агрессии в конце XIX в. «Очерки новой истории стран Среднего Востока». /Под ред. проф. И. М. Рейснера и доц. Н. М. Гольдберга. М. 1951. С.125-154.
187. Гордон Л.Р. Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии по второй половине XIX в. //Вопросы истории. № 3. 1950. С.48-68.
188. Гуревич Н. М. Внешняя торговля Афганистана. / Н.М. Гуревич. М.: [б. и.]. 1959. 225 с.
189. Данков А.К. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX - начало XXI вв.: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.09 /А. К. Данков. Томск. 2008. 28 с.
190. Дубинский А. М. Индия, Китай и Япония в 40-60-х годах XIX века. М. 1949. 39 с.
191. Дипломатический словарь, т. 1. М., 1948; т. 11, М., 1950.
192. Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М. 1926. 161 с.

193. Дубовицкий В.В. Россия и Бухарское ханство: история стратегического партнерства //Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе: Шарки Озод. 1998. С. 89.
194. Дубовицкий В.В. История формирования системы геополитических взаимоотношений России и Средней Азии в период 1700-2002 гг. дисс. ... док. ист. наук. Душанбе, 2004. 274 с.
195. Дубовицкий В.В. Мотивы присоединения Средней Азии к России //История и современность. №2, 2010. С. 86-111.
196. Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке. (XIX - начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. Москва. 1990.
197. Искандаров Б. И. Англо-русское разграничение 1872 - 1873 гг. //Вопросы истории Таджикистана. - Душанбе, 1961.
198. История таджикского народа. Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.) /Под общей редакцией академика Р.М. Масова. – Душанбе, 2010.
199. История дипломатии. Т. 11. М. 1945.
200. История международных отношений и внешней политики (1870-1887 гг.). Сб. док. /Высш. парт. школа при ЦК КПСС; Сост. Л.А. Харламова. М.: Б. и., 1957. 436 с.
201. Индия и Афганистан. Очерки истории и экономики. М.: Изд-во восточной литературы. 1958. 290 с.
202. Иванов М.С. Очерк истории Ирана /М.С. Иванов. М.: Госполитиздат. 1952. 468 с.
203. Кущева Е. Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х годах XIX в. Исторический сборник. №3. Т. 11, III. 1934.
204. Кастельская З.Д. К истории англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX в. до 1947 г. «На зарубежном Востоке» №2. 1954.
205. Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина: К истории Таджикистана /Тадж. филиал Акад. наук СССР, Ин-т истории, языка и лит. Сталинабад; Ленинград: Госиздат Тадж. ССР, 1941 (Ленинград). 240 с.
206. Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII - начала XX вв.: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.03/ К. Г. Кубанов – 2007.
207. Лавров Н.М. Турция и Иран в 1870-1918 годах. М., 1950. 25 с.
208. Ленин В.И. /под ред. Л.Б. Каменева. Москва; Ленинград: Государственное издательство. 1930. 614 с.
209. Ленин В.И. Пятидесятилетие издания крепостного права. /Сочинения, т. 20. М.: Полит. Литература. 1973. 397 с.

210. Ленин В.И. Тетради по империализму /В.И. Ленин; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1939. 739 с.
211. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. /В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит. 1969. Т. 27. Август 1915 июнь 1916. С. 299-426.
212. Ленин В.И. Горючий материал в мировой политике. /В.И. Ленин. М.: Политиздат. 1983. 23 с.
213. Масов Р. Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе. 2005. 288 с.
214. Мамадалиев И.А. Россия и Средняя Азия: особенности колониально-административной системы управления во второй половине XIX – начало XX века Монография. – Худжанд: Ношир, 2013. - 400 с.
215. Мамадалиев И.А. Памир – между империями: в контексте большой игры //Вестник УГУ, РФ. – 2013. С.85-90.
216. Мамадалиев И.А. Средняя Азия в орбите Российской империи (историографический аспект) //Материалы межд. конф.-Душанбе. 2017.
217. Мамадалиев И.А. Средняя Азия в геополитических интересах России (XVIII-XIX) // Материалы межд. конф. Худжанд. ТГУ ПБП, 2016.
218. Мамадалиев И.А. Средняя Азия в составе Российской империи (историографический аспект) //Международная конференция, Ташкент, Узбекистан, Институт Востоковедения. 30-31.10.2019.
219. Факторы завоевания: к вопросу англо-русского соперничества в Средней Азии (вторая половина XIX вв.). //Материалы межд. конф. – Кемерово, 2011.
220. Монич. Афганский Туркестан. (Письмо из Афганистан) /«Новый Восток». № 16-17. 1926. 314 с.
221. Мартиросов С.З. Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе. – Ашхабад, 1962
222. Маркс К. Восточный вопрос. Сочинения, т. XI. ч. I. М.: Госполитиздат. 1933. 787 с.
223. Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (1664-1858 гг.). Ленинград: ОГИЗ Госполитиздат. 1947. 180 с.
224. Маркс К. Договор с Персией. Сочинения, т. XI, ч. 1. М.: Госполитиздат. 1933. 787 с.
225. Маркс К. и Энгельс Ф. Британское владычество в Индии //Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т.9. С.130-136.
226. Маркс К. и Энгельс Ф. Ост-Индская компания, ее история и результаты. Сочинения, т. IX. М.: Госиздат. 1957. С. 130-136.
227. Маркс К. и Энгельс Ф. Будущие результаты британского господства в Индии. Сочинения, т. IX. М.: Госиздат. 1957. 736 с.

228. Маркс К. и Энгельс Ф. Восстание в Индии. Сочинения, т. IX, ч. 1. М.: Госиздат. 1957. 736 с.
229. Маркс К. и Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции. Сочинения, т. IX. М.: Госиздат. 1957. 736 с.
230. Маркс К. и Энгельс Ф. Крымская кампания. Сочинения. т. X. М.: Госиздат. 1958. 765 с.
231. Маркс К. и Энгельс Ф. Лондонская газета «Таймс», Лорд Пальмерстон. Сочинения, т. XI, ч. 11. М.: Госиздат. 1957. 736 с.
232. Новая история в документах и материалах. В 2 т. Том 1 Москва: Издательство Юрайт. 2024. 381 с.
233. Ниалло-Азиз. Классики марксизма-ленинизма об Афганистане. «Известия АН УзССР» № 6, 1949.
234. Пирумшоев, Х. Российско-среднеазиатские отношения с XVI до середины XIX в. в русской историографии: автореф. дис. ... док. истор. наук: 07.00.09 /Х. Пирумшоев. Душанбе. 1996. 51 с.
235. Пирумшоев Х.П. Памир в первой половине XIX начале XX вв. //История Горно-Бадахшанской автономной области. Т.1. Душанбе: Пайванд, 2005. С. 282-378.
236. Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX - начала XX вв. Диссертация к.и.н. 2011. -167 с.
237. Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половине XIX - начало XX вв. / М. Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 198 с.
238. Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. «Исторические записки» № 7. 1940. 235 с.
239. Попов А.Л. Из истории завоевания Средней Азии. «Исторические записки» № 9. 1940. 235 с.
240. Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / Общ. ред. и пред. академика В.С. Мясникова. М.: Рипол-классик, 2005. – 512 с.
241. Раджабов. К вопросу о присоединении Средней Азии к России. /Материалы Объединенной научной сессии. Ташкент. 1958. С. 33.
242. Рейснер И. М. Независимый Афганистан. М., 1929. 75 с.
243. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, М., 1949.
244. Ремез И.А. Внешняя торговли Бухары до мировой войны /сост. И.А. Ремез, под ред. Д.П. Красновского. Центр. Стат. Упр. Туркест. республики, Отд. экон. статистики. Ташкент: ЦСУ Туркеспублики. 1922. X. 72. 45 с.

245. Салимов Ф. Административное разделение Средней Азии в период Российской империи: последствия и современные реалии// Вестник Таджикского национального университета, 2025. №9. -С.11-23.
246. Снесарев А.Е. Афганистан. М.: Госиздат. 1921 г. VII, 244 с.
247. Станишевский А.В. Афганистан. Москва: Воениздат. 1940. 88 с.
248. Сальникова А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX – начале XX века: автореф.дис. ... кан. ист. наук: А. В. Сальникова. – Иваново, 2009. – 24 с.
249. Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70-90-е годы XIX века: автореф. дис. ... кан. ист. наук:07.00.03/ А. В. Смирнова. – Санкт-Петербург, 2004. – 32 с.
250. Современный Афганистан. //АН СССР Институт востоковедения. М.: Издательство Восточной Литературы. 1960. 502.
251. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России, М.: Издательство Восточной литературы. 1960. 238.
252. Терентьева Н.В. Советская историография англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.09/ Н.В. Терентьева. Нижневартовск. 2003.
253. Фадеев А. Мюрадизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии. //«Вопросы истории». № 9. 1950. С.76-96.
254. Фуркат З. Избранные произведения. Ташкент: Советский писатель. 1972. 400 с.
255. Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники (пиры) и их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана: Вторая половина XIX - 30-е годы XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Душанбе. 2002 167 с.
256. Ёров А.Ш. Бухарский эмират на мировом рынке: Вторая половина XIX - начало XX столетия: автореф. дис. ...канд. истор. наук. Душанбе. 2005. 153 с.
257. Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке, Ташкент: Izdatel'stva SAGU. 1957. 249 с.
258. Халфии Н.А. Русско-бухарские взаимоотношения по поводу припамирских бекств после англо-русского разграничения 1895 г. на Памире. Москва: Восточная литература. 1975. 126 с.
259. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). М.: Издательство восточной литературы. 1960. 272 с.
260. Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. - начало XX в.). М.: Издательство социально-экономической литературы. 1959. 210 с.
261. Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 240 с.

262. Хамеди Мохаммадриза Политические, экономические и культурные преобразования в Средней Азии в XIX - начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. – Душанбе, 2013. -154 с.
263. Штейнберг Е.Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. (От французской буржуазной революции до Второй мировой войны). М., Воениздат. 1951. 212 с.
264. Шихмурадов О. Чугаев А. Против проявлений национализма в освещении вопросов истории//Большевик. 1951. № 23. 248 с.